

Пятерим Варфоломеев

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Тамбов
2020

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4
В-61

Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Воронежской области.

Пятерим Варфоломеев

В-61 Дорогие мои земляки. – ООО «ТПС». – Тамбов, 2020. –
256 с.

Редактор-составитель: В.В. Колобов

Известный журналист Пятерим Николаевич Варфоломеев (1947–2018) начинал профессиональный путь в эртильской районной газете «Трудовая слава». С 1973 по 1980 год работал заводделом, замредактора, редактором областной газеты «Молодой коммунар», одного из лучших в то время молодёжных изданий страны. С 1980 по 1982 год – заведующий сектором печати, радио и телевидения Воронежского обкома КПСС. Затем почти четверть века работал собкором газеты «Труд» по областям Центрального Черноземья. В этой газете в полной мере раскрылись его журналистский талант и мастерство публициста.

За годы работы в прессе П.Н. Варфоломеев многократно награждался почётными грамотами и дипломами Союза журналистов СССР и России. Имел государственные награды. Ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры РФ» и «Отличник печати СССР». В 2017 году указом губернатора Воронежской области он был награждён медалью «За труды во благо земли Воронежской».

В первую часть книги «Дорогие мои земляки» вошли избранные статьи и очерки П. Варфоломеева, во вторую часть – воспоминания о нём коллег и друзей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2=411.2)6-4

ISBN 978-5-907349-17-9

© П.Н. Варфоломеев, 2020
© ООО «ТПС», 2020

ЗИМНЕЙ ЧЕРЁМУХИ ЦВЕТ

Статьи и очерки

ЗИМНЕЙ ЧЕРЁМУХИ ЦВЕТ

В деревне Матрёновка у входа в контору местного АО висит витрина, оставшаяся от бывлой Доски почёта. Время стёрло позолоту букв, дожди смыли цифры «рубежей», затуманились лики на фотографиях. Лишь под снимком немолодой уже женщины в белом с горошком платке я смог прочитатть имя героини труда: Екатерина Федотовна Лавлинская. Подумалось: а как теперь живётся-можетсч бывшей знатной доярке?

В бухгалтерии милая девушка, зябко кутавшаяся в платок из козьего пуха, меня не сразу поняла. «А-а, – наконец догадалась, – вы бабушкой Катей интересуетесь? Ой, пойду, узнаю: жива ли». Сбегала в соседний кабинет и вернулась с улыбкой: «Жива. Наш шофёр позавчера мимо проезжал и видел, как она во дворе копошится. А вы, слушаем, ей не родня?»

Узнав, что не родня, вздохнула разочарованно: «У неё в городе племянник есть, да только третий год глаз сюда не кажет...»

– А что, она плохо живёт?

– Не то слово! В колхозе осенью два центнера ячменя выписали, а то бы она, может, с голоду померла...

Сквозь крупный медленно падающий снежок улица смотрелась сказочно. Дома, заборы, плетни и берёзы словно замерли в белом холодном сне. Тишину нарушал лишь звенящий стук, какой обычно бывает, когда тупым топором пытаются рубить промёрзшую древесину. Когда я отодвинул висевшую на одной петле калитку и зашёл в жалкий дворик, по приметам похожий на описанный мне в конторке, сомнений не осталось: «топор дровосека» стучит где-то подле избёнки в три оконца. Сразу за утонувшим в сугробе подобием сарайчика я увидел согбенную фигуру хозяйки, одетую в старенькое пальтецо, закутан-

ную в шаль, завязанную махрами на голове. «Здесь живёт бабушка Катя?»

– Тута, – она разогнулась, поправила съехавший на глаза платок. – Штой-то, милоч, я тебя не признаю. Ты чей?

– Я приезжий.

– Самогонку ищешь? Так у меня нету...

После объяснения, кто я, откуда и почему пожаловал, бабушка Катя бросила топор в снег и пригласила в избу. Внутри стены, потолок – всё в копоти, стойкий запах соломы и картофельных очисток. В «красном» и тоже закопчённом углу посверкивает окладом из серебряной фольги иконка Божией Матери «Утоли моя печали». А на стене, прямо над рамкой из пожелтевших семейных фотографий, – парадный портрет Брежнева в маршалском мундире.

Смахнув с сундука пыль, бабуля пригласила: «Присаживайся. Говоришь, мою фотку видал? Неужто цела до сих пор? Ох, родной, это я сейчас заплошала, а когда-й-то гремела на весь район. Орден имею, медали... – заметив, что я оглядываю её убогое жилище, бабушка Катя вдруг застеснялась. – Дюже темно у меня? А всё из-за печки, будь она неладна. Чадит, треклятая, никакого нету сладу. Дым глаза ест, а тепла ни на грош».

– Чем же вы топите?

– Дровами. Уголь дорогой, на два месяца только хватило. А зима-то – она дюже долгая. Не то, что лето: пролетит – и не заметишь. Так и жизнь моя пролетела...

Обрадовавшись собеседнику, ударились баба Катя в воспоминания. Да, была она молодой и богатой. Молодой – давно, а богатой – совсем ещё недавно. В 1991 году, когда её с почётом проводили на пенсию, на сберкнижке лежало 17 тысяч рублей. Вообще-то личная жизнь Екатерины складывалась не слишком счастливо: детей Бог не дал, а мужа она потеряла двадцать лет назад. Иван Михайлович, работавший чабаном, спасал от пожара колхозных овец, но сам не успел выбежать на свежий воздух – умер, задохнувшись в горьком дыму. Она поплакала-поплакала да ещё крепче вцепилась в работу. Тем более что тогда на знаки

уважения ударникам власть не скупилась. Будто не веря, что это было наяву, рассказала мне бабушка Катя, как возили её на «Волге» в областной центр, где вручили орден Трудовой Славы.

Ещё лет пять назад она легко могла построить себе на сбережения хороший дом, да сбил с толку племяш из города. «Ты зря деньги не трать, – советовал, – я тебе скоро кооператив куплю. Или обменяем с приплатой мои две комнаты на три или четыре, и будешь у меня жить...»

На пенсии поначалу Екатерина, по её словам, «жила, как барыня». Деньжонки водились постоянно: «пенсию» платили большую – 132 рубля – и приносили регулярно. Буханка хлеба в ту пору стоила 20 копеек, кило колбасы – 2.40. Не переводилась в сельмаге и свежемороженая рыба: «Подумать только: за рубель, бывалыча, два кило минтая давали. Ешь – не хочуй!» Не было проблем и с огородом: «Кликну Ваньку-соседа с лошадьё, так он за две бутылки картоху и выкапывал, и в погреб спускал»

Наезжал и племяш. Помогал по хозяйству – крышу подлатал, колодезную цепь к ведру приладил понадёжнее, ступеньки лестницы в погреб укрепил. И по-прежнему уверял, что «век вековать в этой халупе ей не придётся», что дело с обменом «на мази». По совету племяша она уже и корову продала...

Не ведала баба Катя, что где-то там, в белокаменной, представители «золотой молодёжи», воспитанные на заманчивых идеях «певца свободного капитализма» Фридмана, затевают либерализацию цен. Ничуть не задумываясь над тем, какой бедой это обернётся для бабушки Кати и для десятков миллионов других тружеников, по копейкам копивших на «чёрный день». На ком держалась страна, за чей счёт учились в университетах «чикагские мальчики» российских кровей.

В отчаянном положении она оказалась не сразу. С осени 1991 года закупила изрядно риса, макарон, муки. Сахар был свой – от колхоза получила. И зиму прожила спокойно, ухаживая за козой по кличке Мальва и поджидая племян-

ника. Тот объявился только летом – невесёлый, раздражённый: «А чему радоваться, тётъ Катъ? Жену Верку сократили, я работаю два дня в неделю – завод, похоже, концы отдаёт...» Полюбопытствовала бабушка про обещанный кооператив. «Ну, тётъ, с тобой не соскучишься! У тебя что, деньги есть на приплату?»

– А семнадцать тыщ-то?

– Да своей сберкнижкой ты теперь можешь печь растопить – на эти деньги и колёса от «Жигулей» не купишь...

По сей день не возьмёт баба Катя в толк: почему и за что её лишили денег, что скопила за сорок лет тяжкого труда? «И осталась я при пиковом интересе, – горюет обладательница трудовых орденов и медалей. – И в колхозе тоже – хоть шаром покати. Коров осталось совсем ничего, овец да свиней начисто перевели»

Таков уж он, человек от земли: нет, чтоб пенять на свою скорбную участь, – она всё больше печалится о бывшем колхозе, переименованном в АО.

– Трактора разваливаются, а сколько пашни бурьяном каждое лето зарастает? Отродясь такого не было. Слыхала, что какие-то люди из города у нас взяли землю, а что с ней делать – не знают. Что ж будет-то, милоч?

Нынешняя пенсия бабушку Катю вполне устраивает: 130 тысяч рублей. Одно плохо: почтальон третий месяц обходит её двор стороной: «Денег, говорит, на пенсию нет. Куды ж они подевались?»

– Не знаю, бабуль.

– А может, на оборону супротив супостатов?

Просто в угол загнала она меня вопросами. Не скажешь же ей, что у нас и армия перебивается с хлеба на квас. Не успокоишь же тем, что при невыплаченных «пенсиях» и зарплатах правительство добилось-таки «финансовой стабилизации», получит кредит от Международного валютного фонда. Не порадуешь же старушку рассказами про прослойку фантастически разбогатевших индивидов, гуляющих во французских Ривьерах и швейцарских Альпах с размахом, повергающим в изумление даже самых за-

коренелых миллиардеров из Техаса и нефтяных шейхов из Аравии. Как ни грустно, но придётся признать: мы, россияне, умны бываем, добры и жалостливы только задним числом. Мы обожаем копаться в «грязном белье истории», притом начисто игнорируем тёмные, а порой жуткие явления дня сегодняшнего.

А ведь это же кошунство – мириться с тем, что у старшего поколения фактически отнимается право на жизнь. Ведь не только деревенские, но и городские старики у нас не живут, а готовятся к собственным похоронам.

Как-то возле центрального рынка я увидел у автолавки длиннущую стариковскую очередь. У дедули в вытертом пиджачке спросил: «Чем тут торгуют?» «Материей. Дешёвая и цвет больно подходящий – тёмно-синий...» «А зачем она вам?» «Так чтоб гроб было чем оббить, когда помру...» Кое-кто покупает загодя и гробы. Ибо если реформы в их нынешнем виде будут-таки «доведены до конца», то деревянные домовины окажутся по карману только «новым русским».

И всё же старость в городе не столь беззащитна, как в деревне, где ни аптек, ни медпунктов, ни денег. «А пожить-то всё равно охота», – вздыхает мечтательно баба Катя. Она сидит на табуретке, не снимая пальто и не развязывая шали: в избе по-прежнему холодно, хотя дрова в печке уже начали потрескивать, постепенно наполняя комнату чадом, от которого режет в глазах.

– Я ишшо на белый свет досыта не нагляделась. Летом-то у меня – рай расписной. Черёмуха под окном цветёт, пахнет лучше всякого декалона. Я вишни на топку рублю, а черёмуху не трогаю...

– Бабуль, что же вы едите?

– Кулеш варю, картохи...

– А на хлеб хватает?

– Хлеб нынче мне не по деньгам. Я ячменёк на крупорушке мелю и пышки из него делаю. Вот пенсию дадут – тады я и хлеба куплю, и, может, камсицы – хоть с полкило. Больно преснятина надоела...

Все её припасы на виду: из-под кровати выглядывают несколько банок с огурцами, в уголке – горка картошки, накрытой старой, с вырванными кусками ваты на спине фуфайкой: «Мне бы только до тепла дотерпеть, а там Мальва доиться начнёт».

– Она где?

– У сарае, бедная. Я туда всё тряпье сволокла, чтоб ей теплей было, на ночь в избу беру. А как же? Жалко животную. Глаза у неё – прямо человечьи...

Печка, кажется, подрагорается. Из стоявшего на загниётке чугунок пошёл пар. «Может, моего кулешку отведаешь? – спросила бабушка Катя. – Ну, как хочешь, а я себе нутро маленько погрею...» Откуда-то появился рыжий кот, стал гладиться об хозяйкины валенки: «И тебе щас перепадёт...»

Я проглотил подступивший к горлу комок. Ну что же такое сделать, как ей помочь? Пошёл во двор, срубил то дерево, над которым она билась. Перепилил ствол на поленья ржавой, со стёршимися зубьями ножовкой. Попытался дать бабушке Кате немного денег на хлеб – не взяла. Она же не какая-нибудь побирушка, чтобы жить милостыней. Ей чужого не надо: отдали бы те кровные 17 тысяч в нынешнем исчислении – не знала бы горя до самого своего последнего взгляда на мир.

В местной администрации мой рассказ о том, как живёт «великомученица Екатерина», выслушали со скорбно-скупающим выражением на лицах: «У нас знаете, сколько таких бабушек и дедушек? Человек пятьдесят...»

На обратном пути я специально заехал ещё в несколько контор. В Гнилуше насчитали более сорока престарелых, брошенных на произвол судьбы. Примерно столько же в Ведуге, Верейке, Чудовке, Студенках. От складывающейся картины веет апокалипсической жутью. Старики мрут от голода и холода, а детей в деревнях почти перестали рожать. Вот трагическая статистика лишь по одному, граничащему с областным центром, району: за 1995 год здесь родилось 512 человек (в основном в райцентре),

а умерло (в основном в селе) 1315 – почти в три раза больше.

И то ли ещё будет? То ли будет при продолжении курса на всеобщий передел при моральном и экономическом терроре по отношению к российской деревне?

Впрочем, говорят, что беда с той стороны, откуда её ждёшь, не приходит. Дай-то Бог, чтоб все мрачные пророчества относительно будущего нашей деревни-матушки не сбылись. И помоги, Господи, бабушке Кате в её мученическом житье. Не допусти, чтоб пришлось ей от отчаяния и безысходности пустить на дрова свою последнюю радость – черёмуху под окном...

Примерно так про себя твердил я, подъезжая к залитому огнями Воронежу. Дома же, включив телевизор, оказался в мире, где живут одни лишь весёлые, счастливые, шикарно одетые дамы и господа, веселящиеся в ночных клубах, где за одну бутылку коньяка выбрасывают 900 долларов... Столько бабушка Катя сможет получить примерно за три года. Если, конечно, доживёт до тех времён, когда за невыплату пенсий виновных будут отдавать под суд, – от почтальона до члена правительства.

1996 г.

В СПИСКАХ НЕ ЗНАЧИТСЯ

«**В**идал по телеку фильм про Шерлока Холмса? Очень мне понравилось, как там одному мужику каждое утро приносили на тарелке одно и то же: «Овсянка, сэр!» Вот и нашу деревеньку Овсянка скоро подадут на блюдечке какому-нибудь хрену из-за бугра и скажут: «Овсянка, сэр. Кушайте на здоровье»

Из высказываний жителя села Овсянка Липецкой области.

Правительство страны за последние полтора десятка лет уже сколько раз принимало целевые программы социального развития села. Одно можно сказать со всей ответственностью – грандиозных планов в этих программах не содержалось. Их авторы не декларировали, как это зачастую бывало прежде, намерений осуществить полную смычку деревни с городом. То, что это несбыточно, – ясно, как белый день. А ведь речь идёт, вдумайтесь только, о 39 миллионах россиян, проживающих в глубинке.

1. В забытых, заброшенных сёлах продолжают жить граждане России

Хутор Зацепное над тихим, заросшим осокой прудом стоит в нескольких километрах от выхода на ямщицкий тракт, соединявший когда-то уездный городок Землянск с губернским Воронежем. Ныне тракт превратился в быструю и гладкую асфальтированную трассу, по которой день и ночь снуют яркие «Жигули» и вальжные иномарки с затенёнными стёклами. А по просёлку, что связывает Зацепное с трассой и со всем остальным миром, можно проехать только при очень хорошей погоде; поздней осенью, снежной зимой или дождливым летом сюда даже на «внедорожнике» лучше не соваться.

В прошлом хутор представлял собой крупную производственную единицу, о чём свидетельствуют ржавеющие

среди зелёной травы скелеты комбайнов, тракторов, а также остов саморазрушающейся МТФ, где некогда содержалось молочное стадо голов эдак на пятьсот. Народ, живущий сейчас на хуторе, хотя и работающий, но в основном пенсионного или в лучшем случае предпенсионного возраста. Основной источник дохода – личное подворье. Начальство сюда годами глаз не кажет. Впрочем, коренной житель Зацепного Тимофей Васильевич Попов, прирождённый оптимист и патриот родного хутора, не склонен особо драматизировать ситуацию. «Летом у нас рай: покой, тишина. Оно, конечно, – продолжает Василич, – по нашенской дороге к нам лучше не ездить, особо на легкой. Но на тракторе, хоть на колёсном, хоть на гусеничном ходу, запросто проскочишь...»

Василич – труженик: у него сорок пять лет механизаторского стажа. Есть ордена, медали. В те годы, когда считалось, что авторитет страны, её силу и благополучие определяют не банковские клерки и не игроки на биржах, а те, кто пашет землю, строит дома, прокладывает нефтяные и газовые трубы. Тракторист и комбайнер Тимофей Попов много раз «попадал в газету»: то в районную, то в областную, а были случаи – и в центральную. «Его любили фотографировать, – встречается в разговор супруга Василича Галина Дмитриевна, бывшая свекловичница, бывшая доярка, бывшая зав. фермой. – Он у меня смолоду видный был. Да и щас – хоть куда»

Уже несколько лет, как супруги Поповы ушли на пенсию. «И отдыхаем по полной программе, – сообщает Василич, – с пяти утра до двенадцати ночи...» Он ещё способен шутить, хотя «заслуженный отдых» четы Поповых, как и всех других хуторян, сильно смахивает на незаслуженную каторгу: держать на подворье корову, несколько свиней, двух бычков, тёлку, несколько десятков кур – это нелегко, особенно, если тебе под семьдесят. Вкалывать приходится без выходных, без отпусков и бюллетеней. А что прикажете делать? На пенсию в Зацепном прожить совершенно невозможно: одного угля приходится на зиму покупать не

менее пяти тонн, а цена каждой – две тысячи рублей. Да и других расходов хватает: на внучку-школьницу, что учится в Землянске, снимая там комнатку, и находится на полном обеспечении у дедушки с бабушкой, на электричество, на ремонт бытовой техники, на поездки в районный и областной центры за товарами первой необходимости. Магазина-то в Зацепном давно уже нет.

– Но продавщица есть, – опять же, не желая ударить в грязь лицом перед городскими, подчёркивает Василич, – торгует у себя на дому... «Чем?» «Водку, к примеру, можно купить в любое время суток» «Что ещё?» «Ну, курево». «А хлеб?» «Его мы сами печём...»

Уж больно не хочется Василичу признаваться в том, что, по-видимому, для властей всех уровней Зацепное «в списках не значится». А если бы значилось, то был бы хотя бы один на всё село телефон. Не избалованы зацепинцы и визитами людей в белых халатах. Всю медицинскую науку и практику здесь олицетворяет собой одна селянка, самостоятельно научившаяся делать уколы. В качестве дезинфицирующего средства при этом используется самогон-первач.

И надо ли удивляться тому, что с каждым годом в Зацепном всё больше появляется домов без признаков человеческого обитания: ни тебе дымка над крышей, ни петушиного рассветного крика, ни мычания бурёнки из стойла. Городские наследники всей этой недвижимости готовы продать вполне приличные строения, считай, задарма: трёх-четырёхкомнатные «хоромы» предлагаются за 15–17 тысяч рублей (в райцентре столько просят за сарай размером два на полтора метра). Однако смельчаков, желающих испытать на себе все прелести деревенского житья-бытья, что-то не видать.

Одно радует: живя в затянувшейся осаде различных моральных и материальных невзгод, зацепинцы духом не падают. Показательно то, как распорядились выручкой от продажи годовалого бычка Василич и Митревна. Заимев на руках целых одиннадцать тысяч рублей, они не стали

откладывать их «про чёрный день». За два реализованных перекупщику центнера мяса вставили себе в платной поликлинике ослепительно-белые зубы. Очень дорого, зато оба помолодели сразу лет на двадцать. «Это я настоял», – похвалился Василич. «И правильно сделал!» – одарила мужа улыбкой Митревна.

2. Калиныч бы рассказал

Кто как, а я не могу привыкнуть к утрате наших деревень. Едешь по дороге – и вдруг за косогором вместо знакомого живого села лишь несколько рассыпающихся сараев да заросли малины с крапивой пополам. Вроде ещё совсем недавно прочно стояли на своих местах Пустоваловка, Россошни, Казинка... В районной администрации спрашиваю: как там, например, в Вербиловне? «Да нет её» – «А Шпили?» – «Давно запахали» – «А Лопатино?» – «Три двора осталось...»

Подобная участь грозит и десяткам других сёл и хуторов плодородного Черноземья. Ещё ютится в своих избёнках и садах деревня Васильевка. 17 дворов. Около сорока человеческих душ. Пятеро – трудоспособных. Ни магазина, ни почты, ни телефона, ни медпункта, ни клуба... Не так уж долго, видимо, осталось ждать, когда и от этого сельца над речкой Быстрик останется среди необъятных полей лишь островок пустых усадебок. Грустно, потому что именно деревня, как там ни крути, является хранительницей и языка, и нравов, и обычаев, и песен, и ремёсел... Плюс ко всему у каждого селения имеются своя особенность, свои человеческие достопримечательности, светлые головы и недоюжинные таланты.

В той же Васильевке взять хотя бы Калиныча, а если «по всей форме» – Ивана Калиновича Пехтерёва. В прошлом он знаменитый на всю область чабан: к нему приезжали «перенимать передовой опыт» со всего Центрального Черноземья. Сейчас Калиныч живёт бобылём. И бывает несказанно рад каждому случайному собеседнику. Сколько всего

хранится в его памяти! «Было б кому записывать, книгу б надиктовал, ей богу! И про то, как при помещике жили – дед мой при господском доме в конюхах состоял, и про борьбу с частнособственническими инстинктами при Хрущёве, и про «концентрацию и специализацию» при Брежневеве... Ведь все больно били по деревне!» Только где тот грамотный неравнодушный человек, который бы записал рассказы Калиныча в особую книгу, содержащую в себе хронику прожитых лет, чтобы не исчезла Васильевка бесследно, чтобы было чем потомкам заполнить историю? И ведь есть ещё время, чтобы уберечь от «исторического склероза» хотя бы крупные сёла. Такие, как, допустим, Землянск...

Человеку заезшему он, может, и не приглянется: деревня как деревня. А записать о Землянске есть что. Бывший уездный город. До революции был по-купчески чинным, по будням – немного сонным. Звон колоколов. Перепелиные крики за околицей. Зато в праздничные дни в городском саду с летним театром гуляли по аллеям изящные гимназистки и статные юнкера, наезжавшие сюда из Воронежа. Духовой оркестр без умолку играл полочки, полонезы и вальсы. И, прижавшись лицом к частоколу, ограждавшему сцену, слушал музыку маленький Илюша Шатров – сын отставного унтер-офицера, впоследствии создатель знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии»!

И лермонтовская «Казачья колыбельная» написана была поэтом здесь, в примыкающем к Землянску имении генерала Потапова. Отсюда родом дочь богатых купцов Ростовцевых Надежда, ставшая революционеркой-бунтаркой, прошедшая через одиночную камеру в Шлиссельбурге ради, как она верила, светлой идеи. И разведчик Иван Бунин, в годы оккупации притворившийся немецким холуем и назначенный бургомистром Землянска... Посмертно его наградили высокими орденами, но люди узнали правду лишь через двадцать лет после войны... Разве эти факты недостойны летописи?

Вот ввели в столичных школах обязательный предмет «Московведение» – и правильно. Человек должен знать,

где он живёт, в какую землю врастает корнями. Школьникам других городов и деревень тоже было бы не вредно изучить историю своего края, да нет таких учебников. Хотя находятся подвижники – в основном сельские учителя со своими учениками, которые пытаются создать музеи, скорее, «краеведческие уголки». Но собранные в них старинные вещи и предметы пропадают, сгорают, рассыпаются в прах – нетленно лишь слово. Потому-то каждому селу нужен свой летописец-краевед, учитель, журналист... Из их трудов можно было бы создать сводную летопись сёл всей России – своеобразную деревенскую энциклопедию, где навечно запечатлелись бы все эти Соловьихи, Плющихи, Малиновки, Васильевки...

Вот отчего знаменитые боярские и княжеские роды так ревностно берегли семейные хроники, стремясь сохранить для потомства каждую веточку родословного древа. Да потому, что подпитка, идущая из минувших веков, делает сильнее и духовнее не только отдельный род, но и всю державу. К нашему несчастью, мы десятки лет существовали как бы в беспамятстве, в глухой уверенности, что родословные нужны лошадям да породистым собакам. Теперь же, спохватившись, кинулись на поиски корней, зачастую обнаруживая с запоздалым сожалением: поездо, увы, уже ушёл! Сгорели церковные архивы, умерли знающие люди, и растут дети Иванами, не помнящими родства... Потому многим, как манкуртам, не жалко уходящих в небытие деревень – малой родины их предков.

3. Овсянка, сэр!

Прошедшая перепись населения сообщает: за последние годы в России перестали существовать 17 тысяч сёл и хуторов. И столько же, если не больше, найдётся на наших просторах селений, де-юре ещё числящихся в административных списках, а де-факто уже вычеркнутых из жизни: сюда не собираются тянуть газопроводные трубы, прокладывать дороги, строить медпункты, школы, магазины...

В одной из таких всеми забытых деревенок мне довелось недавно побывать.

На географической карте района, граничащего с областным центром, такие деревеньки, как Овсянка, Рогачиха и «примкнувшие» к ним разные там Чудовки, Гудовки, Ромашовки и Березовки, не обозначены. Бесплезно спрашивать у молодых чиновников райсельхозуправления, как туда проехать. И лишь один управленец пенсионного возраста оказался в курсе того, «где что стоит».

– Вас какая деревенька интересует? – спросил он.

– Овсянка.

– Тогда езжайте на Землянск, а уж там сориентируетесь.

За Землянском, заметив едва заметную колею, сворачиваю и через какое-то время вижу впереди сады и крыши. Остановливаюсь возле дворика с гусями, хозяин – молодой мужичок с папироской в зубах – охорашивает граблями крепенький стожок сена.

– Как ваша деревня называется?

– Овсянка, сэр, – отвечает мужичок.

– А почему сэр?

– Видал по телеку фильм про Шерлока Холмса? Очень мне понравилось, как там одному мужику каждое утро приносили на тарелке одно и то же: «Овсянка, сэр!» Вот и нашу скоро подадут на блюдечке какому-нибудь хрену из-за бугра и скажут: «Овсянка, сэр. Кушайте на здоровье».

Чувствовалось, что рассказчик сам не сильно верит в то, о чём говорит.

– Тутешние старушки в один голос долдонят: скоро-де землю всю распродадут, нам оставят лишь огородишки. И за место на кладбище придётся платить. Брешут, да? Я тоже так думаю: им, бабкам, лишь бы язык почесать.

– А ты сам-то откуда будешь?

– Из газеты, сэр, – отвечаю ему в тон.

– Очень приятно, – хозяин прислонил грабли к стожку и подал руку. – А меня кличут Иван Андреевичем. Фамилия – Овсянников.

Так, легко и непринуждённо, сразу перейдя на «ты», мы и познакомились, а познакомившись, сели на лавочку и повели беседу. Говорил, в основном, Иван Андреевич, а я слушал. Начал он с того, какой гостеприимный народ в Овсянке. Двери днём на замок не закрывают, зайти в любую избу, тебя и приветят, и накормят, и напоят. «Послушай, – вдруг сделал паузу Андрейч, – тебе, случаем, стакашок не налить?» «Спасибо, я за рулём» «Молодец!» – похвалил он меня и перешёл к повествованию об отношении овсянковцев к труду. Взять, к примеру, Фёдора Овсянникова: он и тракторист, и комбайнер, и шофёр. А доярка Клавдия Овсянникова? Вот уж кого Бог не обидел ни лицом, ни фигурой. И труженица великая: ей даже орден вручили – Трудовой Славы. С восторгом Андрейч поведал о механизаторе, который, чтобы жатки не вязли после дождя в чернозёме, «обул» их в полиэтиленовые «лыжи». Дождь прошёл ведерный, а жатке в полиэтилене – хоть бы хны! Знай себе, косит «пашеничку» на свал.

Андрейч так заворочил меня своими рассказами, что я с трудом вернул себя к реальной действительности. «Погоди, сэр, – говорю ему, – откуда столько людей взялось? Я два километра ехал вдоль деревни от избы и до избы, и ты первый, с кем довелось встретиться. А где ж остальные?

– А на кладбище...

– Не понял?

– А чего тут понимать? Вымирает наша Овсянка...

Мой собеседник заговорил о том, что деревенский мужик больше 50 лет не живёт. Повкальвай-ка с весны до осени по 20 часов в сутки, а зимой поваляйся в фуфайке-радикулитке под ремонтируемым трактором! Дояркам, свиаркам тоже не позавидуешь: та же красавица Клавдия померла в 38 лет, застудив позвоночник. А всё от того, что распаренная выскакивала на лютый холод с кошёлкой за комбикормом.

Названная Иваном Андреевичем цифра «50» почти совпадает с официальными данными. Как явствует из переписи, в деревенской России самая низкая рождаемость и самая высокая смертность. Средняя продолжительность

жизни сельских мужчин – 52 года. Молодые мужики «мрут пачками»: одни от пьянки, другие от никудышных условий труда, третьи – из-за дефицита лекарств и сведённого к нулю элементарного медицинского обслуживания.

Тяжко жить в Овсянке: сходи-ка в магазин за семь километров, чтобы купить буханку хлеба. Не менее сложен и поход за водой. В селе сохранились три колодца, удалённые друг от друга на весьма приличное расстояние. Супругам Бахтиным – Михаилу Петровичу и Анне Сергеевне – приходится носить воду, преодолевая глубокий лог. «Если Сергевна моя приболеет и я за водой иду один, то завсегда с ней прощаюсь: а вдруг, не ровен час, упаду где-нибудь с ведрами и больше не встану?» – говорит Михаил Петрович.

Все 12 «живых» дворов, а три года назад их было несколько десятков, отапливаются углём и дровами. На весь отопительный сезон, по словам Анастасии Григорьевны Овсянниковой, 30 лет проработавшей на свекловичной плантации, требуется как минимум три тонны антрацита. Цена одной тонны – до 2000 рублей. Пенсия же ветеранки колхозного труда – 950 рублей.

Пустых домов в Овсянке – не сосчитать. Бывшие их хозяйева давно в ином мире, а городские наследники готовы отдавать оставшиеся хоромы почти задарма, но покупатели что-то не спешат выстраиваться в очередь за сельской недвижимостью.

Однако приспело время снова садиться за руль. До свидания, Овсянка! Или прощай? При выезде из просёлка останавливаюсь там, где по моим предположениям должен был стоять дорожный указатель. Долго разгребаю густую спутанную траву и – надо же! – натыкаюсь на полутораметровый шест с прикреплённой к нему стрелкой: «с. ОВСЯНКА».

Выкопав шофёрской лопаткой глубокую лунку, ставлю знак на место. А что я ещё могу сделать для тебя, милая Овсянка, кроме как напомнить о твоём существовании всем Иванам, не помнящим родства?

2003 г.

ОДИН ДЕНЬ ИВАНА СТЕПАНОВИЧА

Как доживают свой век победители фашизма

Седой и голубоглазый 75-летний человек, в далёком уже прошлом – боевой майор, комбат, кавалер многих боевых орденов и медалей, а попросту – Иван Степаныч, не раз смахнул с глаз слезу, когда рассказывал мне, как смертельно обидел его какой-то «молодой бугай», с которым судьба свела его на митинге. Там разномастный городской люд протестовал против высоких цен, невыдачи зарплаты и наглой спекуляции под видом так называемой «свободной торговли».

На митингах, как известно, не только говорят от микрофонов, но и обмениваются мнениями, стоя в толпе. Вот и Иван Степаныч взял да и сказал вслух что-то нелестное про тех, кто совсем недавно наобещал избирателям с три короба: и справедливость, мол, вам будет, и нормальная жизнь для всех, и равноправие, и борьба с привилегиями, преступностью и коррупцией. А как всё обернулось?..

Ничего, в общем, особенного Степаныч не сказал: лишь то, о чём судачат сейчас в любой очереди. Но стоявший рядом с Иваном Степанычем крупный малый, которого он не раз видел возле кинотеатра «Луч» (торговал индийским чаем, жевательной резинкой и пепси-колой), как-то уж очень близко к сердцу воспринял слова старика.

– А ты что, дед, коричневый? – спросил с нехорошей усмешкой.

– Какой?

– Коричневый, говорю?

– Это что?

– Ну, фашист, значит...

И перехватило тогда дыхание у старика, и – слава Богу! – была при себе ампула с нитроглицерином: кое-как окле-

мался. Но боль от того злого удара в душе осталась: «Это я-то фашист? Я всю войну – от звонка до звонка – протрубил, сколько раз в штыковую на этих самых фашистов ходил: я же пехотный комбат. Ох, и достал он меня, зацепил, этот хрен с бугра, ох и достал! А сегодня такой день был хороший, и он мне его – ну весь испортил, смазал...»

День, если не считать того тяжкого эпизода на митинге, действительно складывался у Ивана Степаныча удачно. Везти начало с самого утра, с семи часов, когда он в числе ещё нескольких стариков и старух оказался в магазине «Сельхозпродукты». Зашёл он туда больше по инерции, поскольку не ожидал там увидеть что-нибудь достойное своего внимания и кошелька. Ан нет, ошибся. В мясном отделе на витрине красовались свиные шкурки ценой всего лишь два рубля за килограмм. Шкурки были первой свежести, хорошо очищены. Иван Степаныч, не мешкая, тут же схватил три килограмма. В этот момент к нему подошла какая-то дама, лет сорока с хвостиком, но накрашенная, как молодая.

– А собаки это едят? – спросила, указывая мизинчиком на шкурки (Иван Степанович продемонстрировал, как она это делала).

– Едят, – сказал он.

– Вы тоже – для собак?

– А для кого ж кроме?

Шкурки он сразу же отнёс домой, где супруга его, Анна Сергеевна (в прошлом – учительница, из-за обострившейся болезни позвоночника не рискует выходить на улицу), покупку очень одобрила: «Для борща – самое милое дело. Только капуста больно дорогая...» Сошлись на лапше, благо запас вермишели у них сохранился ещё с прошлой зимы, и на студне. «Вот так-то примерно и надо жить! – хорохорился Иван Степаныч. – Истратил всего ничего, каких-то шесть рубликов, а еды – на целую неделю...»

Давно замечено: как беда одна не приходит, так и удача. Если уж начнёт везти, то везти будет во всех направлениях. Так пошло и в этот день, хронику которого я пытаюсь здесь (разумеется, со слов Ивана Степаныча) воспроизве-

сти. Выйдя в очередной раз на улицу в очень бодром, приподнятом настроении, он, опять же повинувшись внутреннему голосу, заглянул в магазинчик, где принимают, а потом продают почти что за бесплатно всякие вещи, начиная с полысевших кроличьих шапок и кончая солдатскими полшубками времён Великой Отечественной. С одеждой у Ивана Степаныча всё в порядке. Особенно с летней. Единственное, чего не хватало в его зимнем гардеробе, так это тёплой обуви. И он давно мечтал «нарваться» в том магазине или на валенки с резиновыми литыми галошами, или же на войлочные боты «прощай, молодость». И надо же случиться – только вошёл, только глянул на полки и сразу же заметил: вот они, родимые! И размер – сорок второй...

– Сколько за них? – спросил у продавщицы.

– Пять рублей.

– О, беру!

– Только учтите: они без молнии...

– Ничего...

Зачем она ему, молния-то? Обуется под шерстяные, связанные Анной Сергеевной носки, и – кум королю! За приятными мыслями он и не заметил, как подошёл к «пивбару», что устроен на открытом воздухе. Пиво Иван Степаныч жаловал, но тогда, когда оно было ему по карману. Теперь же его визиты в «загон» преследовали совсем другую цель. Приметить кем-то оставленную пустую бутылку и незаметно «оприходовать» её в свой «сумарёк». В пивном вольере Степаныч сразу же обратил внимание на стойку, за которой допивали коньяк двое приличных, ещё нестарых мужчин – оба при галстуках и в хороших (неразбитых!) ботинках. Кроме почти опустошённой бутылки из-под коньяка, на столике перед ними стояли ещё две, уже пустые, из-под лимонада. Иван Степаныч встал так, чтобы держать столик всё время под прицелом и чтоб те мужики, завершая своё застолье, обратили на него внимание. Так оно и вышло: мужики, добив коньяк, глянули в сторону представительного, с широкой орденской колодкой на пиджаке Ивана Степаныча, и один, указывая глазами на бутылки, спросил: «Может, возьмёшь, отец?»

Три пустые бутылки Иван Степаныч быстренько реализовал в ближайшем пункте по приёму стеклотары – по четыре рубля за штуку. Чуть погодя, в молочном, на вырученные 12 рублей взял два кефира. Слегка усталый, но, разумеется, довольный, к часу дня вернулся домой, где его ждала изумительная лапша, изготовленная на основе бульона из свиных шкур. Просто на редкость сытым и малозатратным получился тот день! После двух часов к нему на своём «броневичке» («Запорожце» самой первой модели) заехал старый друг, Семёныч, тоже ветеран войны: «Поедешь, со мной, комбат?» – «А куда?» – «В Рамонь, к примеру, гробы себе заказывать...» – «Типун тебе на язык!»

– Да ты подожди ругаться-то, – попросил Семёныч, – знаешь, что я расчухал? Оказывается, в Рамони (туда езды меньше часа) гробы стоят раза в три дешевле, чем в Воронеже. И я, комбат, подумал: может, купить себе «домовину» заранее? Пока они дешёвые. Я, конечно, помирать, как и ты, не собираюсь, но мало ли что? Родня-то мне, покойному, спасибо скажет, что смертью своею я не уничтожил весь семейный бюджет. Как думаешь?

Всей душой протестуя, умом Иван Степаныч не мог не признать: идея стоящая. Договорившись не вводить в курс дела Анну Сергеевну, покатали в Рамонь.

И там, в Рамони, тоже ждала удача. В столярной мастерской ветеранов встретили по теперешним временам на редкость радушно, никто даже и не удивился тому, что они хотят загодя запастись последним жилищем на этой земле. Как выяснилось, многие старики и старушки из окрестных деревень давно уже делают предварительные заказы на изготовление «домовин», дабы в случае чего не удручать родственников лишними, порой непосильными затратами и поисками остродефицитных досок. Стоимость заказа действительно божеская: около тысячи рублей, и это при обивке гроба хорошей красной материей.

Всё, таким образом, шло отлично, от одной удачи к другой, до того самого часа, пока не оказался Иван Степаныч в довольно многолюдной толпе. Митинги в Воронеже случаются

теперь чаще, чем спектакли в местном драматическом театре. Устраивают их по очереди: то представители малого и среднего бизнеса, то «Трудовой Воронеж». И те, и другие шумят об одном и том же: как трудно стало жить. Но если «Трудовой Воронеж» чихвостит на чём свет стоит правительство с его ценовыми экспериментами, то малые и средние бизнесмены нещадно лупят «официальные профсоюзы», видя в них первопричину всех нынешних социальных бед и несчастий...

– Меня ещё никто в жизни так не обижал! – продолжая жаловаться, Иван Степаныч вновь доставал из кармана свою палочку-выручалочку – флакончик с таблетками нитроглицерина. – Ну скажи, чем я провинился перед тем бугаём? Тем, что жизнью не слишком доволен? А как нам со старухой быть ею довольными, если бутылка молока до десятки доходит, если шесть картох на базаре – сорок с лишним рублей?

Степаныч так разволновался, что его начал бить сухой кашель, и я почёл своим долгом отвести его домой, в квартиру на третьем этаже дома, глядящего окнами на серую гладь нашего воронежского «рукотворного моря». Анна Сергеевна встретила мужа, ахая, охая, сокрушаясь: разве можно в таком возрасте столько ходить? Все бутылки, небось, всё равно не пособираешь! И ему ли собирать те бутылки, если вон в шкатулке целое состояние покоится?

– Вы о чём? – спрашиваю у Анны Сергеевны.

– Вот об этом, – она открывает довольно вместительную шкатулку, и в ней – сверканье золота, серебра и эмали на боевых наградах бывшего комбата. Перечислю лишь некоторые из них: орден Александра Невского, орден Кутузова, орден Боевого Красного Знамени, орден Отечественной войны первой степени, штук десять медалей – причём фронтовых, а не юбилейных. И поведала Анна Сергеевна мне о том, как в начале лета приехал к ним, к старикам, семнадцатилетний внук из города Тольятти, вполне современный, вполне рыночный ребёнок. Он-то однажды, ближе к вечеру, и привёл домой делового человека в тёмных очках и с кейсом. «Дед, а дед, – сказал внук, – покажь ему свои награды...» Иван Степаныч показал. Гость разложил рядком ордена и медали, по-

любовался ими немного, потом защёлкал замками кейса. Когда открыл, Анна Сергеевна ахнула: весь чемоданчик был до упора забит пачками денег. «Ваш товар, – сказал гость, – дорого стоит. За эти вот вещи (указал на ордена) даю по 25 тысяч рублей за каждый. Медали беру по курсу пять кусков за штуку...» «И что бы вы думали? – с какой-то горькой гордостью вопрошает Анна Сергеевна. – Этот наш старый и нищий бывший комбат не только наорал самым безобразнейшим манером на того бизнесмена, но ещё и вытолкал его за дверь. Откуда только сила взялась?»

На сегодняшний час дела у Ивана Степаныча обстоят терпимо. Из дома он выходит по-прежнему рано, с тем, чтобы успеть в числе первых к открытию магазина, куда нетнет, да и завозят какую-нибудь дешёвизну вроде свиных шкурок или же телячьих ушей. Перепадают и пустые бутылки: в среднем по две, а то и по три за день. От покупки с заглядом на будущее «домовины» Иван Степаныч отказался и убедил сделать то же самое и своего друга Семёныча.

По вечерам, гуляя со своим пёсиком по берегу водохранилища, я регулярно встречаю там Ивана Степаныча, совершающего обязательный оздоровительный моцион. «Жить, – говорит, – можно. Я, брат, в своей жизни такое повидал, что теперь уже ничего не боюсь. Мне за внука своего, за Серегу, страшно: что-то с ним в этой жизни будет? Ведь если помру, он на другой день всё продаст. Все мои ордена, все медали...»

Мне показалось, что вместо «продаст» старик сказал «предаст». Оговорился ли?

2002 г.

ИЩУ НЕВЕСТУ В ДЕРЕВНЕ

Хотя Олег, живущий через два дома от моего, – человек вполне взрослый, уже год как вернулся из армии, ко мне обращается как во времена дворового детства:

- Дядь Рим, – говорит он, – вы по деревням часто ездите?
- Частенько.
- Не подскажите адресок?
- В смысле?
- Хочу там себе невесту подыскать...

Остальную часть своего монолога он произносит в ироничном ключе: дескать, можете написать в газете про то, что молодой человек, рост метр 84, без вредных привычек, имеющий в городе квартиру и работу, связал бы свою судьбу с девушкой – тоже не курящей и не пьющей, никогда не участвовавшей в конкурсах красоты, не мечтающей стать профессиональной стриптизёркой или фотомodelью...

- А что, в Воронеже таких нет?
- Мне, во всяком случае, ещё не встречались...

Олег пережил глубокую драму – самую первую и потому самую горькую...

Роман их начался, когда она ещё училась в десятом классе, а он уже работал на «Электросигнале». Русая коса, милый, застенчиво-вопросительный взгляд из-под длинных ресниц – такой запомнил он её, уходя в армию. На первых порах писал ей письма почти каждый день: про то, как хорошо, что она у него есть, что она повсюду – в небе, в облаках, в песнях, в кусте сирени, расцветшей возле их казармы... Сколько раз он рисовал в воображении предстоящую встречу с Татьяной! Но жизнь, как известно, щедра на сюрпризы, особенно на неприятные.

С Татьяной он встретился в первый же вечер в ночном молодёжном клубе, которым в Воронеже нынче несть числа. Поначалу не узнал её в вызывающе роскошной особе, которая у стойки бара неспешными глотками пила кок-

тейль. Присмотрелся внимательней: да, это она. Встал рядом. Она, не глянув на него, лениво бросила: «Отвали. Я занята...»

– Кем? – спросил он.

– Это ты?! – изумилась Татьяна, но быстро взяла себя в руки. – Ну а коли ты, тогда – привет! Сколько лет...

– А кем ты занята?

– Сейчас? Тобой.

– А до меня?

– Пусть тебя это не колышет...

Ошарашенный, пришибленный, он залпом выпил чуть ли не целый фужер заграничного коньяка, быстро погрузившего его в состояние тупого оцепенения, при котором человек теряет способность чему-то или кому-то удивляться... И лишь поднимаясь к себе домой, он с ужасом понял, что всё это – не сон, что девица, предложившая ему «заняться любовью» прямо на лестничной площадке, – «та самая Татьяна». Окончательно добил его её бесстыдный рассказ о том, как «в прошлый раз, когда мы тем же самым занимались с Валеркой – ты его не знаешь, крутейший малый, – мимо нас прошёл пьяный мужик и, немного подумав, сказал: «Бог в помощь!» Мы так и покатались...» Со всем немного потребовалось Олегу времени, чтобы убедиться: за два года, пока он осваивал военную науку, нравы молодёжи родного квартала изменились коренным образом. Даже лексикон стал другим. На первых порах он не понимал, что стоит за некоторыми диковинными словами. Оказалось, что «кент» в переводе на общепринятый язык – это и друг, и приятель, и балда, и придурок одновременно, «конина» – коньяк, «родоки» – родители, «оттянуться» – отдохнуть, «блин» – однозначно непере译имое, сойдёт и за ругательство, и за восторг, короче, тоже годится почти на все случаи жизни. А «тусуется» молодой народ в одном и том же месте – в запущенном скверике с сохранившимся подобием веранды, где когда-то перед многочисленной публикой выступали артисты. Нынче тут гужется контингент в возрасте от 15 до 20 лет. Те, кто почему-либо

оказался на данный момент при деньгах, приходят сюда, основательно запасаясь «дымом» и выпивкой. А уж если откуда-нибудь свалилась манна небесная в виде «зелени», то предоставляется возможность войти в классный «торчок» с помощью заграничных «колёс», то бишь таблеток ценой до 20 долларов, которые, по общему мнению, стоят того, поскольку вызывают бешеный взрыв энергии и накат беспричинного веселья. (О последствиях разрушительных думать будут – если, конечно, смогут – потом...)

Ко всем новым лицам, возникающим на «пяточке», отношение настороженное. Например, когда я, движимый чисто профессиональным любопытством, появился здесь вместе с Олегом, то, разумеется, сразу же попал под перекрёстный допрос:

– Мужик, ты из «ментовки»?

– Нет.

– А чё тада тут забыл?

– Просто интересуюсь.

– Может, «тёлку» хочешь снять?

– В моём-то возрасте?

– Да ты ещё ништяк. К тому же при «тачке». Только мигни, и отбоя не будет.

– Ребята, я из газеты.

– О! Так бы сразу и сказал...

С первых же минут общения стало ясно, что к прессе тузовщики относятся с должным уважением и даже некоторым доверием. На мои вопросы касательно взглядов на прекрасную половину человечества в диапазоне «до 16 и старше» отвечали охотно и на том пределе откровенности, что рядом с самым обыденным цинизмом.

– Каждый вечер идёт по одной и той же программе, – говорил пэтэушник, назвавшийся Сергеем, – побудем малость на «пяточке», обменяемся последними новостями, опрокинем по стопке-другой, а потом – кто куда. Кто до «хаты», если есть свободная, кто на дискотеку, а кто «свалит» во «Фламинго» – это клуб такой, по ночам там и танцы, и в баре «оттянуться» можно. По хорошей же погоде бе-

рём «тачку» и айда в лес. Конечно, «тёлки» попадают всякие – некоторые с гонором. И начнёт – я, мол, тебя ещё плохо знаю и вообще могу отдаться только по любви. Ну, врежешь ей легонько по почкам – как шёлковая становится...

Свои штрихи к портретам тех, кто не стал в этой жизни Наташей Ростовской или Татьяной Лариной, добавил ещё один подсевший к нам молодой собеседник: рослый, кожаная куртка, широкие штаны, коротенькая стрижка, но лицо простодушного деревенского парня:

– А у меня такой эпизод на днях был. Значит, вечером едем мы с одним моим знакомым, ему уже лет 30, наверное, и видим: две пигалицы голосуют на остановке. «Куда?» – спрашиваем. «На левый берег». Вроде по пути. Открываю заднюю дверцу: «Садитесь, так уж и быть». За Чернавским мостом интересуюсь, где вам, девочки, остановиться. А они уже, не спрося разрешения, закурили и хихикают: «Поехали дальше». «Куда именно?» «Куда глаза глядят». В общем, намекают, что готовы на всё. Мой приятель сразу же тормознул. «Вам по сколько лет?» – спрашивает у пигалиц, – по 13 или по 14?» «Нет, – отвечают, – нам уже 30 стукнуло. На двоих». «Ну-ка марш из машины! За вас, за дур, дадут больше, чем вам исполнилось». И мы их еле выперли. Одна так разозлилась, что на прощание камнем в заднее стекло запустила...

Ещё одну «прикольную» историю поведал худощавый паренёк довольно интеллигентного (наверное, из-за очков в тонкой оправе) вида:

– Я лично не верю, когда говорят, что любовь только в кино бывает да в книгах. Я сам, например, прошлой зимой влюбился в одну девочку буквально до смерти. Только о ней и думал: о её глазах, улыбке, походке. Она собой тоненькая, изящная: по-моему, певица Валерия в ранней молодости была на неё похожей. Поначалу мы с ней только целовались, ходили в кино, на концерты симфонической музыки, я ей всё стихи читал, в основном Блока – нравится мне он, хотя и не всегда его понимаю. Однажды мы возвращались родной улицей, и вот моя возлюбленная мне и

говорит: «Пошли ко мне домой?» – «А твои «шнурки» в «стакане»?» – на нашем языке это значит: «а члены твоей семьи дома?» – «Нет», – отвечает. «Тогда, – говорю, – наверное, неудобно». – «Наоборот», – смеётся.

В квартире действительно никого не было. Мы включили «видак», распечатали бутылку «Амаретте». Мне, правда, немного не понравилось, что она сама стала меня раздевать, но всё равно вечер получился на славу. И особенно я часто его вспоминал, когда ходил к врачу лечиться от триппера. Им меня та «Валерия» наградила. А пацаны надо мной потом долго смеялись: «Нашёл в кого втюриться. Да она этим «спортом» занимается чуть ли не с 6-го класса...»

Да простят меня за эти нелицеприятные, жёсткие высказывания городские девушки иного стиля поведения, иных представлений о том, что такое любовь. Да простят меня и те девушки, которые ни за что не станут раздеваться «на публику», перед беспощадно разглядывающими их телекамерами, как это делают юные участницы конкурса «Воронежская красавица», регулярно демонстрирующие сотням тысяч зрителей все свои прелести. Да простят меня сегодняшние Татьяны Ларины, но нельзя же молчать и дальше о том, что распушенность становится образом жизни для многих и многих только-только расцветающих девчонок. Наверное, и поэтому, как утверждает демографическая статистика, всё меньше молодых людей связывает себя брачными узами, а среди тех, кто всё же решился на этот шаг, – половина через полгода уже расходятся. И большинство распавшихся пар детьми обзавестись или не успели, или не захотели, или не смогли.

По словам ведущих специалистов областного центра «Семьи и брака», это, последнее, всего страшнее, так как социально-экономические невзгоды – безденежье, отсутствие жилья, безработица – будут рано или поздно преодолены. Неизмеримо опаснее другое: физическая неспособность молодёжи к продолжению рода, являющаяся следствием приобщения к «большому сексу» ещё со школьной скамьи. По-моему, в корне неверно расхожее

суждение о том, что ранние аборт, венерические заболевания, приводящие к бесплодию, проистекают из-за дефицита сексуальных познаний. Спросите у любого врача, и он вам, скорее, скажет: «От их явного переизбытка»

И уж совсем юные мозги будут, что называется, свёрнуты набекрень, если так называемое сексуальное просвещение начнётся безо всяких проволочек прямо с первого класса. Для иных наших законодателей – депутатов Госдумы – эта идея стала прямо-таки навязчивой: «Просветить!» во что бы то ни стало. И в некоторые школы, в том числе и в воронежские, уже поступили пособия, призванные «поощрять практику безопасного секса». Об их содержании можно судить хотя бы по названию одной главы: «Твой друг – презерватив». Оказывается, не исключаются и показательные занятия с использованием соответствующего видеоматериала. Если добавить к этой набирающей «размах» работе ночные клубы, дискотеки, откуда служба ОНОН (отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков), руководимая А. Быковым, вытаскивает пачками юнцов, одуревших от рока, от «колёс», от «травки», от газа из обыкновенных зажигалок, то рассчитывать на демографический взрыв, столь необходимый России, у нас нет пока никаких оснований. Молодые и здоровые мужчины не очень-то стремятся взваливать на себя супружеские обязанности – из-за доступности любовных утех, а также потому, что нередко, как это произошло с моим соседом Олегом, они горько разочаровываются в девушках, прекрасных внешне, но приземливших самих себя до «тёлок», которые жаждут лишь выпивок да постельных упражнений.

Прощаясь с Олегом, я ему всё-таки сказал, что он вряд ли пожалеет, если выберет себе невесту где-нибудь в деревне, – хоть в Берёзовке, хоть в Сосновке, хоть в Матрёновке – везде, где древняя крестьянская мораль пока что стеной стоит на пути нравственного распада, охватившего большие города.

Конечно, перефразируя известную пословицу, можно со всей определённостью сказать, что и в деревне не без уroda. Перестроечные ветры и сюда занесли из областных центров

семена растления молодёжи. Правда, в инспекции по делам несовершеннолетних УВД мне сказали, что, мол, процент алкоголиков, наркоманов, токсикоманов и проституток среди сельских парней и девочек на несколько порядков ниже, чем в любом даже самом задрипанном городишке. Но зловердые «семена» и на деревенской улице начинают давать свои «всходы». В милицейских сводках в последнее время наблюдаются сельские адреса неблагополучия среди мальчишек и девочек. И всё же... И всё же пока ещё трудно отыскать деревенскую девушку, которая бы курила, пила, раздевалась бы почти догола, обуреваемая желанием стать «Мисс Берёзовка» или «Мисс Листопадовка». Деревенские молодые женщины – за редким исключением – не пойдут на аборт, справедливо считая эту операцию не чем иным, как убийством собственного дитяти и непростительным смертным грехом. Деревенские матери воспитывают своих дочерей в твёрдой убеждённости: высшее девичье достоинство – в целомудрии, скромности и трудолюбии. В деревне не сыскать и такой учительницы, которая решилась бы оскорбить чистые душонки своих совсем ещё зелёных девочек и мальчишек «натуралистическими» лекциями на темы сексуального ликбеза... (Кто-то наверняка скажет, что я не в меру старомоден. Пусть.)

Такие вот острые грани по-прежнему отделяют наше российское село от города. И остаётся лишь молить Бога о том, чтобы они, эти грани, не стёрлись под натиском «цивилизованного мира», никогда и ни за какие деньги.

1997 г.

УГОЛЁК БАБЫ МАНИ

Она жила одиноко. Имела подле своего покосившегося пятистенка небольшой огородик, с него и кормилась. Майскими днями старенькая женщина на четвереньках, а то и вовсе лёжа на боку маленькой лопаткой – вроде сапёрной – делала в земле лунки. Бережно, «глазками» кверху укладывала в них порезанные картофелины и присыпала землицей. Чтобы засадить сотку-другую, баба Маня горбатилась на бороздах неделями, но «картохами завсегда себя на весь год обеспечивала».

Так же на четвереньках всё лето выращивала она капусту, огурцы, помидоры, лук. Да много ли ей одной и надо-то было? По хлебу, правда, тосковала, но покупать его, тем не менее, не решалась. Грошовые пенсии, которые приходили в её дом с большими опозданиями, она складывала подальше в тёмный чулан. Копила на самое дорогое – без чего, по её разумению, она не сможет зимушку перезимовать: на дрова да на уголь. Топка-то – она теперь вон как в цене подскочила, один привоз чего стоит!..

Ближе к осени, облачившись в латаную-перелатаную фуфайку и потёртый клетчатый платок, Мария Фёдоровна, сгорбтившись ещё больше (всё сильнее давала о себе знать больная поясница, надорванная на прополке колхозной свёклы), бралась за инвентаризацию своего нехитрого хозяйства. Ремонтировала крышку погреба. Молоток где-то давно затерялся, и она топором вколачивала ржавые гвозди в петли скособоченной двери сарая, подновляла сгнившие доски угольного ящика.

Иногда, распрямившись и поднеся сухонькую ладошку к глазам, посматривала в конец деревенской улицы: не едет ли трактор с тележкой к её дому, не везёт ли уголёк? Вот радости-то было бы!

Так, в ожидании уголька она вырыла по сентябрю картошку, маленьким ведёрком перетаскала её в погреб. Посолила капусту, огурцами на зиму запаслась несколько

раньше и даже несколько баночек сливового варенья сварила. «Ну и слава тебе, Господи, – рассуждала сама с собой Мария Фёдоровна, – с голоду не помру. Ещё уголька бы да дровишек – и никакая зима не страшна...»

Однажды осенним полднем она, как обычно, копалась в огороде. Чтобы «взметнуть зябь» на лоскутном участке, иному мужику с лопатой и нужен был бы всего денёк, а ей – недели. Копнёт Мария Фёдоровна разок-другой и стоит, ждёт, когда спина огнём гореть перестанет. Потом ещё разок, ещё... Какая уж тут скорая работа? И вот в эту самую пору вдруг услышала она приближающийся рокот трактора. «Уж, не ко мне ли?» – с замиранием сердца подумала она и, не успев положить лопату, услышала: «Марь Фёдоровна! Принимай уголёк!»

Ох, и как же она обрадовалась! Разулыбалась, засемила к калитке. Ну что за картина – «прямо, как во сне» – предстала перед ней. Тракторист, лихо завалив на бок кузов тележки, точнёхонько к воротам сыпал гору угля, который тотчас не то золотом, не то изумрудом сверкнул в выцветших глазах Марии Фёдоровны. Ошалевшая от такого приятного события, она прижалась к оградке. Не знала, чего же ей делать в первую очередь, – то ли трактористу кланяться, то ли бежать в чулан за носовым платком, где крепко-накрепко были завязаны сложенные пополам червонцы.

– А к вечеру жди с дровами, ясно? – весело крикнул тракторист, разворачивая своего стального коня.

Рассчитавшись за уголь и за дрова, Мария Фёдоровна пошелестела оставшимися в платочке бумажками и осталась довольна: «У, да у меня денег, как у купчихи. И на хлебушек хватит, и на полкило ливерной колбасы. А там, жива буду, ещё пенсию принесут».

Ровно две недели соседи наблюдали, как баба Маня прибирала свой драгоценный уголёк. Каждый комочек палкой выковыривала из пожухлой травы-муравы и клала в ведёрко или в карман фуфайки. В конце всего и пыль до крошки смела полынным веником и тоже определила под

крышу. «Ну вот, теперь уже поглядим, кто кого, – храбрилась бабуля, поглядывая на низкое серое небо, откуда со дня на день должны были полететь белые мухи. – Теперь мне всё нипочём».

...Страшная, непоправимая беда стряслась у Марии Фёдоровны тёмной ноябрьской ночью. Тугая на оба уха, она, конечно же, спала и ничего не слышала. А когда утром отправилась в сарай за дровишками, чтобы малость протопить озябшую избу, замерла на крыльце как вкопанная: дверь в сарай была распахнута настежь. А там – ни полена, ни кусочка уголька...

Соседи слышали, как не своим голосом голосила старуха: «Обчистили, ироды! Конiec мне таперича...»

Да, для неё это была погибель. Она хорошо знала, что в лютые зимние холода не выжить без топки в прохудившейся избёнке. И как знать – может, именно в тот самый момент в её голову пришла роковая мысль: уж лучше пусть будет скорая смерть, чем другая – долгая и тем самым куда более мучительная.

Соседи, день-другой не увидев Марии Фёдоровны, хлопчущей во дворе, забеспокоились. Направились к ней в избушку, как всегда, незапертую. Там, за холодной печкой, в чулане, висел уже давно остывший труп сухонькой женщины.

...Когда-то незабвенный Василий Шукшин из самого сердца выплеснул фразу: «С нами что-то происходит». Сейчас уже можно со всей определённоcтью сказать: с нами это «что-то» уже произошло. Нечто очень страшное. Если уж в деревне – нашей нравственной твердыне – находятся люди, способные на то, чтобы снять с нищего последнюю суму.

ЖЕНА КАРАМАЗОВА

«Дно», мир опустившихся людей, – это было всегда, не только во времена Горького, но и при Хрущёве, и при Брежнев. Есть «дно» и сейчас, хотя, например, в Воронеже оно не имеет чёткого адреса. В дневное время это самое «дно» растекается по многочисленным пивным, по старым, навсегда пропахшим испорченной селёдкой гастрономам, у которых есть единственный способ удержаться на плаву – торговать как можно более дешёвой водкой в розлив. Ближе к полуночи на улицах уже не увидишь ни единого бича; все они рассеялись по подвалам многоэтажных домов, по нежилым, приготовленным к сносу строениям, по заброшенным беседкам в глухих уголках парков.

Как-то знакомый журналист, с которым мы встретились в Первомайском сквере, показал мне на мужика, чем-то похожего на артиста Евдокимова. Мужик пил пиво под тентом. «Это – Карамазов»...

– Кличка такая?

– Да.

– А почему «Карамазов»?

– Точно не знаю, говорят, жену что ли собрался убивать...

– А за что убивать-то?

Мой собеседник не успел ответить: широкоплечий бородач в вытертом кожане, надетом прямо на сиреневую майку, допил своё пиво и, догадавшись, что мы говорим о нём, решительно направился к нашему столику: «Не угостят ли господа хорошие водочкой бывшего инженера-конструктора?» Делать было нечего. Он выпил стакан одним махом, не поморщившись, и после секундной паузы ни с того ни с сего зарыдал.

Впрочем, рыдать он перестал столь же внезапно, как и начал: «Я извиняюсь, но у меня огромное горе...»

- Если не секрет, какое?
- Жену потерял.
- Ушла?
- Хуже...

Он то тяжело пьянел прямо на глазах, то становился вроде бы как стёклышко и говорил, говорил... Почти каждый эпизод заканчивался фразой: «Видели бы вы, какая она женщина!»

По его словам, супруга его была настолько хороша, что боялась раздеваться на городском пляже: она и в платье не знала, куда деваться от нескромных мужских взглядов. Жили они прекрасно: в любви и согласии, растили дочку – «солнышко, одуванчик», купили «Жигули» вишнёвого цвета. Но его инженерная карьера, начинавшаяся блистательно – в престижном, высокооплачиваемом «кабэ», – оборвалась сразу же, как только высокотехнологичные оборонные производства перешли на выпуск электронных мясорубок и чайников на полупроводниках. Николая из уважения к его светлой голове по сокращению штатов не уволили, но посадили на такой оклад, на который не соглашались даже уборщицы. Куда больше повезло супруге: потеряв работу в библиотеке, она устроилась в какое-то СП, где пригодился её диплом об окончании факультета романо-германской филологии ВГУ. Зарабатывала она столько, что материальные заботы отошли на второй план.

- А ты, Николаша, уходи из своего несчастного «кабэ», – заявила она однажды. – Твои 180 тысяч в месяц – это просто унижение...

Его, разумеется, терзала мысль, что он стал иждивенцем у жены, но она успокаивала: «Придёт и твой час»

На службе Елена никогда не задерживалась: в половине шестого звонила в дверь и прямо с порога «накидывалась» на него за то, что опять затеял стирку или готовку: «У тебя что, жены нет?» Несмотря на регулярные выговоры, он и стирал, и лепил пельмени. Использовал свои технические способности: усовершенствовал пылесос, который раньше

ревел, а после его вмешательства превратился в трудолюбивое бесшумное существо.

И хотя никаких туч на горизонте не просматривалось, не было такого утра, чтоб он не просыпался с ощущением надвигающейся беды. Переживал за дочь. Проводив её в школу, читал самодельную молитву: «Господи, спаси моего ангелочка от огня и воды и от всякой другой беды...»

Но судьба нанесла удар с той стороны, откуда он не ожидал. Как-то к нему заглянул приятель, «доктор слесарных наук», с которым они сто лет не виделись. По этому случаю распили бутылку «Белого аиста». «Не слабо живёшь, где твоя Ленка-то вкалывает?»

– На каком-то СП.

– На каком?

– Понятия не имею...

Давно известно: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. В нормальном состоянии «доктор слесарных наук» и под пыткой не поделился бы с Николаем жуткой новостью, какую ему в свою очередь поведал дядя Сёма из соседнего жэка. Тому, вдовому дяде Сёме, знающий человек дал один адресок, где «роскошная баба за умеренную плату предоставит все 24 удовольствия». Получив полный расчёт за установку сантехоборудования во дворце, построенном для очередного «нового русского», дядя Сёма, выпив для храбрости, пошёл искать, где эта улица, где этот дом. И нашёл. И ахнул, узнав в «роскошной бабе» жену конструктора, на которую заглядывались все встречные и поперечные: уж больно она «вся из себя»...

Чего Николаю стоило пережить вечер и ночь, чтоб ни взглядом, ни словом не обмолвиться о пьяных откровениях своего приятеля, знает только он сам. Он ждал утра, чтоб после того, как Елена уйдёт «на службу», проследовать незамеченным за ней к её «офису» и самому убедиться: может, то был хмельной бред? К несчастью, самые страшные подозрения подтвердились. Сцена разоблачения была настолько тяжкой, что ему всё время казалось – это всё во сне. Жена деревянным голосом отвечала на его вопросы.

- И когда всё это началось? А «эспэ», значит, просто ширма?
- Да.
- И что же теперь будем делать?
- Если можешь, прости.
- А если не могу?
- Убей.

Он поверил, что жена выбрала себе такую «работу», дабы спасти семью от надвигающейся нищеты: ведь её хождения по различным центрам занятости ничто не дали. Там, как известно, женщинам с высшим гуманитарным образованием настойчиво предлагают попробовать себя в амплуа посудомоек. Когда к ней на одной из «ярмарок вакансий» подошёл импозантный мужчина, наговоривший кучу комплиментов о её фигуре «и вообще» и тут же предложивший заняться «приличным бизнесом на специально снятой квартире со всеми удобствами», то она сначала покраснела до корней волос и возмутилась. Но на следующее утро, не обнаружив в доме денег дочке на пирожки, горько расплакалась и, сбегав к ближайшему телефону-автомату, набрала номер, который ей оставил «на всякий случай» тот деловой и респектабельный.

Что оставалось Николаю? Стать сутенёром при собственной жене? Он ушёл из дома в джинсах и в куртке, с мелочью в кармане. В первом же попавшемся киоске продал свои золотые часы, купленные когда-то с громадной (700 рублей!) премии. И начались пьяные блуждания по злачным местам, случайные заработки по перетаскиванию тяжестей то в мебельном магазине, то в гастрономе. Жена не удерживала его и не искала. «Поступай, как знаешь, – сказала на прощание, глядя на него сухими, до отчаяния сухими глазами, – но помни, что я никого никогда не любила, кроме тебя. Делай что хочешь, но помни: мы с Надюшкой всегда ждём тебя» На этом месте он вновь потянулся к недопитой бутылке.

- А может, лучше вернуться домой?
- Не могу.

– Почему?

– Ну как я забуду, что она делала, а?

Он поблагодарил за беседу и за угощение. И твёрдой походкой пошёл к выходу из скверика – большой, сильный, совсем ещё не старый – лет тридцати пяти. Что с ним будет вечером, когда он, поработав с часок-другой грузчиком, обзаведётся двумя-тремя бутылками «водяры»? Что ждёт его ночью, когда он, скрючившись, устроится на ночлег где-нибудь в крысином подвале? Может, и впрямь, блажит мужик? Торгуют же люди своим голосом, своим лицом, другими своими полученными от природы талантами. Бизнес есть бизнес... Да и не фарисействуем ли мы, упорно не замечая, что первая древнейшая профессия уже стала единственным светом в окне для множества молодых женщин, отчаявшихся найти себе работу в школе, библиотеке, в детском саду или на современном предприятии, где не придётся орудовать кувалдой или задыхаться в 60-градусной пыльной жаре, производя те же кирпичи, – а как раз только такие «тёплые места» и предлагаются зачастую представительницам прекрасного пола. Может, пришло время сломать сложившийся стереотип презрения к проституции и проституткам?..

Тут я честно признаюсь, что излагаю не собственный взгляд на явление, а мнение моего спутника, коллеги. Похоже, он прав только в том, что торговля телом принимает в Воронеже, как, впрочем, и по всей России, всё больший размах и постепенно как бы легализуется в общественном мнении. По данным УВД, далеко не полным, в городе насчитывается жриц свободной, то бишь оплачиваемой, любви значительно больше, чем медсестёр и санитарок во всех вместе взятых больницах. Газеты охотно публикуют объявления, наподобие того, что я вычитал на днях в «Камелоте»: «Привлекательная дама 29 лет будет нежной любовницей тому, кто окажет ей хоть небольшую материальную помощь на лечение малолетней дочери. Не разочаруетесь. Место для встреч имеется. Напишите лишь письмо на такой-то а/я Главпочтамта...»

В дизель-поезде «Воронеж – Касторная» юная, но до-родная особа, нисколько не смущаясь присутствием по-стороннего человека, то есть меня, сидящего напротив, рассказывала попутчице лет восемнадцати-девятнадцати о том, как она, наконец, отыскала «спонсора»: «Старый, лысый, круглый, как глобус, на коротеньких ножках, но – представляешь? – после каждого «сеанса» оставляет на столе коробку дорогих конфет или духи и 300 тысяч руб-лей. Я тащусь от него...»

– На таких бы условиях и я, – вздохнула собеседница, – любого крокодила бы обслужила...

Чем дальше в лес, тем привычнее и обычнее станут «красные фонари» над «домами свиданий» (может, и впрямь тогда уж лучше их «признать» и поставить под врачебный надзор?..), тем больше мы пожнём семейных драм, а чем больше разрушенных семей, тем больше раз-рухи в самой России.

Что-то надо срочно предпринять такое, чтоб у лучшей половины человечества отпала надобность предавать му-жей, распродавая свои женские прелести, как это несколь-ко лет подряд делала любящая жена бывшего инженера-конструктора, ставшего бомжем по кличке «Карамазов». Он, кстати, исчез из моего поля зрения. Алкаши, обретаю-щиеся возле летнего пивбара, сказали, что, мол, пешком ушёл в Задонск, в монастырь: замаливать грехи рабы Бо-жьей Елены, раба Божьего Николая.

2000 г.

«ДАЛЬНОБОЙЩИКИ»

Это не просто судьба, но и образ жизни

Э то из детства. Вечереет. Я то и дело бегаю на перекрёсток и подолгу смотрю в ту сторону, откуда вот-вот должен появиться запылённый и усталый грузовик отца. Завидев меня, он издали мигнёт светом фар и притормозит. Я бросаюсь в кабину, прижимаюсь к небритой щеке отца и долго глажу ладонь его правой руки с двумя несгибающимися пальцами, перебитыми на войне, которую он провёл за баранкой. До самого Берлина дошёл.

Потом мы подруливаем к крылечку нашего деревянного пятистенка. На порожки выходит мать, выбегают сёстры. В доме торжество: отец вернулся из дальнего рейса.

Иногда по субботам отец говорил матери: «К завтраму надо бы стол накрыть...» «С какой стати?» – спрашивала она. «Гость будет. Степан». «А-а... Ну коль так, сбегай за чекучкой», – милостиво разрешала мать, давая тем самым «добро» на застолье с любимым учеником отца, который «выбился в люди», став не кем-нибудь, а аж «самим дальнобойщиком».

Для меня приход Степана означал настоящий праздник. Именно с него я и мечтал «делать жизнь». Пристроившись где-нибудь в сторонке, нетерпеливо ждал, когда взрослые выпьют, поедят, ещё выпьют и ещё поедят... Наконец отец спросит: «Ну, рассказывай, как съездил, как дорога?» «Дорога, Иваныч, – говорил поясневший глазами плечистый тридцатилетний мужик, – она, как всегда, серую лентою вьётся...»

«Сделать жизнь» со Степана мне не удалось. Мечта так и осталась мечтой, хоть и сейчас, в зрелые годы, я невольно с грустью и завистью смотрю вслед уезжающей «фуре», пока она не исчезнет из виду. Впрочем, точнее, смотрел. Пока по воле случая не выслушал монолог хозяина боль-

шегруза, за плечами которого лежала дорога длиной в полторы тысячи километров. «Дорога смерти», – как сказал он. «А куда ездил? В Чечню?» – спросил я. «Нет, в Нижний Новгород...»

Как человек, вырвавшийся из длительного нервного напряжения, он был словоохотлив и предельно откровенен.

* * *

Мы встретились с ним в гостиничном номере Орла. Я выглянул в окно и увидел, как к гостинице подрулил «МАЗ»-рефрижератор. Хлопнула дверца кабины, и от машины отделилась коренастая, чуть сгорбленная фигура мужчины в утеплённой куртке, в кепке, с дорожной сумкой в руке – прямо Армен Джигарханян из фильма «Трое на шоссе».

Минут через десять услышал стук в дверь: «Тут в гости принимают?» – через порог шагнул тот самый шофёр. Мы познакомились, заварили крепкого чаю, закурили. Разговор ушёл далеко за полночь. Алексей – так звали моего соседа по номеру – в «дальнобойщиках» шестнадцатый год: страну исколесил вдоль и поперёк. В тот вечер путь держал из Москвы в Симферополь. «Знаешь, на территории родной области, – говорил он, – чувствуешь себя более-менее спокойно. А как пересечёшь границу, так крестишься: «Господи, помилуй и спаси...» Все дороги поделены между бандами. После поездки в Екатеринбург я хотел вообще уйти куда-нибудь, хоть в водители автобусов. Но от себя не уйдёшь. Мужики не зря шутят: «Дальнобойщиками» не становятся, ими рождаются».

В Екатеринбург он ездил за «железками». Туда добрался без приключений. Может, потому, что шёл порожняком. Зато в Екатеринбурге испытал все прелести «джунглевого капитализма». В гостинице его предупредили: «Вокруг отеля бродят стаи подростков, специализирующихся на ограблении командированных. Вечером не выходи» Как назло, курево кончилось – выбежал в ближайшую палатку. Не успел оглянуться, как окружили несколько амбалов годов эдак но семнадцати: «Плати, козёл» – «За что?» – «За

то, что ходили по нашему асфальту». Сбил с ног одного, дал затрецину другому – и дёру. Переночевал, а чуть свет рванул на завод, поскольку знал, что сегодня те шпанята уж точно придут разбираться всерьёз.

На заводе к нему подошел шофёр из Тамбова: «Ты, похоже, первый раз? Тогда запомни: на улицах не останавливайся, даже на пять минут. Подъедут, разгрузят твой длинномер, и поминай, как звали. На милицию надеяться бесполезно. Они тут днём ходят в шапках-невидимках...»

Послушавшись доброго совета, Алексей проскочил город на одном дыхании и потом без остановки гнал машину по трассе, пока хватало сил и солярки. На вторые сутки так хотелось спать, хоть спички в глаза вставляй. Затормозил уже на границе Свердловской и Челябинской областей, возле кафе. Не успел выйти из кабины, рядом объявился малый в кожаной куртке. «С тебя причитается», – говорит. И показывает ненароком из-под куртки ствол автомата. «Сколько?» – «Сто тысяч»

Пришлось отдать. Перекусил. Возвращается к машине – ещё один тип крутится: «Плати за дорогу» – «Да уже!..» – «Плати ещё раз. Дорога – она о двух концах...»

Алексей, было, заупрямился: мол, денег осталось только чтоб доехать до гаража. Рэкетир ухмыльнулся, не спеша подошёл к задним колёсам, полил их бензином из бутылки. Потом с передними проделал то же самое. Достал зажигалку: «В кабине гореть будешь или к нам выйдешь?» Отдал он последние десятки и трое суток натошак крутил свою баранку.

В Нижнем, говорит, такой же бедлам. Частник, купивший «Волгу», обязан отстегнуть на выезде из города десять процентов её стоимости. Иначе можно лишиться не только машины, но и самой жизни. «Дальнобойщиков» рэкетеры тоже не обходят вниманием. Останавливают: «Чего, дядь, везёшь?» – «Двигатели» – «Гони 500 тысяч» – «Побойтесь Бога...» – «Будешь торговаться – скинем пару штук, и дальше покатишь налегке. Понял?» Ещё бы не понять: цена двух двигателей под десять миллионов.

А за городом Ефремовым Алексея опять попытались остановить. «Жигуль» с четырьмя верзилами в салоне выдвигал впереди «МАЗа» восьмёрки, намекая, чтобы тот свернул на обочину. Глянув в зеркало заднего вида (нет ли «эскорта?»), Алексей на всей скорости боднул нахальную легковушку, та улетела в кювет, из которого скоро не выбраться.

Меня заинтересовало, откуда водители «фур» и «длинномеров» берут деньги для уплаты дани. «От зарплаты приходится отрывать, на горючем экономим. Нам на солярку выдают наличными с учётом госрасценок, а мы её покупаем только у частников – дешевле. Вся разница идёт в карман «крутых». Так что работаем не на себя, а на банкетов. Впрочем, как и вся страна...»

«Гаишникам» от Алексея тоже досталось: эти берут не только деньгами, но и натурой. Везёшь водку – давай ящик. Мой приятель недавно «фуру» валенок возил в Архангельск, так милиционеры десять пар взяли. А как ему отчитываться? И не давать нельзя. К документам придуртятся, права ни за что отберут, потом мыкайся. Хотя их понять можно: зарплату месяцами не получают, а жить надо...

«А ещё что придумали?.. Раньше, когда на дорогах было спокойно, где сон сморит, там и сворачиваешь на обочину. Летом голые пятки в окно высунешь и знай себе похрапывай. Теперь мы на ночь к постам ГАИ жмёмся. Но только подрулишь, станешь недалеко от будки, тут же возникает фигура какого-нибудь сержанта. Постучит по дверце кабины полосатым жезлом и, не проверяя даже документов, заявляет: «С тебя, водила, полсотни» – «За что?» – «За ночлег. Если дорого – рули в поле»

...Утром Алексей проснулся ещё затемно и ушёл прогревать свою «ласточку». Причём ни один уважающий себя «дальнобойщик» никогда в жизни не ругает машину, а то ломаться часто будет. И суеверны почти все: редко у кого в кабине нет иконки. Эти традиции передаются по наследству. В одном автохозяйстве мне рассказали такую исто-

рию. Пришёл к ним новичок «дальнобойщиком» и перед первым рейсом залихватски разукрасил свой «длинномер». На радиаторе написал «бродяга», по бокам – «вечный странник», а на заднем борту «не верь жене и тормозам». Увидели это бывалые, взяли ведро краски и всё замазали. А на щитке приборов вывели: «Храни меня, мой Бог, в пути». Новичка отчитали: «Ты, парень, это брось... Дорога пижонов не любит. Она их с себя сбрасывает»

...Алексей, прогрев машину, забежал в номер за вещами. Выпили по чашке кофе, попрощались. Видимо, навсегда.

* * *

Много дней спустя в Воронеже я заехал к давнему знакомому, начальнику колонны АООТ «Межинтранс» В. Киселёву. Рассказал ему о встрече в Орле, о том, что поведал мне шофёр.

— Никакой Америки он не открыл. «Дальнобойщики» – не просто профессия. Это судьба и образ жизни. Не поверите, но за 25 лет мне на стол не легло ни одного заявления с просьбой уволить по собственному желанию. Даже в последние годы, хоть приходится работать в условиях, приближенных к фронтовым: дороги год от года всё хуже, машины превращаются в груды утиля на колёсах, запчастей нет, зарплата весьма скудная – 400–500 тысяч... Про бытовые условия «дальнобойщиков» без крепких слов и не скажешь. Питаются месяцами всухомятку – возле дорожных харчевен лучше не останавливаться: и дорого, и опасно. Вот и гонят мужики по автотрассам – в одной руке баранка, в другой – кусок батона. На всём долгом, в пять-семь дней, пути негде умыться, побриться. Круглые сутки – жара ли, холод ли – они в кабине...

В «дежурке», где калякали в ожидании путевых листов несколько водителей, разговор продолжился. «От разбойников с автоматами житья не стало», – сокрушались мужики. Называли самые криминальные маршруты – на Питер, Мурманск, Архангельск, Екатеринбург, Нижний Новгород. «Едешь и не знаешь, вернёшься ли домой. Ведь убивают нашего брата с одной целью: завладеть машиной и

продать её где-нибудь на юге за пару миллионов деревянных» – «Почему же не уходите с работы?» – «С дорогой расстаться? Да ни в жисть. В отпуске недельку побродишь по саду, и опять в рейс тянет, аж руки чешутся по баранке» — «Вы бы хоть газовые пистолеты с собой возили...» – «Да у нас другое оружие» – «Монтировка?» – «Во, догадался»

«Но рано или поздно всё станет на свои места», – сказал мне улыбчивый здоровяк с могучими ручищами.

С верой в лучшее эти сильные, работающие мужики, не смотря ни на что, каждое утро выводят за ворота свои мощные машины, рядом с которыми легковые «Мерседесы», «Вольво» и другие предметы роскоши, заполнившие городские улицы, – такая, в сущности, мелкота...

1996 г.

ХЛЕБ – ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ?

Чем больше зерна выращивает крестьянин,
тем ближе он к пропасти банкротства.

В дни, когда над усталыми, остывающими полями закружились прощальные грачиные стаи, я вспомнил слякотный мартовский денёк и кабинетик с двумя шкафами, где чуть не до потолка возвышались какие-то «гроссбухи». И пачки плакатов (ещё тех, «застойных») с одинаковой звонкой фразой: «Хвала рукам, что пахнут хлебом!» Помню самого хозяина за столом – худощавого, средних лет человека с намертво привинченным к пиджачку «ромбиком». Он, экономист с высшим образованием, потряс меня заявлением: «Я против того, чтоб весной выходить в поле. Посеять немного зерновых на «зелёнку» – и всё. И точка!» По-видимому, я смотрел с таким изумлением, что он засмеялся и, протирая очки, счёл своим долгом успокоить: «Не волнуйтесь, «крыша» у меня не поехала. Я с цифрами на руках докажу, почему сегодня нам выгодней производить продукции как можно меньше...»

Резоны были простые. Во-первых, крытый ток, колхозные амбары и личные закрома колхозников (по-новому – акционером) забиты прошлогодним зерном. Во-вторых, деньги за уже проданный государству хлеб до сих пор не получены. Если после «прокрутки» через коммерческие банки они и вернуться к тем, кто их заработал, то это уже будут не деньги, а слёзы, объедки с чужого стола. Их вряд ли хватит даже, чтобы отдать зарплату дояркам и механизаторам за прошедшие месяцы. А на что покупать запчасти, горючее, удобрения, гербициды и прочее? Опять лезть в долговую кабалу, выпрашивая кредит под двести с лишним процентов? Притом нет уверенности, что государственные закупки увеличатся, а цена тонны зерна будет «хоть более иль менее». Ведь, судя по высказываниям больших политиков, ничего

подобного не предвидится. То есть ещё одна отрада, еще один – не дай Бог! – добрый урожай неизбежно обернётся для хозяйства экономической трагедией.

– Значит, лучше не сеять?

– Безусловно!

– А скот-то чем кормить?

– Это не проблема. У нас на свиноферме от 1200 голов осталось лишь маточное стадо хрюшек. Им и запасов хватит выше головы. Свиней же перевели, поскольку держать невыгодно.

– А что выгодно?

– Я уже говорил: сидеть и не дёргаться...

Логика его рассуждений была прямо-таки железной: только самоубийца производит свинину, если килограмм её обходится в 300 рублей, а на мясокомбинате дают 180. За бессмысленность сева, по его словам, «голосовали» и чисто технические трудности: «Посмотрите на наш машинно-тракторный парк – ни одного нового комбайна или трактора, сплошные развалюхи! Какой западный фермер взялся бы пахать, если убирать нечем?»

– А сами-то мужики, – спросил, – что думают?

– Пока не знаю, завтра на общем собрании поговорим...

– А не побьют вас?

– Могут, – подумав, сказал отважный экономист.

Спустя неделю я позвонил и спросил, как сельский люд воспринял идею об отмене весенне-посевной кампании.

– Бить, слава Богу, не стали, но буря возмущения имела место. Народ негодовал: «Ты, Иван Никифорович, – говорили, – наверно, в субботней бане перепарился, поэтому несёшь околесицу. Мы-то, мол, проживём год на запасах. Но город же загнётся». Если б я брякнул, что город – не наша забота, точно б побили. Эх, да что с нас взять, – я почувствовал, как он улыбается в трубку. – Совки – мы и есть совки...

Шутки шутками, но не будь врождённой совестливости перед землёй-матушкой, не будь той самой «совковости», приучившей крестьян жить по принципу «Раньше думай о Родине, а потом о себе», вся сельскохозяйственная кампа-

ния в Воронежской области свелась бы к уходу за огородами. Чего темнить: почти все деревенские жители – от свиначки до главного агронома, от тракториста до председателя АО – уверены, что «происходит угробление сельскохозяйственной отрасли...».

– Зачем её гробить и кому? – спрашивал я.

– Значит, надо, – отвечали мне.

Уклончивость – характерная черта российского крестьянина. Но только на словах. На деле же он обязателен во всём, что касается извечного хлебоборобского долга. Вот и в текущем году: оставленная к весне без денег (то есть без горючего, без запчастей, без минеральных удобрений) деревня умудрилась не только посеять, но и вырастить отнюдь не слабый урожай, особенно зерновых. Всё было на жатве, как всегда: по утренней прохладе оглашались поля гулом моторов, и эта музыка не прекращалась до поры, пока небо не становилось похожим на усыпанный ворохами разноцветных звёзд огромный ток. Комбайнеры иной раз и домой не ходили ночевать, спали прямо в поле, в свежих соломенных копнах. Как и встарь, мяти руками полосу и считали, сколько зёрен в ладонях: если больше трёх – значит, что-то неладно в подборщике. И берегли машины, собранные «кое из чего». На излёте страды мне довелось бывать в полях не очень дальнего Подворонежья, где стоят на своих местах древние сёла Большая и Малая Верейки, Ломово, Пчельники, Отрадное, Лосево.

...Когда моя выдавшая виды «Волга» подскочила к разгорячённому и пыльному «Колосу», то комбайнер лишь равнодушно глянул в мою сторону. Пристроившись «в ногу» к «степному кораблю», я некоторое время рулил по стерне в надежде, что «капитану» надоест мой молчаливый эскорт. В конце концов комбайн замер, а русоволосый крепкий мужик крикнул из кабины: «Ну, какого рожна надо?!» «Ничего себе заявленьице! – обиделся я. – С каких это пор журналистов в пинки встречают?»

– Так ты, землячок, из газеты? Ну, извини, дорогой: не за того тебя принял. Ездют тут, понимаешь, всякие, предлагают за бункер зерна литр водяры. А этого не хотели? –

крикнул комбайнер куда-то в сторону посадок, выбросив вперёд чумазый кулак.

Поговорили мы с Петром Квасовым из деревни Ломово недолго, несколько минут. «Урожай, – сказал он, – не хилый. Местами берём по 40 центнеров ячменя с гектара. А на соседних, рамонских, полях – так там вообще утёрли нос Европе – молотят по 50 с лишним центнеров...» И вкалывает народ как никогда. Это раньше, в эпоху горбачёвской борьбы за трезвость, кто-то мог прийти в поле под хмельком. Сейчас найти такого среди механизаторов так же трудно, как обнаружить в местной речке африканского крокодила...

С поля я поехал на ток, где так славно пахло сухим мёдом спелое зерно. Первой встретилась девочка лет пяти с задорным «хвостиком» на голове и розовым бантом.

– Как зовут? – спрашиваю.

– Екатериной, – отвечает, держа палец во рту.

– К кому пришла?

– К мамке. Показать, что я цела. Потом опять на луг пойду, там до вечера сидеть с телком. Я раньше в детский садик ходила, но сейчас там на двери замок – большущий...

Закрытые детские сады (о клубах уж молчу) нынче не новость: угодив в финансовый капкан, деревня постепенно лишается остатков «былой роскоши» в виде вещей элементарного жизнеобеспечения. В одном из районов на юге области мне поведали горестный случай про то, как на глазах у комбайнера от случайной искры сгорела за несколько минут его «Нива». Мужик, рассказывают, глядя на эту жуткую картину, плакал...

– А пожарка, – спросил я, – где была?

– Эх, хватился! Мы её ещё в прошлом году продали – деньги были нужны на гербициды.

Казалось бы, теперь, при нормальном-то урожае, деревне вздохнётся полегче, посвободней. Не тут-то было! Уже к середине августа стало ясно, что ничего, кроме новых удушающих долгов, ей ждать не приходится. Из намолоченных на воронежских полях полуторамиллионов тонн зерна покупатель в лице государства в лучшем случае

возьмёт одну треть. С большей частью урожая селянину рекомендуют разобраться следующим образом: какую-то часть продать в областной фонд по совсем уж оскорбительной цене – 40 рублей за килограмм, всё остальное предложить так называемым коммерческим структурам. «Эти структуры, как ворон крови, ждут того мига, когда АО и ТОО пойдут к ним сдаваться с поднятыми руками и полными закромами», – слова председателя Нижнедевицкого АО «Першинское» А. Кулакова.

– И есть уже предложения? – интересуюсь.

– Навалом. Дают от 90 до 100 тысяч. Представляете? Один килограмм полноценного зерна (хлебом из него можно день кормить целую семью) приравнивают к жевательной резинке, которая и годится лишь на то, чтоб её взять в рот и через минуту выплюнуть...

Наплевательское отношение к выращенному с таким трудом хлебу со стороны властей предержавших порождает среди селян нехорошие подозрения. При мне два деревенских «аналитика» заспорили.

– По всему, – сказал один, шофёр по профессии, – кто-то хочет голод устроить...

– Да брось! – отмахивался другой – преподаватель, на время жатвы ставший рабочим тока. – Такого не может быть потому, что не может быть никогда.

– Кто знает? – размышлял вслух шофёр. – Вот начнёт народ только и думать, что о жратве, – тогда, брат, делай с ним что хочешь. Кто первым кусок хлеба бросит, тот и хозяин...

Безусловно, мысли о том, что кто-то усиленно программирует голод, – вполне абсурдны. Но возникли они отнюдь не на пустом месте. Хлеб – эта фундаментальная ценность, без которой все наши заводы и космические полигоны становятся не более чем нагромождением холодного железа, – вдруг из имени существительного превратился в имя прилагательное. Все разговоры, споры, дебаты, парламентские и прочие слушания посвящаются чему угодно (акциям, например), только не хлебу насущному. Некоторые из радикал-реформаторов, явно зарезервировавшие за собой право на истину в последней инстан-

ции, прямо заявляют, что им «не дано понять, почему государство у крестьян должно закупать зерно». Не дано – и всё тут! А вот царю Павлу I (любой историк подтвердит) было это «дано». Иначе в сложное для государства российского время он не повелел бы казне специальным Указом скупить весь хлеб и продавать его только через казённые магазины – дабы спекулянты не могли набить мошну, обобрав до креста свой собственный народ. И в Англии, называемой «страной классического капитализма», после войны правительство смекнуло, чем грозит неуправляемый рынок продовольствия, – и учредило соответствующее министерство, монопольно ведавшее закупками и торговлей сельхозпродуктами.

У нас же, в реформируемой России, почему-то укореняется, старательно культивируется непонятно агрессивное отношение к деревне-кормилице. Раньше-то хоть на словах её воспевали, обещали стереть грань с городом... Нынче она в свой адрес слышит только насмешки, ругательства, а то и становится объектом прямых издевательств со стороны нечистых на руку дельцов или неумных политиков. Многие мои собеседники разговор начинали со слова «Почему?» Почему заводы, сколько хотят содрать с крестьянина денег – столько и дерут? Почему доярка, гнущаяся под коровами, получает в сто-двести раз меньше городского лоточника?..

Авторитет в области агронауки, профессор Воронежского государственного сельхозуниверситета А. Фабричнов констатирует: «Налицо совершенно необъяснимая с позиции здравого смысла экономическая дискриминация деревни в целом, и производителя в частности. Абсурд, нонсенс, но факт: в 1994 году крестьянин на своё техническое обеспечение затратил произведённой им самой продукции в 20 раз больше, чем в 1991-м...» В унисон с маститым учёным рассуждает и главный экономист из деревни Землянск Валентина Коновалова: «Мы уже подбили бабки: если реализуем всю продукцию, то выручим от силы один миллиард рублей. А расходы составляют три. И теперь скажите: как жить дальше?!»

Вопрос, разумеется, риторический. Валентина Сергеевна и без меня знает, как деревне жить дальше. Конечно же, работать. Конечно же, пахать, сеять, пасти скот...

И тот экономист, что в полемическом задоре предлагал не выходить по весне в поле, сейчас об этом даже и не вспоминает. Мы с ним повидались совсем недавно. «Зерна взяли по 32 центнера на круг, кукурузы на силос – по 300. Гречка уродилась. Короче, под одним полевым годом можно подвести черту. В данный момент думаю над тем, как бы нам к лету новый комбайн «Дон-500» справить. Уж больно дорог, стервец! Я прикинул: придётся отдать за него полугодовую выручку от продажи молока, надоенного от стада в 600 коров. Я, знаете ли, матом никогда не ругаюсь, а тут так бы и запустил в три этажа! Честное слово, за такую политику в области сельского хозяйства кое у кого следовало бы ноги из одного места повыдергать», – неожиданно жёстко, грубо сказал этот интеллигентный человек.

Я же более солидарен с Валентиной Сергеевной Коноваловой из Землянска, высказавшейся по этому поводу просто, от души: «Грех это – деревню-то обижать...» Верно, как бы нам не пришлось уже в самом ближайшем времени горько и больно каяться ещё в одном своём смертном грехе.

В том, что унизили Его Величество Хлеб, наполненный земной и небесной силой и благодатью.

1999 г.

КАК Я ВМЕСТЕ С СЕМЁНОВНОЙ ТЕЛКА ПРОДАВАЛ

Трудно скотину вырастить, не легче – сбыть.

Ступино – одно из самых древних воронежских сёл. Ещё в конце шестнадцатого века здесь, посреди бора, сквозь который пролегла богатая осетром река Воронеж, появились дворы «детей Боярских и беломестных атаманов». Тех, кто по царскому указу должен вставать с оружием в руках у белгородской засечной черты, защищая Русь от набегов татар.

Как свидетельствуют архивные материалы, жило Ступино в те давние времена весьма богато: крестьяне хлебопашествовали, занимались бортничеством и, конечно же, ловлей рыбы, водившейся в изобилии не только в Воронеже, но и во впадающей в него речке Ивнице. И вот что любопытно: будучи настоящей лесной глухоманью, находившейся в десятках, сотнях вёрст от крупных населённых пунктов, Ступино никогда не испытывало трудностей со сбытом. Всё, что давали земля, лес, вода, отсюда регулярно отправлялось в города: тянулись возы с живым осетром, на стругах, гружённых хлебом, толокном, ступинцы плавали к донским казакам. По заведённому раз и навсегда порядку устраивались ярмарки у стен недалежного Толшевского монастыря, где шла по-праздничному шумная и взаимовыгодная торговля лошадьми, рыбой, мёдом, а также хлебным вином, которое «курили» почти в каждом крестьянском дворе.

Сегодняшнее Ступино по-прежнему своими околицами выходит в заповедный бор, где, правда, давно уже нет корабельных сосен, но по-прежнему петляет речка Ивница, по-прежнему сурово молчит, храня свою тайну, холм, называемый Кудеяровым городищем (в честь знаменито-

го разбойника, чьи сокровища, по легенде, зарыты где-то здесь, в лесном урочище).

Давно уже не бурвят водную гладь громадные осетры, да и судаки со щуками – нечастая удача рыбаков. Но, как и встарь, Ступино осталось благоприятнейшим местом для разведения всякой домашней живности. Почти в каждом дворе есть корова, один или два быка. Молодых хозяев тут мало, как и в большинстве российских деревень, основная рабочая сила, производящая молоко и мясо в частном секторе, – жилистые, хваткие, неистовые в своём трудолюбии старики, люди пенсионного возраста, ветераны крестьянского труда.

Возле домика под высокой, раскидистой берёзой я остановил машину, чтобы долить воды в распалившийся радиатор. Крышка сруба была откинута. Ведро висело на цепи, но я самовольничать не стал: погромел щеколдой в калитке, надеясь вызвать кого-нибудь из хозяев. На стук вышла бабуля в белом «с горохами» платке.

– Здравствуйте, водички, – говорю – можно одолжить?

– А водочки не хочешь? – спрашивает она. – Ты что, непьющий?

– Только курящий.

– Эх, жалко. Я думала, как? Поставлю человеку бутылочку, а он мне сделает важное дело... Надо б в одно место слетать.

– Куда?

– Да в заготконтору: подразунать, не принимают ли там скот? Если нет, тогда б хорошо в ресторан на еродром заскочить – может, там возьмут?

Знакомимся: «По фамилии я – Салманова, но ты зови меня, как все зовут: «Семённа». А далее Семённа поведала о том, какой камень лежит у неё на душе: пришла пора бычка сдавать, поскольку в нём уже веса «никак не меньше трёх центнеров». И хлопот впереди столько, что страх берёт неодолимый. Вчера Семёновна останавливала несколько легковушек, умоляла водителей за пару пузырей «слетать в Рамонь» – никто не согласился. А родни, кото-

рая имела бы собственные колёса, у неё нет: «Вдвоём было полегче, хоть мой дед и часто хворал, но сам понимаешь, лучше худой плетень, чем никакой». Короче, поехал в Рамонь я. В «Коопзаготпроме» встречают удивлённо вскинутыми бровями:

- Мясо? Конечно, какой может быть разговор?
- Значит, можно привозить?
- Да, но только в убойном виде.
- А живьём?
- Живьём не принимаем. Нет у нас своей бойни...

После визита в «Коопзаготпром» езда в ресторан «на еродром» показалась мне бессмысленной: уж там-то тем более живому быку дадут от ворот поворот.

Семёновна ждала вестей, сидя на лавочке под берёзкой. Выслушав мой рассказ, она покорно закивала головой: «Придётся Михайлу звать». – «Это кто?» – «Резак. На соседнем хуторе живёт. За ним тоже ехать надо...»

Стало ясно: я не имею никакого морального права оставлять её один на один с незабытым трёхцентнеровым бычком. Михайла – крупный, рыжий, чем-то напоминающий простецких героев любимого мной Михаила Евдокимова, – то ли с могучего похмелья, то ли страдает ввиду откровенного недопития...

– Миш, а Миш, – ласково говорит Семёновна, прижимая к груди руку, завёрнутую в простенький латаный фартук – бычка забьёшь?

– А почему бы и нет?

Поездка на «Волге» явно импонирует Михайлу, но перед тем, как сесть на переднее сиденье, он всё-таки на всякий случай предупреждает: «Только учти: один флакон до того, пару – после того и весь ливер, голова и ноги – мои». «Что ж я, порядков не знаю? – кивает Семёновна. – Бутылочки уже приготовила...»

Опускаю подробности происходящего затем действия, замечу лишь в скобках: за три бутылки, что получил за свою работу Михайла, Семёновна отдала 2400 рубликов, да

ливера потеряла не на одну тысячу рублей, и всё-таки самое трудное нас ожидало на следующий день...

Спал я в духмяном сене на чердаке вместе с добродушным котом. Проснулся, по моим понятиям, очень рано, но Семёновна давно была уже на ногах. Успела молодой картошки нажарить, а главное, договорилась с шофёром «КамАЗа», ночевавшем в доме напротив, он согласился отвезти тушу быка в Рамонь (в мою машину, увы, её втиснуть невозможно) – на исследование в мясоконтрольную станцию: чтоб там клеймо поставили.

– Хороший малый попался, – хвалила шофёра Семёновна.

– Чем же?

– Я ему две бутылки приволокла, а он грит: «Бабуль, мне и одной выше крыши»...

Перед поездкой на мясоконтрольную станцию необходимо обзавестись справкой от ветеринара: без неё ни о каком клеймении не может быть и речи. Во сколько Семёновне обошлась эта формальность – сказать не могу. При сём не присутствовал, так как она попросила меня съездить в бухгалтерию и заплатить тысячу восемьсот рублей за «КамАЗ». Бутылка – бутылкой, а в кассу плати.

Едем, наконец, на станцию. Семёновна бережно держит на коленях сумку, время от времени издающую звон стеклянной посуды. Сколько у неё там имелось поллитровок – опять же не знаю. Сразу же после клеймения берём курс на «Коопзаготпром». И зря. В бухгалтерии нам, равнодушно позёывая, сообщают: «Наличных в кассе нет, получите по перечислению» – «А если деньги нужны сейчас?» – «Это ваши проблемы»

Делать нечего: поехали «на еродром», в тамошний ресторан. Шофёр «КамАЗа», узнав об этом, заметно поскучнел: «Это ж сколько я солярки сожгу?» – «Не волнуйся, касатик, – успокаивает его Семёновна, – за пережог я заплачу. А хошь, возьми водкой» «Какой водкой! Ты разумеешь, бабуля, почём нынче литр горючки?..» Семёновна отсчитывает за положенные сорок литров солярки.

В ресторане – новые сложности: кладовщик кочевряжится, просит подождать часика два-три, пока не приедет сам директор... Видимо, с ним надо поговорить «по душам». Я, было, направился сам провести эту операцию, но Семёновна взмолилась: «Тебе нельзя, ты – в очках».

– При чём тут очки?

– Ненашенский вид у тебя. Подумает, ты какой-нибудь ревизор, разговаривать вовсе не станет, и погубишь ты всё дело... А мясо-то летом долго не хранится, а «КамАЗ» вон нервничает...

Посоветовавшись, на душевную беседу отправляю водителя «КамАЗа». Семёновна извлекает из своей сумки что-то увесистое. Тот прячет это «что-то» под куртку и решительно направляется к приёмщику. Возвращается довольно быстро, подмигивает: «Замётано. Пошли выгружать...»

Ох, как же была довольна Семёновна, когда мы мчались обратно в Ступино: «Вот ведь как быстро управились! Повезло мне нынче, слава те, Господи...»

– Семёновна, – интересуюсь, – сколько же ты на магарычи потратила?

– И не спрашивай. Водка, она страсть какая дорогая теперь...

Я пожалел, что завёл разговор о понесённых утратах... Умилительное настроение тут же покинуло мою спутницу: «Подумай сам и скажи, какой мне резон заводить нового телка? Вертисси, крутисси, горбатисси с утра до ночи, а толку? Да если посчитать, сколько я поллитровок угомонила за корма, сколько денег убухала, то выйдет, что прибытку – кот наплакал. Самой-то чего надо? Кружку молока да ломтик хлеба. Вот ей-богу – всю скотину со своего двора сведу, одну козу оставлю»

«Раньше-то как было? – продолжала Семёновна. – Водились прасолы. Ездили по всем деревням, по всем хуторам: скот скупали. А нонче, сам видишь, какая адова мука. Неужели нельзя сделать так: подъезжает, к примеру, ко мне тот же заготовитель на машине. Я ему телка, он мне – денежки. И все дела. Сейчас по деревням-то, родимый ты

мой, столько всякой живности! Если бы было, куда и кому продать, то ваш город бы в мясе и в масле, как курица в сору, копался..»

Вернувшись из Ступино, я зашёл на Центральный городской рынок, прошёл по мясным рядам: цены вновь подскочили. Кусочек говядины, что получше, уже около двух тысяч за килограмм, одна нога телячья на десять «штук» тянет. Ходил, приценился, а перед глазами то и дело всплывала Семёновна и её хождения по мукам.

А сколько их таких хотели бы сегодня без нервотрёпки продать выхоженную с такими трудами скотину?

Только кого это волнует?..

1999 г.

ИЗБА С ЗАКОЛОЧЕННЫМИ ОКНАМИ

Помнится, в конце 80-х годов, когда так верилось в светлые перемены, не раз стёжки-дорожки приводили меня в селения, над которыми, словно проклятие, висело «мудрое решение» о разделении российской деревни на две неравные части: большую, объявленную «неперспективной», и меньшую, где, будто по мановению волшебной палочки, должны были подняться пресловутые пятиэтажные «агрогорода».

Словно Мамай прошёл тогда по сёлам, обрывая телефонные и электрические провода, закрывая школы, магазины, амбулатории, медпункты. Крестьянские семьи подавались на городские хлеба. Формулировки типа «кадровый голод», «дефицит рабочих рук» стали ритуальными в речах больших и малых сельхозначальников. Например, один из самых богатых колхозов Нижнедевицкого района «Серп и молот», по словам председателя Ивана Семёновича Глебова, «потерял половину механизаторского корпуса».

Множество деревень вовсе исчезло в ту пору с лица земли, но кое-где жизнь теплилась. В селе Ольховка, по которому я ходил тёплым и ясным днём, из сотни дворов примерно 40 имели вполне обитаемый вид. Пожилая крестьянка, привязывавшая козу к колышку, вбитому прямо на «проезжей» части заросшей травой-муравой улицы, по своему истолковала появление незнакомого человека:

- Дом присматриваешь?
- А что, продадите?
- Хоть щас...

Цену назвала смешную. А дом-то большой, с просторной верандой и крыт железом. У забора полыхала алыми гроздьями раскидистая красавица-рябина. «Смотрите, небось, и думаете, что мы тут, как в раю? – предположила хозяйка. – А попробуй-ка, милок, поживи, если до магазина – восемь вёрст киселя хлебать, если ни аптеки, ни фельша-

ра». Другой ольховец, Иван Петрович Коршунов, красивый полинявший от солнца и дождей забор, был настроен более оптимистично: «Наша Ольховка ещё очухается. А что? Земля здесь – золотое дно; оглоблю воткни – телега вырастет!»

Десять лет прошло с тех пор.

Какие же картины высветило время на чёрно-белом экране деревенского бытия?

ЗРИ В КОРЕНЬ

Изменения, конечно же, произошли. На смену вышедшим из моды призывам «догнать и перегнать» пришли другие: «удушающий диспаритет цен», «диктат монополистов-переработчиков», «банковская обдираловка». Вроде бы всё верно, но, по мнению деревенских экономистов со стажем, корень зла в другом.

– Чихали б мы на все диспаритеты, – говорит Фёдор Никифорович Коростелёв из деревни Лопатки, – если бы...

И начинает перечислять: если б средняя урожайность составляла не 12 центнеров с гектара, а хотя бы, как раньше, – 25–30. Если б от каждой коровы в год надаивали не 1300 килограммов, а хотя бы по 3–3,5 тысячи. Но что же мешает? «Работать на селе стало некому!» – такой диагноз ставит Фёдор Никифорович тяжело больной сельхозиндустрии. На его взгляд, «эмблемой» современной российской деревни стал не коттедж усадебного типа, а покинутый дом с крест-накрест заколоченными ставнями. «Подумать только: самой молодой доярке у нас стукнуло 54 года!» – с горечью восклицает собеседник.

В тех же Лопатках, как и в соседних Серебрянке, в Гнилуше, число механизаторов за десять лет сократилось ровно втрое. А из оставшихся половина имеет привычку надолго «отрываться от фундамента».

Смешно и горько слушать рассказ о том, как в АО ублажают «сварочных дел мастера». На работу он давно не ходит. При нужде к нему подсылают гонца с пол-литрой за пазухой. Если сварщик Колян ещё способен реагировать на

лица и голоса, то ему наливают по ободок гранёный стаканчик и везут в мастерскую, где он в течение часа в состоянии осмысленно трудиться. После чего Колян «гаснет», и ему наливают второй стакан, которого хватает ещё на полчаса ударного труда. А уж после третьего он может всё: петь, плясать, спорить до кулаков о политике, только не швы заваривать. Но, повторюсь, не может быть и речи, чтобы применить отрезвительные санкции к нему или другому неприкасаемому – электрику Серёге, на шатких плечах которого лежит обширное электрохозяйство. В любой момент он может переметнуться в соседнее ТОО, где с него будут сдувать пылинки и опохмелять по первому требованию. Ну а бурёнке, оставшейся день-другой недоенной, хватит стресса до конца коровьих дней, и ждать от животины приличного молока уже бесполезно.

БЫЛ БЫ ДОЖДИК, БЫЛ БЫ ГРОМ?

Основательно поредели и ряды сельских специалистов. На Курской трассе я нарочно останавливался возле попутных контор, дабы выяснить, в какой степени укомплектованы хозяйства выпускниками сельхозвузов. В селе Девница поведали, что не первый год «мыкают горе» без главного зоотехника, без толкового инженера и ветврача. В Перекоповке – то же самое, только вдобавок нет главного агронома. Сбывается давнишняя мечта лентяев и бракоделов, выразившаяся в известной припевке: «Был бы дождик, был бы гром – на хрена нам агроном...»

В Серебрянке обязанности главного инженера выполняет талантливый самоучка Виктор Митрофанович Веретенников. В Троицком занимаются животноводством, не имея в штате зоотехника со специальным образованием. Какова же тут по области ситуация, сказать невозможно, поскольку статистическую отчётность по этой графе давно отменили. Правда, на районном уровне при условии «полной анонимности источника информации» кое-какие цифры мне назвали. В 90-м году агрономов, зоотехников,

ветврачей в районе было 286, осталось 74. Сельхозинженеров насчитывалось 68, сегодня в наличии 29.

Куда подевалась деревенская элита? Большинство устроилось в городах и райцентрах. Кто торгует, кто подвязался в автосервисе, а кто и спился. Наивно надеяться, что освободившиеся вакансии по осени займут молодые ребята, получившие заветные институтские «корочки»: какой, извините, дурак поедет на работу туда, где по году не выдают зарплату?! Прежде, помнится, сами хозяйства направляли молодёжь в вузы и платили за учёбу, но теперь это им не по карману.

Я спросил у профессора Воронежского агроуниверситета В. Шевченко, сколько надо колхозу «отстегнуть» за одного своего «направленца»?

– Много, – ответил Владимир Ефимович, – от 12 до 15 тысяч рублей. Но ничего не поделаешь: вузам тоже за всё надо платить.

Без главного инженера деградирует машинно-тракторный парк, без «технолога полей» нет надежды на приличные урожаи. Почему кое-где намолачивают по семь центнеров с гектара? Не зная агротехники, не имея понятия о ротации севооборотов, многие сеют ячмень по ячменю. Помню, один «вольный хлебопашец» вознамерился подзаработать на гречихе и... подкормил ее аммиачной водой, после чего пчёлы облетали сей «медонос» за километр. В поле выросли пустые, выше человеческого роста, будыльи.

Похоже, в ближайшие годы малолюдьё станет для отечественного села главным бедствием. Между прочим, и при крепостном праве богатство помещиков исчислялось не столько обширностью владений, сколько числом «рабочих людишек». В нашей же деревенской России уже появились места, где живут – точнее, доживают свой век – сплошь одни старики и старухи. В малых и больших сёлах смертность где в три, где в четыре раза превышает рождаемость. Никого уже не удивляют деревенские школы, в которых учителей больше, чем учеников.

ЗЕМЛИ НА ВСЕХ ХВАТИТ

Мы все в неоплатном долгу перед нашей общей прародиной. И все сообща, не выискивая ни правых, ни виноватых, обязаны думать над тем, как спасти деревню с её пока ещё уцелевшими храмами и кладбищами, с песнями, обычаями, обрядами, завещанными нам бесконечной цепью предков – сеятелей и хранителей.

Наверно, ради этого любые средства хороши. Тем более что есть громадный источник для пополнения деревенских людских родников – это наши соотечественники из так называемого «ближнего зарубежья».

В 1993 году в селе Нижняя Ведуга отвели участок в 160 гектаров специально под строительство жилья для переселенцев из Таджикистана. В ожидании обещанных государственных кредитов они жили в пустовавших домах по несколько семей. В один из таких домов я и зашёл однажды майским утром. На стук щеколды вышла молодая русская женщина в фуфайке и резиновых сапогах. Познакомились. Виктория Токарева вместе с мужем и дочкой приехала из Душанбе, поселилась в пустовавшем доме, завела кур, поросёнка «Я ведугскую тишину, – призналась она, – буквально пью и никак не напьюсь». В составе «таджикской диаспоры», собравшейся обосноваться в Ведуге, кого только не было: шофёры, механизаторы, строители, технологи пищевой промышленности, музыканты и даже одна артистка театра оперы и балета...

Стройка так и не состоялась, обернувшись по вине чиновников различного ранга «прохиндадой». Переселенцы разъехались по большим и маленьким городам, но кое-кто всё-таки «закрепился». В селе Ендовище нашла приют семья – тоже из Средней Азии – муж, жена и девочка Настя. Днём Насте хорошо: вокруг солнечный и зелёный мир, у крыльца квохчет наседка с цыплятками, соседский пёс норовит лизнуть в щёку, пахнет кругом травой да молоком. Но по ночам Настя вскакивает со своей постельки – крошечная, испуганная, прижимает ручонки к груди: «Мама, на улице опять стреляют?!» Приютившая беженцев тётка

Дуся говорит: «Как же мне её жалко, детоньку мою! Сказала бы всем нашим людям, какие за границей: «Да приезжайте, дорогие, к нам, на село. Земли всем хватит. И вон сколько по деревням пустых изб зря пропадает!»

И вытирает Евдокия Столповских концами платка свои глаза, полные жалости и печали. Ах, как бы сделать так, чтобы и в Белых домах, и в Кремлях при принятии судьбоносных решений хотя бы незримо присутствовали такие добрые, сердечные граждане, как тётя Дуся. Доярка с тридцатилетним стажем, любящая и своих детей, и чужих.

...В мае я заехал в Ольховку. Погода стояла чудесная, ветер обдавал запахами цветущей сирени. От дома с верандой, к которому когда-то приценивался, остались лишь очертания фундамента. Не обнаружил я и забора, что обновлял оптимистично настроенный селянин, хотя сам дом с досками на окнах стоял нерушимо.

О многом думалось на фоне уходящего в небытие села. В частности, и о том, что подразумевать под словом «реформа». Толковые словари в один голос твердят, что это – когда от плохого идут к хорошему. А как назвать процесс, когда от плохого идут к худшему, – я, право, не знаю, и словари на этот счёт молчат.

2000 г.

ТРИ ДЕСЯТЫХ ПОРОСЁНКА

Так получилось, что незадолго до Нового года оказался я в заснеженном поле, где копали сахарную свёклу.

Совсем недалеко, в городе, царило лёгкое предпраздничное помешательство, все бегали по магазинам и стояли в очередях, люд чётко делился на продающих – спокойных, насмешливо-высокомерных – и покупающих – жалких, суетливо-злых.

А тут, на очерченной лесными полосами загонке, шла неспешная и тяжкая работа – спасали урожай, оставшийся в земле из-за затяжных, словно мексиканский сериал, осенних дождей. Повелитель свеклоуборочного комплекса Иван Алексеевич Астрединов – мужчина лет сорока, в фуфайке и лёгкой рубаше с незастёгнутым воротом, весь как бы дымился от морозца, от доброго здоровья. И оттого ещё, что часто приходилось вручную очищать от грязного снега транспортёр. Он откровенно удивился явлению журналиста: «О нашем брате, колхозном механизаторе, не вспоминают ни в газетах, ни по телеку. Сейчас шустряки в моде...»

– Это кто?

– Ну, фермеры. Среди них же трудяг – раз-два да обчёлся. В основном ловкачи...

У Астрединова всё есть: исправный дом, хозяйство, ещё не старая «Нива», одет-обут. Всё потому, что двадцать «взрослых» своих лет старательно делал крестьянское дело, а не анализировал международное положение на печи. И никакого нет резона ему просто так охаивать фермеров. Знает, что говорит.

Да, истинных мастеров в рядах воронежских «вольных хлебопашцев» что-то негусто. Ныне фермерское сословие как бы делится на три категории. Первая и самая многочисленная – деловые люди, по-деревенскому «шустряки». Это чиновники из районных и областных организаций, ко-

операторы, чья деятельность окутана густой коммерческой тайной. А также телемастера, «лабухи» из ресторанных ансамблей и прочие небедные горожане, устремившиеся к земле для вложения и накопления капитала – разумеется, путём таскания каштанов из огня чужими руками.

Категория вторая, пока немногочисленная: честные и работающие мужики. Такие, как Петров из Перлёвки, Чердниченко из Перекоповки, Булавинцев с хутора Головищи, Фролов из Эртиля, Пархоменко из Кантемировки. Этим подвигнуло в фермерство желание испытать себя и саму идею проверить на прочность. Ещё один известный в области хлебороб пошёл в фермеры, как ни странно, «под нажимом председателя». Чтоб «голову» не укоряли, что саботирует реформы, выпихивает на отруба всякую шваль, а хороших работников всеми правдами и неправдами удерживает в колхозе. Механизатор согласился. Он, во-первых, уважал своего председателя, а ещё хотел попробовать: уж если у него не получится, то у кого тогда?

К третьей категории нужно отнести тех, вокруг кого в былые времена кипела и бурлила «воспитательная работа», они же не поддавались, упорно исповедовали принцип «работа не волк, в лес не убежит». С год назад в корпункт «Труда» пришло письмо из неближнего села Долгое от механизатора, жаловавшегося на «захребетников», которые «сидят на шее у крестьянина» и нещадно эксплуатируют его. В последних строках автор обещал, если газета «не выведет на чистую воду всех наших коммуняк» – пожалуется «самому Бурбулису».

В тот колхоз я наведалься в сентябре, когда поля ещё золотели невспаханной стернёй. «Нету его. Через жену передал, что заболел», – без тени доброжелательства к механизатору сообщила в коридоре правления агроном участка.

– А что с ним?

– Да воспаление хитрости.

Иду по указанному адресу. Долго стучусь в закрытую изнутри дверь, пока её не открывает сам хозяин – молодой ещё мужчина с заспанными глазами. Познакомившись, спраши-

ваю про здоровье. «Да нормально, – он усмехнулся. – Я не болею, я сегодня бастую. Надоело вкалывать задарма...»

Получил он за восемь месяцев 18 тысяч рублей. «Это что, деньги по нынешним временам?» В то время как «любимчикам и прихлебателям» начислили по 50. «Всё, – подытожил, – поишачил и будя! С понедельника в фермеры оформляюсь...»

Молодая, вся в веснушках бухгалтерша, выслушав мой пересказ «телеги», наехавшей на неё, в сердцах ударила авторучкой по листу бумаги: «Ну, блин горелый! Что ж вы не спросили, сколько он выхододней имеет?»

– Сколько?

– А всего сто за целый год. У него в неделю полтора рабочих дня. Это мужики, что по 240 рабочих дней отломали, вот те получили на руки по пятьдесят тысяч, а к тому ещё две тонны зерна, по центнеру сахара...

Забегая вперёд, скажу, тот «забастовщик» стал-таки фермером, причём крупным – отрядили ему аж 90 гектаров и в неплохом месте, за родниковой балкой. Такая щедрость местных властей объяснялась просто: как и прежде, за внедрение новой модели хозяйствования на земле взялись воевать числом, во главу угла поставили «всемирный охват».

Что в результате вышло, видно из официальных статистических данных. Например, разница в урожае колхозного и фермерского гектара по зерновым доходит до девяти центнеров в пользу первого. О вкладе животноводства и говорить не хочется: на каждое «ранчо» приходится в среднем по 0,6 коровы, по 0,3 свиньи, по семь кур. И пусть не вводит нас в розовое заблуждение высокая рентабельность некоторых фермерских хозяйств – любые деньги, заработанные от продажи зерна, растаяли бы как дым, если заниматься животноводством. Нынче заурядная доильная установка «ёлочка» съедает миллионы, пустая металлическая фляга по цене равнозначна месячному надою от изрядного стада коров...

Легче и прибыльнее стричь купоны с зерновых. Помню, в пору прошлогодней жатвы среди хлебных разливов за

селом Казинка мне бросился в глаза тощий ячменный клин. Спросил у председателя Б. Минина, чьё же это поле.

– Да фермерское. Ездит тут доцент один, из города...

Для деревни и для нас с вами мало оттого проку, что некий доцент стал фермером. Ну, убрал он по 14 центнеров с гектара (в колхозе на круг получилось по 45), ну расплатился с механизаторами, которые пахали-сеяли-молотили, ну увеличил свой личный доход на три миллиона. Кому, кроме самого землевладельца, после этого жить стало лучше, жить стало веселей? Впрочем, и для него «недолго музыка играла». Весной прошлого года, когда механизаторы смекнули, что почём и запросили за услуги настоящую цену, он сразу же потерял интерес к фермерскому движению. Из всего двухсотгектарного участка минувшим летом «работали» три гектара, кое-как засеянные картофелем.

А ведь таких – брошенных, погибающих в чертополохе – земель в одной Воронежской области двадцать тысяч гектаров. То есть из производства выключена пашня, которой хватило бы на несколько крупных колхозов. Это тысячи потерянных центнеров молока, мяса, хлеба.

Главное же, с кем из думающих людей в деревне ни поговоришь, все сходятся в одном: фермеризация терпит крах не из-за чьих-то коварных происков, а по причине полной невозможности основать новое хозяйство при ценовом беспределе. И ещё потому, что нынешний её вариант не соответствует экономическим нравственным, наконец, духовным реалиям, сложившимся сегодня в российской деревне.

Представляет интерес взгляд тех, с кого мы собираемся «делать жизнь», – самих западных фермеров. Не так давно солидная делегация из США побывала в Кантемировском районе. Приехали гости, обуреваемые деловыми интересами: они намеревались взять в аренду тысяч 20 гектаров – чтоб обустроить «типично американскую ферму».

Поездки по колхозам стали для американцев поистине открытием России. То есть они знали, что у нас есть большие города, а вот о существовании такого уникального явления в

общечеловеческой цивилизации, каковым является русская деревня, не подозревали. Речь не только о поэтической разбросанности сёл и причудливом ландшафте полей, так не похожем на их родные, окантованные бетонными лентами дорог квадратики. По признанию гостей, в условиях сегодняшнего экономического террора в России по отношению к деревне разорился и пустил бы себе пулю в лоб даже самый богатый и предприимчивый американский фермер.

«Доконал» же визитёров совершенно обычный для нас факт – колхоз на свои деньги содержит школы, больницы, детсады, клубы, заботится о пенсионерах и инвалидах, о малоимущих. В Америке фермер заботится только о самом себе, а за тем, чтобы он не разорился, бдительно следит государство. Видимо, прилетевшие из-за океана смекнули, что вместо реформ в нашей деревне осуществляется попытка пуститься вскачь, держа при этом телегу впереди лошади. Потому от проекта по возведению ранчо на кантемировской земле вежливо отказались.

Весь минувший год автор этих строк вёл специальный деревенский блокнот, куда записывал высказывания селян о своём житье-бытье и о том, как лучше на земле хозяйствовать. Может, мне не везло, но никто из собеседников не отозвался благожелательно о скороспелом растаскивании хозяйств и торговле землёй. Мужик стоял за то, чтобы земля была в вечном владении у тех, кто на ней работал. «Не всё можно продавать, – слова механизатора Сдвижкова из Эртильского района. – Должно же быть что-то святое?» Главный инженер из Малой Покровки Бородкин высказался и вовсе категорично: «Время работает на колхоз!» Он убеждён, что ряды фермеров в ближайшие год-два сильно поредеют. Сработает закон поля, по которому нельзя больше двух лет подряд сеять ячмень – по ячменю. Хочешь не хочешь, а придётся браться за сахарную свёклу. Но большинство новых хозяев не знают, с какого бока к ней подходить, не отличат шаровку от букетировки.

Впрочем, фермер – это ж от слова «ферма». В Кантемировском районе разговариваю с начальником РАПО А. Горбанёвым: «Сколько у вас сегодня фермеров?» «Почти пол-

торы сотни» «А сколько из них оправдывает своё название?» «Это чтобы животноводством занимались? Таковых у нас один – Еланцев. У него десять коров имеется...»

Вот и вся арифметика.

На хуторе Лебяжье Нижнедевицкого района живёт «бабка Катя» – Екатерина Ивановна Кирюшкина. Лет под 80, но ясна глазами и умом. Сказал ей, что деревенские пенсионеры, небось, с охотой продали бы причитающиеся им паи, ежели колхоз поделят. «Не наводи тень на плетень, – сурово окоротила меня бабка Катя. – Я же наскрозь вижу, что вы в городе затеяли. Хотите землю, родимую, на бумажки разменять. Понакупаете себе поместьев, а нам скажете: таперича денежная реформа. И останемся мы, деревенские, с носом»

Ещё разговор с сельским интеллигентом, учителем русского языка и литературы Фёдором Васильевичем Карасёвым. Он совсем перестал понимать знаменитого, всеми уважаемого журналиста Ю. Черниченко: «Зациклился на одном – давай скорее делить колхозы да землю. Приехал бы в совхоз «Айдаровский», поглядел, какой там ужас творится...»

И вновь листаю «деревенский блокнот». Есть и ответы на сакраментальный вопрос: что ж вы предлагаете? «Хватит заниматься делёжкой. Если у нас есть люди, которым некуда девать деньги, пусть приезжают в село и строят частные цеха по производству сыра, колбасы, тушёнки, пива. Пройдёт три-четыре месяца, и деревня завалит город продуктами», – это реплика из беседы с мужиками в деревне, что в знаменитой Каменной степи.

Председатель Семилукского райпотребсоюза Юрий Соломатин высказал такую идею: «Ввести в нашу орбиту два-три крупных колхоза. Потребсоюз, имея перерабатывающую базу, доводит до ума сельхозпродукцию, затем реализует её. На выручку берём товары ширпотреба, везём их к себе в район – тем самым покончим и с нищетой прилавков, и с бешеными ценами...» Соломатин уж начал было материализовать задумку, заключил договоры с колхозами «Новосильский» и «Октябрьской революции». Но тут

подоспел указ о коммерциализации кооперативной торговли, означавший очередной передел – на этот раз торговых точек и заготконтор. Чертыхнувшись в сердцах, Юрий написал заявление «по собственному...»

Горький урок года, прожитого областью под знаком скороспелых реорганизаций, подтверждает известную мысль: реформы под диктовку сверху ни к чему хорошему не приводили и не приведут, если не прислушиваться к мнению самих селян, и не таких, как тот «тудяга» из деревни Долгое, что подался в фермеры, дабы не ходить так часто на работу – в прошлом году он собрал с гектара по... четыре центнера зерновых. Лицо деревни определяют всё же здоровые мужики вроде Астрединова, который так беззаветно «брушил» свекловичное поле в морозный день.

Пришла пора уяснить, кто должен вершить судьбу деревни. Активисты, собирающие подписи о земельных реформах на городских толкучках и возле метро? Или же она сама, многострадальная, многократно обманутая, преданная, и, несмотря ни на что, всегда вывозившая на своём горбу Россию – то из военного лихолетья, то из рукотворной разрухи. Вывезет ли ещё раз? Безусловно. Если не будем крестьянина учить, как жить и работать, как землёй владеть. Он сам во всём разберётся.

1993 г.

КОЛХОЗ... НА ПРОДАЖУ

«Крутой» урожай собрали со своих полей в минувшем году воронежские крестьяне, но ещё «круче» стали их долги.

Колхоз имени Карла Маркса с центральной усадьбой в Малой Верейке я знаю не один десяток лет, ещё с той поры, когда им мудро и дальновидно руководил известный на всю Россию могучий хозяйственник Григорий Стефанович Лепендин. Он одним из первых в стране ввёл оплату труда механизаторов «не от колеса, а от колоса». На банковском счету у него всегда лежали миллионы, отнюдь не деревянных, рублей. Лепендин первым в области провёл в село природный газ, понастроил комфортабельных, как ныне у «новых русских», коттеджей, в которых жили и до сих пор живут здешние колхозники. После того как Григорий Стефанович завершил свой земной путь, по просьбе односельчан председателем стал его сын Олег – кандидат экономических наук.

В конце минувшего октября, полистав своё досье, я уточнил, что в 2006 году колхозу имени Карла Маркса исполняется 50 лет, и поехал к Олегу Григорьевичу с единственным вопросом: «Как в Малой Верейке собираются отмечать юбилей?» «А никак», – ответил председатель. «Почему?» «Мы колхоз решили продать...»

Вот так сюрприз! Уж от кого, а от маловерейцев я такой рыночной прыти не ожидал! Что же подвигнуло их на столь кардинальный шаг? «Терпение лопнуло, – пояснил Олег Григорьевич, – ну, скажите на милость, сколько можно пахать от зари и до зари и жить без копейки в кармане?»

Чем дольше продолжался разговор, тем больше я вникал в парадоксальную ситуацию. Страду артель завершила достойно, получив по 30 центнеров зерна с гектара, по 300 центнеров сахарной свёклы, по 20 центнеров подсолнеч-

ника. Но радовались недолго: средств, вырученных от продажи всей продукции, не хватило даже на то, чтобы рассчитаться с кредиторами. Суммарный непогашенный долг – четыре миллиона рублей. И на одном из заседаний правления как-то сама собой родилась идея: а если продать колхоз, весь, так сказать, с потрохами? Имущество артели оценили в 50 миллионов рублей. Столько же, если не больше, должна дать земля по её кадастровой стоимости. Приплюсовали к общей сумме и врачебную амбулаторию, купленную на колхозные денежки, машину «Скорой помощи», собственную телевизионную студию – набралось порядочно. Черту подвели под 200 миллионами рублей. Тут же поделили сложившуюся цифру между пайщиками: на каждого вышло по 600 тысяч рублей, что позволит всем бывшим колхозникам безбедно дожить до пенсии, да и детям с внуками кое-чего оставить.

Не берусь давать оценку данному проекту, но замечу: сам факт распродажи знаменитого и богатого в недавнем прошлом хозяйства есть одна из печальных реалий минувшего сельскохозяйственного года, итоги которого подвёл на своей недавней пресс-конференции вице-губернатор области Иван Дубовской.

Главный деревенский начальник не без какой-то печальной гордости сообщил, что труженики полей собрали «крутой урожай»: намолочено 2,5 миллиона тонн зерна, 2,9 миллиона тонн сахарной свёклы, 505 тысяч тонн подсолнечника. Но долги крестьянские стали ещё «круче»: около девяти миллионов рублей хозяйства обязаны выплатить за горючесмазочные материалы, 30 млн рублей – за запасные части, более 100 млн – задолженность за минеральные удобрения. По-видимому, «чёрный список» имеет продолжение, но вице-губернатор не счёл нужным оглашать его до конца, ибо, как он честно признался в самом начале пресс-конференции, «не хотелось бы долго говорить о грустном...»

А вот участники селекторного совещания в Хохле, также «подбивавшие бабки по зерну», в выражениях не стеснялись. Досталось от них и столичным верхам, которые

«не хотят», и региональным низам, которые «не могут». Выказывались мрачные предположения относительно того, что вакханалия с закупочными ценами – килограмм зерна – 2,9 рубля, а литр солярки – 16,5 рубля – происходит не случайно: «Кто-то, видимо, расчищает сельскохозяйственную площадку для вступления в ВТО...»

Простим же эти и другие, подобные им, заблуждения, с учётом того, что здравый крестьянский ум не в силах постигнуть глубинный смысл такой политики, когда ещё десяток-полтора лет назад при урожайности в 18 центнеров пшеницы с гектара ты мог остаться хоть и без прибыли, но зато и без убытков. А теперь, если замахнёшься на 40 центнеров, то банкротство неминуемо, поскольку сожжёшь больше горючего, а для повышения культуры земледелия придётся использовать дорогостоящую технику. «Диспаритет цен настолько вопиющ, что думаешь: а не снится ли мне просто страшный сон? – говорит директор АО «Графская» А. Князев. – Представьте себе: для того чтобы купить сеялку точного высева, мой механизатор должен проработать... 110 лет, откладывая на будущую покупку целиком всю свою зарплату...»

Не оправдали надежд на пополнение крестьянского кошелька и многообещающе выглядевшие свекловичные плантации. Прошедшая «сладкая страда», как и в прошлые годы, оставила горький осадок сахзаводчики-монополисты делали со свекловодами, что хотели. При сухой, ясной погоде, при тщательной доочистке клубней уровень загрязнённости, по данным заводских лабораторий, составлял от 24 до 30 процентов. Помилуйте, да такой «цифры» не обнаруживалось в своё время даже в дождливую, слякотную погоду, когда грузовики тракторами вытаскивали с полей на асфальт. А теперь попробуй, возмутись – дадут от ворот поворот. Ко всем прочим неприятностям на головы свеклосеющих хозяйств свалилась ещё одна: под давлением «инвесторов» весной в землю легли не отечественные, а импортные семена. Выращенные из них корнеплоды отличаются увесистостью, неслабым содержани-

ем сахара, но имеют один очень существенный недостаток: их нельзя в отличие от сортов и гибридов, допустим, местной рамонской селекции, хранить подолгу в буртах: всего лишь за одну неделю, проведённую в выкопанном виде в поле или на свеклопункте, «иностранная» свёкла теряет половину своей сахаристости. В то время как наши, отечественные корнеплоды лежат в кагатах до Нового года и далее, и им – хоть бы что.

Однако, так или иначе, но по предварительным прикидкам свекловичный гектар должен дать 15 тысяч рублей прибыли: если, разумеется, крестьян не «кинут» новые «сахзаводчики», как это случилось в 2004 году в Грибановском и в ряде других районов. Вполне оправданы ожидания доходов и от хорошо уродившегося подсолнечника, хотя уже сейчас ясно: плакали эти денежки «горючими слезами». А уж где вообще ничего хорошего не предвидится, так это в животноводстве. Сокращение поголовья продолжается бурными темпами, и не исключено, что через годок-другой наша рядовая деревенская бурёнка превратится в редкое экзотичное животное, и мы с вами окончательно забудем вкус настоящего, пахнущего травами и полевыми цветами молока.

А чтобы наши потомки знали, что такое корова, придётся поставить ей памятник в областном центре. А что, стоит же памятник собачке Биму на главной улице Воронежа, вот и воздвигнем рядом изваяние бурёнке. Она этого заслужила. Полное же исчезновение животноводческой отрасли как таковой чревато для села экономической, социальной и даже экологической катастрофой. Один красноречивый пример: в моём родном Эртильском районе – дело было во время жатвы – посреди ячменного разлива вдруг остановился, как вкопанный, комбайн «Енисей». У пришедшего на полевой стан за подмогой механизатора спрашиваю, что случилось. «Увяз», – коротко ответил он. «Как это?» – не понял я его. «Очень просто, в болоте»

Если б не видел своими глазами, то не поверил бы, что такое может быть – болото в центре поля. Специалисты потом объяснили, мол, удивляться здесь нечему. Островки болот-

ной растительности проклюнулись за околицами многих сёл, чему есть причина: с фактическим сведением на нет животноводства (на весь Эртильский район осталось две с небольшим тысячи дойных коров; в 1989 году их было в десять раз больше) из севооборотов выпали такие культуры, как эспарцет, люцерна, козлятник, шедшие на корм скоту. Но достоинства этих и других трав не исчерпываются лишь тем, что они отменные молокогоны. Усваивая из воздуха азот, люцерна, эспарцет и иже с ними накапливают его в почве, которую они своей мощной корневой структурой дренируют, проводя естественную мелиорацию.

Похоже, чиновники всех уровней мимо ушей пропустили не единожды направлявшиеся в их адрес послания видных авторитетных почвоведов и экономистов из Воронежского агроуниверситета, предупреждавших: ликвидация животноводства в целом, и молочного, в частности, – прямая дорога в ад, то бишь в полную зависимость от западных сельхозпроизводителей. А и надо-то всего-навсего чуть-чуть пошевелить начальственным указующим перстом в сторону банков, чтобы те субсидировали строительство маслосыродельных и многих других перерабатывающих производств непосредственно при крупных фермах, если таковые ещё где-то остались.

Руководитель одного из крестьянско-фермерских хозяйств всё из того же Эртильского района с карандашом в руках горячо доказывает спасительную выгодность собственной переработки. «Сколько в магазине стоит килограмм сыра среднего качества? – спрашивает он и сам же отвечает: 130 рублей. Так? А на изготовление одного кило уходит всего лишь ведро молока себестоимостью в 55 рублей. Пусть из оставшихся 75 25 уйдёт на торговые издержки. Остаётся 50. На само производство одного килограмма сыра (а я учитываю и дороговизну энергоносителей, и пепсина, и моющих средств, и всё остальное) затраты не превысят пяти рублей. Таким образом, что мы имеем? Чистую прибыль в 40–45 рублей с одного ведра молока. Надо ли ещё что-либо доказывать? Думается, и так всё предельно ясно и понятно».

Да, овчинка, безусловно, стоит выделки. Было бы желание, да стал бы, наконец, незабываемым такой порядок вещей, при котором чиновник за положение дел в своём департаменте отвечал бы не только честью мундира, но и рублём.

А теперь вернусь к тому, с чего начал: к маловерейским мечтателям, решившим продать оптом свой колхоз, надеясь тем самым обеспечить себе безбедное существование на годы. Отыскался ли чудак, готовый выложить несколько миллионов, чтобы купить себе головную боль на всю оставшуюся жизнь? По моим сведениям, таковой до сих пор не объявлялся, но, как удалось выяснить, маловерейцы не являются первопроходцами в своём начинании. Попытка выставить на продажу сразу весь колхоз уже предпринималась в Репьевском районе, в селе Краснолипые. В начале июня прошлого года там состоялись торги по продаже всего имущества сельхозартели «Краснолипые». На аукцион выставили двухэтажное здание правления, машинно-тракторную мастерскую, гараж, зерносклады, коровник, маслоцех, вальцовую мельницу, пилораму. Всё перечисленное богатство со скрипом удалось сбывать за 920 тысяч рублей. И смешно, и очень грустно. Дело в том, что в Воронеже сейчас за такие деньги и приличную двухкомнатную квартиру-то с трудом подыщешь.

А на месте бывшей многоотраслевой артели «Краснолипые», производившей ежегодно тысячи тонн мяса и молока, ныне копошится карликовое хозяйство зернового профиля, еле-еле сводящее концы с концами.

2006 г.

ПРОСТИ МЕНЯ, ЭРТИЛЬ

У каждого есть свой «лучший город Земли». Или деревня. Любовь к местам, называемым порой «малой родиной», необъяснима и прекрасна. Для меня городок Эртиль, что в Воронежской области, – не просто точка на карте. Всё самое лучшее, ей Богу, – здесь: лучшие дома, палисадники, лучшие берёзы, пруды, ландыши. Самые красивые девушки. Самые теплые и лёгкие пуховые платки, которыми всегда изобиловал знаменитый эртильский базар. Кроме пуховых и полупудовых гусей, наш город славился и гордился своим механическим заводом, выпускавшим очень нужную сельскому хозяйству продукцию, товары народного потребления. Кроме механического завода, имелась в Эртиле ещё одна точка приложения рабочих рук – сахарный завод. Его сатураторы были загружены круглый год: сначала перерабатывали сахарную свёклу, выращенную в окрестных хозяйствах, потом брались доводить до кондиции желтоватый песок, привозимый с далёкой Кубы, где из-за отсутствия известкового камня невозможно получить сахар той снежной белизны, к которой мы все привыкли.

На этом заводе в токарном цехе я начинал свою трудовую биографию и страшно гордился тем, что именно на моём заводе работал главным конструктором замечательно талантливый человек, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии Марк Дмитриевич Обрывко, имевший образование в размере всего четырёх классов. Гордился и теми, чьи лица красовались на Доске почёта. Имелись и небольшие заводики – по переработке молока, по выпечке хлеба, райпотребсоюз открывал цеха по переработке мяса, по изготовлению всевозможных кондитерских изделий.

Помнится, не успеешь сойти с поезда или автобуса, как тебе навстречу радостно-оживлённое родное лицо – или

бывший соклассник, или сосед по улице, где до сих пор стоит дом моего детства, или тот, с кем играли в футбол в одной команде.

– Ну как вы тут? – спросишь, заранее зная, что ответят, как и положено в подобных случаях, скромно и степенно: «Помаленьку»

– Твой механический-то на месте?

– А куда ему деться? Между прочим, кутера освоили...

Но я бы не сказал, что земляки-эртильцы только лишь и жили своими тракторными лопатами, погрузчиками и кутерами (мясорубками в особо крупных размерах). Один из моих школьных друзей (по-моему, самый способный из нашего класса), ставший классным строгальщиком, нашёл второе призвание в пламенном книголюбии. Я буквально ахнул, когда впервые увидел его библиотеку: «Откуда ж такое богатство?»

– С каждой получки и аванса покупаю что-нибудь новенькое.

Одним словом, всякий раз, приезжая в Эртиль, я узнавал что-нибудь приятное: кто-то женился и уже квартиру получил, у кого-то из друзей родился сын – третий по счёту, кто-то по путёвке, оплаченной профкомом, съездил в Болгарию, кто-то купил новенький «Запорожец»...

Строились дома-многоэтажки, открывались магазины, спортзалы, поликлиники, больницы, прокладывались новые километры дорог с асфальтовым покрытием...

Зимним днём сажусь в электричку и еду в Эртиль. В Грязях пересадка, и через пару часов начали мелькать за окном знакомые до боли полустанки. В этот раз, сидя в неторопливом поезде из трёх вагонов, я ещё не знал, что состав идёт так медленно потому, что авторитетная комиссия признала железнодорожную ветку изношенной до точки, и по-хорошему её эксплуатировать дальше не представляется возможным, но ремонтировать не на что. Вот и ходят пассажирские и товарняки со скоростью «пятый день – шестой километр».

И вот, наконец, маленький, со всех сторон окружённый снегами вокзальчик с надписью «Станция Эртиль». На перроне пусто. Иду к автобусной остановке. И там – никого. У проходившего мимо мужчины в трухе спрашиваю, давно ли ушёл автобус.

– Давненько, – отвечает.

– Минут пятнадцать-двадцать?

– Последний автобус, браток, ушёл отсюда ещё в начале осени.

В городской администрации мне потом объяснили, что с бензином в районе напряжёнка «как никогда ранее», что автотранспортное предприятие закрыли «на каникулы», автобусы «на приколе», а шофёры и слесари «квартируют по своим домам». Да что там автопредприятие. Из-за отсутствия бензина и, разумеется, автотранспорта молоко не на чем из колхоза вывезти, маслозавод по этой причине остановился, «вытолкнув» за проходную всех своих рабочих.

Я пошёл пешком к центру по довольно безлюдной улице, шёл, сам удивляясь тому, как её воспринимаю: вроде всё на месте, но какая-то тревога витает в воздухе. Грустью, нежилём веет от палисадников, от привычных вроде бы резных наличников и кружевных занавесок на окнах.

Встретилась на дороге женщина средних лет: что-то знакомое в лице. На всякий случай поздоровался.

– Здравствуй, Пятерим, с приездом, – сказала она, и только после этого я рассмотрел в ней свою бывшую соседку по улице Гастелло. Разговорились. «Дела, – сообщила она, – тупиковые. Сидим с мужем без работы: заводы-то наши стали. Живём на свекровьину пенсию, да ещё погреб с картошкой и капустой спасает...»

Ситуация, в которой оказались мои земляки, на грани абсурда. Денег им почти не платят, потому что нет работы, а чтобы не доставлять хлопот для местной биржи труда, с заводов их не увольняют и, соответственно, не регистрируют в качестве безработных. Впрочем, и тем, кто обрёл сей малорадостный статус, не позавидуешь: пособие – только с голоду не умереть, но и оно не долговременное,

а рассчитывать на то, что биржа предложит (особенно женщине) что-либо приемлемое, не приходится.

Печальные глаза у этой ещё не старой, с добрым милым лицом женщины. Точно таких же по настроению встреч было у меня в этот день несколько. Повидался я и с пламенным книголюбом: он тоже на мели. «Извини, старик, – сказал мне, – библиотеку посмотреть я тебя сегодня не приглашаю...»

– А что так?

– Больше половины книг распродал – жить-то на что-то надо? Как бы хоть классиков в доме удержать – для детей...

Заглянул я и к «технарю», собиравшемуся когда-то покорять инженерные высоты. На стук щеколды появился мужик в фуфайке со следами комбикорма и навоза.

– О, сколько лет, – начал вытирать руки пучком соломы, чтобы поздороваться. – Хорош я в этом наряде, а? А ты как думаешь: хозяйство вести – не портками трясти...

Тут история такая: оказавшись тоже в положении «вынужденного отпускника», а «отпуск продлили на заводе до апреля 95-го», он завёл во дворе поросёнка, кур, телёнка на откорм поставил. Голод, таким образом, ему не грозит. В то же время страшится даже думать о том, что этот котух – для него на всю оставшуюся жизнь.

– А что же с заводом? – интересуюсь. – Продукция перестала пользоваться спросом?

Лицо у него стало обиженным:

– Ну, ты подзагнул! Да знаешь, сколько мы имеем заявок? Только делать-то не из чего – металла нет. Покупать не на что, мы всем должны, и нам – тоже.

И тут не могу не заметить: в рабочей среде крепнет убежденность в том, что нынешний глобальный кризис – не следствие чьих-то ошибок и промахов, а продуманная политика, направленная на окончательный развал отечественной индустрии. Слесари, сварщики, токари и другие рабочие агонизирующего предприятия твердят, как спелись: «Всё идёт, как задумано...»

Возможно, что подобные обобщения рождаются из-за отсутствия «обратной связи» – между верхами и низами. Как я понял, работяги сильно сомневаются в том, что вылупившиеся из скорлупы первоначального накопительства «капиталисты» смогут поднять «народное хозяйство»

– К нам тут приезжал один богач сахарный завод покупать, – рассказывал бывший механик, ставший по нужде скотником, – ну и говорит: «Я могу купить ваш завод, но при условии – сокращу рабочий коллектив процентов на восемьдесят». Ему, видишь ли, невыгодно много сахара производить: чем больше – тем меньше прибыль. Чёрт-те что!

Задавал я землякам, оказавшимся без работы, и такой вопрос: «А сам-то что ты предлагаешь?» Отвечали быстро, поскольку и сами об этом не единожды задумывались: «Покуда мужик от комбайна или от станка не будет зарабатывать больше, чем тот, кто пудами возит жвачку из Турции, из всего этого рая не выйдет ни... хрена».

Захожу ещё в одну давным-давно знакомую квартиру на третьем этаже, где живёт типичная рабочая семья: он – сварщик, она – сатуратчица. В прихожей – изрядно обтрёпаные половички, поизносившаяся обувь. Почему-то особенно резанул по глазам кусок фанеры от посылочного ящика в одном из окон. Сидим с хозяином на кухне – у него большие, с въевшимися навечно пятнами окалины руки. Точнее – ручищи. Такими только подковы гнуть.

– Чего стекло-то не вставишь?

– Где ж я его возьму?

– А в магазине что, нету?

– Там много чего есть, да у меня вот в кармане пусто... Даже на этот пустяк не наскребу.

– На данный момент, – пояснил с горькой иронией земляк, – живу замечательно. Ничего тяжелее веника не поднимаю. От нечего делать мету и мету. Пусть будет бедно в квартире, да хоть чисто...

Жена его ушла «пошукать», не освободилась ли где-нибудь должность уборщицы или посудомойки: на любую работу согласна, поскольку финансы по нулям.

- Выходит, ты безработный?
- Уже скоро год.
- Пособие-то получаешь?
- Сначала получал немного – на хлеб с солью, а сейчас и того лишают...

Иду в бюро занятости: «Да, с пособиями по безработице становится всё туже. Мы и так уже задолжали банку 170 с лишним миллионов рублей, а поступлений – никаких, колхозы, заводы сами сидят на картотеке, по три-пять месяцев зарплату не выдают своим работникам, а уж про отчисления нам и говорить не приходится»

В мрачном настроении пребывали и руководители городской администрации. На мой вопрос, что хорошего появилось в городском житье-бытье за минувший год, только руками замахали: «Сколько жилья построено? Ноль. Других объектов соцкультбыта? Ноль. Проложено километров асфальтовых дорог? Ноль... Какие там стройки, какие там дороги, если на главной ёлке района, что была установлена на центральной площади города, вместо гирлянд и сотен разноцветных игрушек болтались три надувных шарика: даже на это раз в году не смогли отыскать денег в местном бюджете...»

Я специально «допрашивал» отцов города по «схеме», которую мы, газетчики, применяли когда-то, повествуя о том, с какими успехами идут труженики района к тому или иному празднику. И, надо заметить, выдумывать, высасывать из пальца факты, свидетельствовавшие о каких-то переменах к лучшему, не приходилось: как бы мы ни кляли «эпоху застоя», но тогда ежегодно сдавались новые многоэтажные дома, открывались детские садики, медпункты, библиотеки, магазины, дома быта. При всех язвах уравнительно-тоталитарного социализма.

Разумеется, и тогда, в дореформенные времена, хватало всяческих загвоздок – и лжи, и грязи, и разгильдяйства, но была «вещь», без которой так трудно, а порой невыносимо жить, – уверенность в том, что «завтра будет лучше, чем сегодня», что труд на том же механическом заводе скоро

уйдёт от бездумного и изнурительного вкалывания, что возведённые на заводские средства новые квартиры станут ещё благоустроеннее, а спортивные залы – просторнее и светлее. Наверное, на этой уверенности и держались люди, она давала терпение.

С кем бы я ни говорил в Эртиле – будь то руководитель, простой работяга или ветеран войны, встретившийся возле продмага, где, кроме водки, дорогих до умопомрачения сигарет да красиво упакованных, но малосъедобных отбросов с западного прилавка (молочных продуктов, к примеру, эртильцы не видят уже около года), ничего фактически нет, – все они пребывают в растерянности, не понимая, куда их ведут. В капитализм? Замечательно. Но где же тогда характерное для этой общественно-экономической формации бурное оживление, развитие конкурентных производительных сил, где наши форды и рокфеллеры со своими смелыми техническими идеями, проектами? Не видать что-то их, особенно здесь, в провинции. Вместо умных и талантливых предпринимателей мы то и дело сталкиваемся с целой армией финансовых шулеров, очаровывающих нас «Чарой», назойливо предлагающих сыграть то в «МММ», то в «Селенгу», то в «Тибет», намерения которого, как воздух гор, чисты, доходы высоки, как горные вершины...

Нынче стала расхожей трогательная фраза – только провинция-де спасёт Россию. Но кто спасёт саму провинцию, которую уже добивает экономический и нравственный распад?

Оглядываясь на свою юность, могу заверить: в то время просто немислимо было даже представить себе семиклассника со стаканом вина в руке, а появление в общественном месте пьяного подростка воспринималось бы как ЧП, как позор для города. И не меньше. А что сейчас? Милицейские сводки констатируют: пьянство среди малолеток приобретает угрожающий характер, уже зарегистрировано немало случаев употребления спиртного пятишестиклассниками. На дискотеках частенько происходят пьяные драки с участием не только парней, но и девочек.

А есть факты и пострашнее. Накануне Нового года пятеро подростков вышибли дверь в домике одиноко живущей пожилой женщины и «хором» изнасиловали её...

В какую же сатанинскую пропасть мы свалились?

...В таком вот свете увидел я на этот раз тебя, мой самый любимый город Эртиль. Прости ты всех, кто тебя обделил, обошёл вниманием. Прости и меня за то, что я, видимо, с опозданием заговорил о твоей нынешней скорбной участи. И не ты в ней виноват. Как и не виноват в том, что я не смог выполнить просьбу живущей неподалёку от меня старенькой учительницы. «Я вас очень прошу, – сказала она, узнав о моей предстоящей поездке «на родину», – купите мне, будьте так любезны, эртильский пуховый платок. Я там когда-то делала себе такую покупку, но тот платок уже так изнасился...»

– Их теперь здесь никто не вяжет, – пояснила мне на базаре женщина, торговавшая разной заморской мелочёвкой, – коз всех перевели: их теперь держать невыгодно...

Похоже, в нашей России теперь всё невыгодно: выпустить умные машины, детские санки, вязать платки, варить сахар. И особенно невыгодно в таких городках, как Эртиль, просто жить. Иначе как объяснишь такие цифры: за весь прошлый год в Эртиле родилось 88 человек, а умерло почти в четыре раза больше...

1995 г.

ЧУДАКИ

В деревне всегда были те, кого большой писатель Василий Шукшин ласково назвал «чудиками». Они чисты душой, часто наивны, а в чём-то потаённом, глубинном бесконечно мудры.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Дубрава – село древнее. «Не счесть, сколько ему лет, – говорит известный в Богучарском районе археолог и краевед Николай Новиков. – Обратили внимание на курганы в полях? Это тут у нас скифы когда-то обитали. Может, мы с ними родня, как думаете?»

По своей основной профессии Николай – классный шофёр. «На спидометре сердца» (его слова) намотал тысячи километров, колеся по деревенским дорогам. Порой прекрасным – «когда стеной стоит пшеница золотая», но чаще невыносимо трудным, особенно в весенние и осенние распутицы, в зимние непроглядные метели.

Археологией же он бредил с детства. После школы мечтал поступить на исторический факультет ВГУ, но судьба рассудила иначе, усадив его в кабину грузовика. В дальних и ближних рейсах Николай как бы заново открывал для себя родной край, с горечью убеждаясь в том, что он о Древнем Египте знает больше, чем о своей Дубраве. Он запоем взялся читать историческую и краеведческую литературу, вникать в названия окрестных деревень, рек, урочищ. Откуда, например, пошло название речушки Богучарки? Некоторые «знатоки» только и знают, что тасуют части слова: у одного получаются «часть Бога», у другого — «Богу – чарку!»

Николая подобное дилетантство буквально коробит. Как и все серьёзные краеведы, он не сомневается лишь в происхождении слова «чар». Оно – иранское и означает в переводе «двигаться». А над тем, что скрывается под первой частью названия, которая, вполне возможно, в древно-

сти звучала как «бау», он сейчас и работает. Читает, размышляет, копается во множестве источников...

Понимая, что один в поле не воин, он пошёл в школу «обговаривать идею о создании в Дубраве своего краеведческого музея». О чём говорил с ребятами? Обо всём – уникальных воронежских чернозёмах, о пещерах, полных неразгаданных тайн, о курганах, оставленных племенами, исчезнувшими в тумане веков. А ещё о том, что без прошлого нет ни настоящего, ни будущего. Ведь если ты живёшь сейчас, то, значит, в обличье своего пращура жил всегда – при Петре Первом, Иване Грозном, Владимире Красное Солнышко и при скифах, гуннах, даже при Тутанхамоне...

За музей проголосовала вся школа. Глава местного сельхозпредприятия А. Перепелица приказал часть шкафов и застеклённых ящиков отдать в распоряжение Новикова. Первыми экспонатами стали те вещицы, которые он находил во время частых свиданий с безмолвными курганами. А сами ребята тащили в музей всё, что находили в бабушкиных сундуках, на чердаках, в заброшенных сараях. Среди бесценных экспонатов – наконечники скифских стрел, выпущенных из лука более двух тысяч лет тому назад, бронзовая ложка, попавшая в здешние края аж из самой Византии, амулеты татаро-монгольских конников, курок со старинной пиццали допетровских времён. Да, ещё сто восемьдесят лет тому назад в Дубраве действовал большой мужской монастырь. Представление о том, как жили монахи, даёт экспозиция монастырской утвари, собранная Новиковым и его коллегами-археологами младшего и среднего школьного возраста, которые теперь так же, как и он, непоколебимо уверены в том, что они жили всегда.

Сознавая это, человек уже иначе, более ответственно, смотрит на роль своей личности в Истории – на такие вот высокие мысли наводит ясные умы деревенский шофёр Николай Новиков.

Когда с ним встречаются журналисты и задают вопрос про дела, он непременно отвечает: «Нормально. Машина на ходу». А про музей – ни слова. Чего, мол, хвалиться? Идите и смотрите!

АЛЬТРУИСТЫ ИЗ ПЕРЛЁВКИ

Типичная горожанка, кандидат медицинских наук Галина Коротких купила себе домик в деревне Перлёвка. А спустя время написала в газету трогательное письмо о том, как она, пообщавшись с местными жителями, «снова обрела чуть было уже не совсем потерянную веру в людей, в человеческую доброту и бескорыстие».

События развивались так: оказавшись тёплым августовским днём в Перлёвке, Галина Коротких ходила вместе с дочерью Наташей, тоже врачом, по утопающей в садах улице. Смотрели, как осыпаются с ветвей в траву «ничейные» яблоки в пустующих усадьбах.

– Боже! Это сказка! – восклицала дочь.

– Но не для нас, – говорила мать. – На какие шиши?

– А почему? Давай купим себе вон тот домик с голубыми наличниками. Он же маленький. Я думаю, что дорого не запросят.

И, представьте, после коротких торгов сговорились о цене, которая устраивала обе стороны. Хатёнка, которую они приобрели, выглядела более чем скромно: мазанка – она и есть мазанка. Но зато над всеми окошками – резные деревянные кружева, а слева и справа – две белоствольные, статные, словно боярыни, берёзки. За домиком яблоня, увешанные пепином и антоновкой. Красота неопишная, дополняемая лугом в цветах до самого горизонта. Одним словом, живи и радуйся.

Лишь две проблемы омрачали бытие счастливых новосёлков: отсутствие колодца и полуразвалившаяся печь. Не успели хозяева толком осмотреться, как к ним нагрянули неожиданные гости – два молодых человека. Братья Игорь и Виктор Денисовы подступили с вопросом: «Вы тут жить собираетесь?» – «Собираемся, да вот беда – колодца у нас нет» – «Как так нет? Будет!»

Без лишних слов ребята засучили рукава. Орудия для удобства сапёрной лопаткой, очень скоро докопались до воды, холодной и чистой, как слеза. От платы за труды решительно отказались.

– Эх, вот ещё бы нам печку, – вздохнула старшая хозяйка.

– Это уже не по нашей части. Мы к вам «зилиста» подошли...

«Зилистом» в Перлёвке зовут Виктора Тихоновича Склизкоухих – опытного шофёра. Когда-то он на «ЗИЛе» ездил – отсюда и прозвище. Есть у Тихоныча ещё одна слабость: мёдом не корми, а дай только русскую печку сложить.

Через пару дней появился и сам Тихоныч. Разобрал кирпичи, замесил глину – и к вечеру с печкой разобрался «окончательно и бесповоротно». Заложенные дрова сгорали с таким гулом, будто это стала не печка, а маленькая ракетная установка.

– Вам бы ещё и веранду пристроить, – сказал, уходя, Тихоныч. – За лето я, пожалуй, с ней «разберусь»...

И «разобрался».

С просторной верандой домик стал «совсем как у людей!» Кандидат медицинских наук по завершении строительства, естественно, начала предлагать Тихонычу деньги, пыталась даже тайком запихнуть пачку купюр ему в карман.

– Не возьму! – упёрся мастер.

– Тогда, может, бутылочку?

– Ещё чего...

Не речист Тихоныч, двух слов клещами не вытянешь. Но, в конце концов, уяснили милые городские дамы его жизненное кредо. А заключается оно в том, что он никогда, ни с кого денег в селе «за подмогу» не берёт. Ему достаточно знать, что от сделанной работы кому-то в наше суровое время жить стало хоть чуточку легче, теплее.

* * *

Нет, нет и ещё раз нет! Не перевелись на деревне светлые, талантливые мужики-бессребреники. И слава Богу, ибо как не стоит жизнь без праведника, так и не стоять селу без кажущегося чудаковатым труженика, творящего добро – не столько для самого себя, сколько для других.

2000 г.

АМЕРИКАНСКИЙ ПАПА

Жизнь разметала эту семью по разным концам земли, отец с сыном встретились через 50 лет. В годы войны такое бывало: рядом со смертью порой ходила и высокая любовь. Именно она нашла и соединила русскую девушку Марию Провоторову, угнанную в Германию, и польского паренька по имени Юзеф, также оказавшегося в фашистской неволе.

Про то, как это случилось, Мария не раз рассказывала своей родной сестре Наде: «Встретились случайно, глянули друг дружке в глаза, и больше я уже не жила без мысли о нём». Она вспоминала о том, как однажды, оказавшись рядом, Юзеф пожал ей руку, и Мария весь день от того робкого, тайного рукопожатия «ходила, как пьяная... И он тоже». Перед сном оба молили Бога о том, чтоб он послал им ещё один день жизни, ещё одну встречу – хотя бы на расстоянии. А Господь послал им куда большее: долгожданное освобождение. Юзеф звал Марию в Польшу, а она его – в Россию.

– А что у вас там хорошего? – спрашивал он.

– Речка, луг, соловьи. Наши курские соловушки, – говорила Мария, – на всю страну славятся...

То ли соловьи победили, то ли Юзеф так любил Марию, что её желание становилось для него законом, только молодая пара приехала в курское село, где у них родился сын. Как назвать его? Он сказал: «Пусть сынок зовётся, как и я, – Юзефом».

Сохранился пожелтевший снимок 40-х годов, где маленький Юзеф сидит на коленях у матери, Юзеф-большой стоит по левую сторону от Марии, а в глазах у него – грусть. Тогда Юзефа-большого угнетали две вещи: во-первых, подозрительность местных властей и реальная перспектива снова оказаться в лагере, только уже не немецкого, а советского образца. А во-вторых, его убивала их бедность, из которой, как он думал, нельзя выкарабкаться, даже имея умелые руки и

фанатичное трудолюбие. И Юзеф решил «уйти на Запад». Последние слова, услышанные от него Марией, были: «Как только разбогатею, так сразу найду тебя с сыном и заберу к себе».

И они расстались.

Мария ещё какой-то срок пробыла в деревне: всё ждала своего ненаглядного Юзефа. В памяти у сына навсегда запечатлелась картина: на дворе – тихий, грустный вечер. Мать, совсем молодая, смотрит и смотрит в окно на дорогу. Смотрит до тех пор, пока та не растает в деревенских потёмках. Но Юзеф не возвращался. А надо было жить, растить сына.

Невенчанная и не расписанная в загсе женщина с ребёнком на руках. Таких не жаловали. Она постоянно чувствовала на себе осуждающие взгляды и с каждым днём яснее понимала: надо уезжать. А уехать сельский житель мог тогда одним-единственным манером: завербоваться куда-нибудь на так называемые «стройки народного хозяйства» в глухой район Сибири или Дальнего Востока. Оформляя документы, назвала сына Александром. С этим именем он и пошёл дальше по жизненному пути.

На Дальнем Востоке у Александра появился отчим – Константин Парфёнов, хороший, добрый человек, шахтёр по профессии. Окончив школу, 17-летний парень устроился в «мореходку», откуда ему, как говорится, сам Бог велел идти на службу в военно-морской флот. После демобилизации устроился на работу в промысловый флот, ловил рыбку в Тихом океане.

В конце 60-х отчим, вышедший на шахтёрскую пенсию, и мать распростились с Дальним Востоком и обосновались в маленьком и милом городке Воронежской области. Улицы в нём – сплошь частные домики с вышитыми занавесками на окнах, с палисадниками, летом утопающими в астрах и георгинах, а осенью – в жёлтых и белых хризантемах. Александр же, походив ещё пару годков по тихоокеанским широтам, тоже ощутил в себе зов малой родины и прибыл в тот же городок. Нашёл здесь сначала подходящую работу, а потом и невесту. Построил добротный дом, и стали они жить-поживать да детей наживать. Вот только маме его, Марии

Александровне, век был отмерен недолгий: пятидесяти с небольшим лет она рассталась с миром земным...

О своей первой любви она сыну почти ничего не рассказывала – поверенной во всех сердечных делах оказалась сестра Надя. Лишь однажды мать, достав старую фотографию, промолвила: «Это мы втроём: ты, я и твой отец. Ты похож на него как две капли воды...»

О возможной встрече с Юзефом-большим Александр даже не помышлял. Он был уверен: его нет в живых. Но произошло то, что, казалось бы, могло произойти в кино или сказке: год назад он получил письмо от своей тёти Надежды Александровны, живущей по-прежнему в Курске. И та сообщила потрясающую новость: «Саша, сынок, отец-то твой кровный нашёлся...»

Письмо было длинное, подробное. Если вкратце, то суть такова: однажды в квартире тёти Нади раздалась долгая трель междугородного телефонного звонка! Незнакомый голос с сильным иностранным акцентом сообщил, что по запросу гражданина США Джозефа Яблонски разыскивается Мария Провоторова – не является ли хозяйка квартиры её родственницей?

– Да, – сказала растерявшаяся Надежда Александровна, – я родная сестра Маши – Царствие ей небесное... – и заплакала.

Дальний собеседник всё, видимо, понял и терпеливо ждал, пока она успокоится. А успокоившись, Надежда Александровна уведомила Юзефа, ставшего Джозефом Яблонски, что его Мария умерла двадцать лет назад и что их сын проживает в Воронежской области. Правда, теперь он не Юзеф, а Александр, и не Провоторов, а Парфёнов (фамилия отчима)...

Месяца полтора спустя Александр Константинович нашёл в своём почтовом ящике конверт с иностранными марками и штампами – письмо от родного отца. Написанное на русском языке, оно больше походило на несколько неуклюжий перевод с английского (Юзеф когда-то неплохо говорил по-русски, а писать совсем не умел). «Здравствуй, мой дорогой сын! – говорилось в письме. – Я очень долго тебя искал... Наконец-то нашёл... Хочу посмотреть на тебя. Ты можешь

приехать ко мне в Америку. Или я сам приеду к тебе... Я очень люблю твою мать, но судьба обошлась с нами жестоко...»

Своё место под солнцем Джозеф Яблонски нашёл во Флориде. Судя по всему, мечта, которая увела его так далеко от Марии, сбылась, и на её осуществление ушли годы и годы. Но где бы ни был Джозеф и чем бы ни занимался, он не забывал свою первую русскую любовь. Став состоятельным человеком, множество раз обращался в соответствующие инстанции, пытаясь найти Марию с сыном.

Но, как мы уже знаем, найти их было крайне трудно, ибо жили они под другой фамилией. Обо всём этом Александр Константинович (или Джозеф Джозефович) отписал в письме, отправленном за океан. Послал он туда и фотографии семьи – с детьми и внуками. История о том, как у простого русского работяги-мужика в Америке объявился отец, чрезвычайно будоражит здешнее общественное мнение. Из Америки идут подарки, а многие строят догадки относительно того, променяет ли Сашка Родину на райские флоридские кущи. «Вот чудачки, – удивляется сам Парфёнов, – неужто не понимают: мне от отца ничего не надо. Лишь бы хоть одним глазком на него поглядеть, поговорить по душам, узнать, есть ли у меня там сводные братья или сёстры...»

Состоится ли их встреча? Похоже, что да. Джозеф Яблонски готов все расходы, связанные с дальним путешествием своего русского сына, взять на себя. А если не подведёт здоровье, он и сам приедет в Россию: «Я должен поклониться холмику, под которым лежит Мария, и попросить у неё прощения», – такие, во всяком случае, строит планы. А ещё Джозеф мечтает побывать на закате лет в том саду, где когда-то вместе с Марией слушали вечерами звонкие, чистые и такие нежные трели знаменитого курского соловья.

1999 г.

ЕСТЬ БАБУШКИ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ

Они по-прежнему наивны и мудры, порой смешны и трогательны, строги и бесконечно добры.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Валентине Михайловне из села Раздолье перевалило уже за 70. Но возраст не мешает ей содержать в образцовом порядке приусадебный участок со всей живностью. Ко всему прочему баба Валя пишет стихи. Сочиняет она их как по подсказке собственного сердца, так и по заказу поклонниц своего таланта.

Берёт баба Валя подойник, табуреточку и идёт доить корову. Под звон молочных струй, под размеренное дыхание важной, словно купчиха, Милки само по себе слагается стихотворение. Сочинив стих, баба Валя записывает его в школьную тетрадку в клетку.

С «граматёшкой» у бабы Вали не очень: многие слова она пишет так, как и говорит, – вместо «фуфайка» – «кухвайка», «седни» вместо «сегодня», «анадысь» вместо «на днях». И всё потому, что училась она совсем мало: когда перешла в третий класс, грянула война с Гитлером – не до школы было.

Любые события, происходящие на хуторе и в его окрестностях, не оставляет без внимания баба Валя. Вот повадись в Раздолье гадалки, и кое-кто из женщин, отдавая последние деньги, пытался с помощью «вещуний» заглянуть в своё будущее. И пошло гулять по селу стихотворение бабы Вали, начинающееся следующими строками: «Про судьбу гадать негоже, наше завтра – в трудах Божьих».

Не так давно депутаты Воронежской областной Думы решили самим себе выдать премию – по 40 тысяч рублей на каждого. Не слабо, да? И готов уже у бабы Вали стих: «Депутаты, депутаты, от вас толку нет – одни затраты».

И теперь ждёт-не дожждётся баба Валя, когда Раздолье навестит кто-нибудь из народных избранников, чтобы прочесть ему свои нелицеприятные вирши.

«ДВОЕ В КОМНАТЕ – Я И ЛЕРМОНТОВ»

Сорок километров по асфальту от Воронежа – и вот оно, село Семидубравное. Въезжаю в усадьбу и вижу «терем-теремок». По всем приметам он являлся когда-то флигелем большого господского дома. Табличка на фасаде: «Улица Лермонтова, 1». Стучусь. Выходит бабуся в тёплой жилетке. Знакомимся. Хозяйку зовут баба Люся, иногда с добавлением фамилии – Ижогина. Оглядываю более чем скромный интерьер жилища: «Вы тут одна обитаете?» «Не-е-е, – с лукавинкой отвечает баба Люся. – Ещё Михал Юрьич, ну и Роза» – «Роза, – это кто?» – «Коза.» – «А Михал Юрьич?» – «Да Лермонтов, кто ж, кроме?»

Село Семидубравное – единственное в Воронежской области «лермонтовское» место. Когда-то тут располагалось имение генерал-майора Льва Ивановича Потапова и его супруги Екатерины Петровны, в девичестве графини Грохольской. Поместье отличалось живописностью и благоустройством. Барский дом смахивал на дворец, выстроенный по петербургским канонам. Рядом – пруд, над ним – парк в английском стиле. Главной достопримечательностью усадьбы была картинная галерея с полотнами известного художника Клондера. Основу её составляли портреты однополчан Михаила Лермонтова и Александра Потапова – младшего сына хозяев.

Лермонтова и Потапова связывала большая дружба. В 1839 году их одновременно производят из корнетов в поручики лейб-гвардии. Впоследствии А. Потапов (уже после трагического поединка у подножия горы Машук) назвал Михаила Юрьевича «незабвенным товарищем и другом». Очень разборчивый в своих знакомствах, Лермонтов тоже выделял Потапова среди прочих гусар. Уезжая на Кавказ, поэт, конечно же, не мог в начале июня 1840 года не повидаться с приятелем, отдохавшим в родовом имении.

В Семидубравном Лермонтов стихов не писал, но зато подобрал мелодию к своей знаменитой «Казачьей колыбель»

ной песне». А музицировал поэт в том самом флигельке, где ныне хозяйничает баба Люся. Флигелёк вряд ли бы уцелел, если б она его не охраняла и не сохраняла. Уже несколько лет она штукатурит его, белит, ремонтирует крышу...

А Михал Юрьич возникает перед бабой Люсей обычно, когда она наведёт в комнатах «большой марафет». Мундирчик свой, шитый золотом, расстегнёт, сядет за стол, подпершись рукой, спросит, правда ли, что она собирается съехать с флигелька?

«Правда, – отвечает баба Люся, – сколь можно обретаться в ставшем никому не нужным памятнике истории и культуры?» «Так без вас флигель быстро сойдёт на нет, – грустно говорит Михал Юрьич, – куда ж я тогда буду приходить?» «Не бойсь, – успокаивает его баба Люся, – домик этот ни за что не брошу. Тем паче, что союзник надёжный нашёлся – учитель сельской школы Александр Канаев».

Вместе с учениками Александр Канаев провёл «инвентаризацию» уцелевших строений и парка, где ещё сохранились двухсотлетние дубы, помнящие и Лермонтова, и Потаповых. И уже достучался Александр Владимирович до начальников в Воронеже и убедил их в необходимости объявить Семидубравное охраняемым «памятником природы».

Баба Валя из Раздолья, сочиняющая безыскусные стихи. Баба Люся из Семидубравного, истово берегущая память Лермонтова. Баба Аня из Россоши, которая замечательно поёт и которую профессор кафедры фольклористики Воронежской академии искусств Галина Сысоева называет «академиком русской песни», 83-летняя баба Фрося из Семилук – главный звонарь местного Свято-Митрофаньевского прихода, дарящая людям спасительную музыку церковных колоколов... Спасибо вам и множеству других с виду самых обыкновенных деревенских бабушек за то, что вы есть. За ваше прошлое и настоящее, за то, что вы с нами.

2004 г.

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ АФРИКАНЦА В РОССИИ

Года два назад по селу Гремя-Колодезный разнёсся слух, что на огороде бабы Насти, в прошлом знатной свекловичницы, прямо средь бела дня приземлился инопланетянин. «Какой он?» – спрашивали Настю. «Ну, прямо как шахтёр. Только у шахтёра одно лицо чёрное, а у этого – вся тела такая»

Вскоре выяснилось: «инопланетянин» родом из Африки, бывший студент Воронежского пединститута. Но с мечтой о высшем образовании ему пришлось расстаться, поскольку на его далёкой родине случился военный переворот и новая власть отказалась платить за студентов, обучающихся в России. Никаких вестей не было и от родных, которые, возможно, погибли в межплеменных разборках. И тогда парень, сносно говоривший по-русски, решил остаться в России. Не в большом городе, а в селе, где, как он узнал из воронежских газет, большая нужда в рабочих руках.

...На автостанции стоял старенький автобус. «Это в деревню?» – спросил африканец. «Туда, туда», – ответили ему. «Корошо, корошо». И отправился, что называется, куда глаза глядят. Автобус остановился среди полей, возле столба с указательной стрелкой «Гремя-Колодезное». Час ходьбы – и он возле подворья бабы Насти. А та в это время потихоньку размахивала топором – готовила дровишки на зиму. «Давайте я», – сказал невесть откуда взявшийся странный гость. Да как начал крушить поленья! Работу, которой бабе Насте хватило бы недели на три, сделал за пару часов. «Ох, сынок, да как же тебя благодарить?» – запричитала старая орденоноска. Отварила картошечки в мундире, принесла из погреба огурчиков, помидорчиков, грибков. Он всё с удовольствием поел, но от предложенной стопки отказался.

Так и остался в Гремя-Колодезном: благо пустующего жилья в бывшем богатом совхозе предостаточно. Местные быстро привыкли к вежливому и улыбчивому африканцу, стали звать его Максимкой. Как героя старого фильма – негритёнка, оказавшегося на русском корабле.

Максимка уже знает всех в селе и чувствует себя своим. Без дела не сидит – берётся за любую работу. Сажает, убирает, ходит для беспомощных стариков за продуктами. «Без него как без рук», – говорят сельские ветераны. А те, у кого есть внуки на выданье, смотрят на Максимку с надеждой как на потенциального жениха: парень работающий, трезвый. Правда, от стопки с усталости уже не отказывается. «Что ж я, не русский?» – говорит понятливый Максим в таких случаях, белозубо улыбаясь.

В Воронежской деревне чернокожий «нелегал» был вроде тимуровца.

Об удивительной судьбе африканского парня, нашедшего в воронежской деревеньке Гремя-Колодезное крышу над головой и доброжелательное участие, газета «Труд» рассказала в статье «Что ж я – не русский?» А теперь его – как нелегала – арестовали и собираются отправлять на родину.

Недавно пенсионерке из Гремя-Колодезного Елене Васильевой пришло письмо от гражданина Руанды Жозефа Хабимана – очень похожее на то, что писал дедушке герой чеховского рассказа Ванька Жуков. «Баба Лена, – просит он, – заberi меня отседа...» «Отседа» – это из изолятора временного содержания.

Напомним, как Жозеф попал в нашу деревенскую глубинку. Он учился в Воронежском педуниверситете, когда из Руанды пришла весть о государственном перевороте и отказе нового правительства финансировать студентов, обучающихся в российских вузах. Оставшись без средств к существованию, Жозеф взял академический отпуск, намереваясь честным трудом «совсем немножко забогатеть», чтобы продолжить учёбу. Разгружал рефрижераторы, чтобы платить за квартиру. Да вот беда: обокрали его. Воры

забрали не только бережно хранимую на чёрный день «зачаку», но и все документы, лишив его права на проживание в России. А в далёкой Руанде тем временем шла кровопролитная война, в которой погибли отец и два брата.

Обычно в столь сложных ситуациях на выручку соотечественникам приходят дипломатические представители, но посольство Руанды в Москве закрылось, насколько известно, из-за банкротства. Попытка Жозефа «сдаться властям» ни к чему не привела. В отделении милиции, куда он обратился за помощью, ему пояснили: даже если весь милицейский коллектив откажется от зарплаты, то денег всё равно не хватит на покупку авиабилета до Руанды.

В общем, недавнему студенту грозила участь чернокожего бомжа, не повстречайся он с бывшим сокурсником, у которого в деревне Гремь-Колодезное жила престарелая родственница. «Поезжай туда, – предложил он, – будешь помогать ей по хозяйству, ходить в магазин, в аптеку. В деревне рабочие руки очень нужны!»

Действительно, оказалось, что большая часть жителей – пенсионеры. Бывший студент – добродушный и безотказный – очень скоро стал едва ли не всеобщим любимцем, которого «окрестили» Максимкой. В дом Елены Васильевой, где он квартировал, зачастили «заказчики» с разными просьбами: «Максимка, как бы дров наколоть?» «Завсегда пожалста», – отвечал он.

Рубил дрова на зиму, перекрывал крыши, сажал и копал картошку, работал пастухом. «Благодарили» Максимку молоком, творогом, картошкой, свежими и солёными помидорами, огурцами. Лишь от одного продукта он на первых порах упорно отказывался – от самогона, венчающего в русской деревне всякий удачный труд. Но теперь иногда и 50 граммов может выпить, приговаривая: «Что ж я – не русский?» Объясняется Максимка, конечно, с иностранным акцентом, но при этом разбавляет свою речь местными словечками вроде «отседа», «анадысь», «куды»...

В общем, после газетных публикаций «странным негром» заинтересовались правоохранительные органы.

Операция по задержанию «злостного нарушителя паспортно-визового режима» проводилась на глазах у всего села. Старушки даже плакали: чем помешал безобидный чернокожий парень? Не воровал – вкалывал от всей души. Теперь бедолага просит в письме «бабу Лену» забрать его «отседа», и не потому, что его плохо кормят или обижают. Переживает он по другому поводу: как без него и баба Лена, и баба Катя, и дед Степан, и другие его подшефные в одиночку управятся с огородами, с завалившимися сараями, с пастьбой коров и коз, с заготовкой на зиму угля и дров? Да и скучно стало в Гремя-Колодезном без Максимики, который громко распевал песни.

2004 г.

ЖИВИ И ПОМНИ

Наши ребяташки знают нередко о древней Греции больше, чем о родной деревне.

Кто-то из мудрых сказал: «Жить – значит, помнить». У Чингиза Айтматова в его «Буранном полустанке» есть потрясающий трагический образ «манкурта» – человека, у которого отнята память. Страшен и жалок он, забывший всё: свою мать, родину, предков. У него нет будущего, ибо он лишился прошлого. Забывая о минувшем, мы разрываем связь времён, а это равнозначно если не физической, то духовной гибели. К счастью, «призрак манкуртизма» бродит не везде.

БЫЛ ТАКОЙ УЧИТЕЛЬ

Однажды летним днём я оказался возле арочных ворот. В проёме рисовался дворец принцессы Ольденбургской. Дело было под Воронежем, в Рамони. Я стоял и думал о том, что, видимо, не случайно архитектуру сравнивают с застывшей музыкой. Это творение архитектора Нейслера из «пяточного кирпича» (его изготавливали по не дошедшему до нас рецепту из глины, которую тщательно вымешивали ногами, пятками) и впрямь казалось мне «застывшим аккордом» из Вивальди.

Справа от дворца находилось здание попроще, но такое же старинное, из такого же кирпича. На башенке, украшавшей въезд, был изображён какой-то круг. «Здесь часы были», – услышал я за спиной мальчишеский голос. «Какие часы?» – «Типа курантов» – «А справа что за здание?» – «Для свиты» – «В каком классе учишься?» – «В пятом. А что?»

Пока мы стояли под аркой, парнишка разъяснил, что дворец выполнен в староанглийском стиле, что таких памятников в стране «раз-два и обчёлся». Конечно, продолжал он, дворец очень красивый, и вся Рамонь гордится им как своей достопримечательностью, но ещё больше Ра-

монь гордится тем, что здесь родился изобретатель замечательной винтовки-трёхлинейки Мосин. Напротив дворца стоит ему памятник. «Почему посёлок называется Рамонью?» – поинтересовался я. «От слова «ромен», – ответил он. – В переводе с украинского – «ромашка». «А почему с украинского?» – спросил я. «Потому что все люди пришли сюда з Краины... А вы бомбу в нашем музее видели?» – с детской непосредственностью сменил он тему.

– Ещё нет. Что за бомба?

– С опилками. Бомба упала тут неподалёку, в Петровке, в сорок третьем году, но не взорвалась – в ней были опилки. Их антифашисты в Германии насыпали.

Разговаривая, мы шли по улице, постепенно удаляясь от дворца. «А вы про Беринга знаете?» – «Про Витуса?» – «Ну да, великий русский мореплаватель. Он тоже наш, рамонский» – «В каком смысле?» – «Несколько лет жил тут. Построил военный корабль и – айда, на Азов, с турками воевать...»

Я был поражён краеведческой эрудицией мальчишки и, попав к концу командировки в общество рамонских учителей, поделился с ними неизгладимым впечатлением, которое произвёл на меня пятиклассник Витя Коростылёв. Педагоги заулыбались: «У нас таких полная школа, начиная с первого класса и по выпускной. А краеведением заразил всех историк Ильинский – «летописец нашего района...»

Потом была встреча с Николаем Владимировичем Ильинским. С виду типичный сельский интеллигент: тщательно повязанный галстук, добродушно-придирчивый взгляд из-под очков. «Как вы сказали? Будто аккорд из Вивальди? – переспросил он. – Слишком красиво, но может быть...»

Десятки лет потратил Николай Владимирович на создание летописной книги с неприятным названием «Рамонь», быстро и неплохо изданной в Воронеже. Ильинский тщательно изучил генеалогическое древо бывших хозяев рамонского дворца и сделал ряд неожиданных открытий. «Как вы думаете, есть хоть какая-нибудь связь между семейством Наполеона Бонапарта и принцессой Ев-

генией Ольденбургской, стараниями которой обустроивалось здешнее поместье?» – спрашивает он, задиристо поблёскивая стёклами очков.

– Неужели есть?

– Вам что-нибудь говорит фамилия Богарнэ? Да-да, па-сынок великого французского императора Евгений Богарнэ, женившись на дочери короля Баварии, получил титул герцога Лихтенбургского. А сын его, герцог Максимилиан, стал мужем дочери царя Николая Первого Марии. Вот их-то дочери, Евгении, вышедшей замуж за принца Ольденбургского, и было жаловано царём Александром Вторым имение в Рамони с сахарным заводом в придачу...

Слушать Ильинского можно было часами, и как жаль, что об этом приходится говорить в прошедшем времени. Не так давно Господь подвёл черту под земным путём замечательного учителя. Но осталась книжка, которую он писал всю свою жизнь. И улица, названная благодарными односельчанами его именем. А самое главное – выросли, став умными, грамотными людьми, те мальчишки и девочки, которые с его помощью постигали юными сердечками святое чувство любви к своей родине, чувство преклонения перед её трудной, но прекрасной Историей...

«ВЕЩИ НЕНАПИСАНИИ, АКО ТМОЮ ПОКРЫВАЮТСЯ...»

Кстати, «призрак манкуртизма» довольно вольготно чувствовал себя и в эпоху, которую принято называть «застойной». Тогда делались попытки «калёным железом» выжигать из народной памяти всё, что было связано с княжескими, графскими, дворянскими фамилиями. Доходило до абсурда: учительница Анохина из села Землянск рассказала о том, как её, совсем ещё молоденькую выпускницу, на первых уроках поразило одно обстоятельство. «Спрашиваю у ребят: слышали вальс «На сопках Маньчжурии»? Слышали. Кто его автор? Молчат. Говорю: автор вальса – уроженец Землянска Илья Шатров. Коллеги постарше потом пояснили; мол, товарищи «сверху» не рекомендовали «педалировать внимание» на знаменитом зем-

ляке. Будучи военным капельмейстером, он имел чин штабс-капитана царской армии».

К сожалению, такой же подход к разделению прошлого на «наше» и «не наше» просматривается и сейчас. Стираются сами по себе или же хулиганствующей рукой надписи на мемориальных досках, гласящие, что в этом доме, например, жил дважды кавалер ордена боевого Красного Знамени, боец легендарной Первой конной маршала Буденного, а в другом – бывший революционный матрос, штурмовавший Зимний. А разве не заслуживает внимания молодёжи движение синемблужников в 30-е годы? Какими они были? За что боролись? О чём мечтали?

– По-разному можно относиться и к «комсомольцам-добровольцам», и к тем же синемблужникам, – говаривал Николай Владимирович Ильинский. – Но мы не имеем права забывать о том, что они были.

...Повезло Рамони, как, впрочем, повезло и самому историку: он успел напечатать свою летопись. А сколько интереснейших моментов найдётся, если покопаться в «делах давно минувших дней»! Землянск, например, – это не только родина Ильи Шатрова с его бессмертным вальсом. У Лермонтова, несколько раз приезжавшего сюда в гости к генералу Потапову, тут родилась всем известная «Казачья колыбельная». А Малая Покровка – подумать только! – когда-то являла собой нечто вроде филиала Малого театра, поскольку здесь месяцами жил его директор князь Сумбатов-Южин со своей супругой баронессой Корф. До сих пор сохранилось здание школы, построенное ими.

Остаётся порадоваться тому, что у сельских краеведов руки не опускаются, несмотря на отсутствие перспективы увидеть свои труды напечатанными в ближайшем будущем. Я, что называется, залпом проглотил хронику села Староникольского, составленную Сергеем Петровичем Красноруцким. Молодой учитель из Русской Гвоздёвки Игорь Золототрубов, чьими стараниями создан очень содержательный музей, также мечтает об издании своей книги: «Типа учебника для младших и средних классов. А

то странно получается: наши ребяташки почти всё знают о Древней Греции и почти ничего – о своей собственной, родной деревне».

Директор областного Литературного музея имени И.С. Никитина, воронежский писатель Виктор Будаков, который в бытность свою редактором Центрально-Чернозёмного книжного издательства подготовил и выпустил 30-томную литературную серию «Отчий край», глубоко убеждён: «Каждое село должно иметь своего летописца. Ими могли бы стать подвижники местной культуры, представители сельской интеллигенции, учителя, краеведы и, разумеется, писатели. Одним словом, все те, кто смог бы заниматься судьбами, проблемами «малой родины», поисками её истоков, воссозданием её вех. Давно пора издать сводную летопись, куда бы вошли жизнеописания всех крупных сёл области, – я имею в виду не сухие исторические изыски, а живые хроникальные повествования, в которых нашлось бы место и старинным обычаям, обрядам, песням, сказаниям, ремёслам, интересным людям, событиям – всего и не перечислишь... А вот если бы взять да осуществить этот замысел в масштабах всей Федерации, то мы бы получили воистину энциклопедию российской деревни. То есть тот неистребимо прочный духовно-исторический фундамент, на котором только и можно воздвигнуть на века новый дом. Только б нам не опоздать. Вспомните цитату из бунинской «Жизни Арсеньева»: «Вещи и дела, ещё ненаписании, тмою покрываются и гробу беспамятства предаются...»

* * *

Давно уже, долго и больно идёт у нас разговор о том, что для мира и согласия нам нужна некая чудо-идея. Но разве нас не объединяет в одно целое наша Память, наша История, из которой, как из песни, слова не выкинешь?! Ещё раз вспомним, что великий поэт России Пушкин самыми первейшими признаками любви к Родине считал два признака:

«Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам...»

1998 г.

P.S. Любая российская деревня имеет свою историю, увлекательную и неповторимую. Только вот где она, в каких трудах и летописях наших дней зафиксирована? Мы предлагаем читателям продолжить разговор о малой родине. Как, по-вашему, нужны ли российским сёлам свои хроникёры и летописцы? Если да, то какую роль должны взять на себя в этом деле местные власти? А может быть, пойти дальше и придать местным хроникам статус закона? Обряды и традиции, местные были и небылицы – может ли всё это и многое другое почить в бозе?

ЗЕМЛЯКИ

По-видимому, тот, кто придумал миф о существовании так называемых «обыкновенных людей», имел в виду лишь их скромное социальное и материальное положение, обладание той или иной «прозаической» профессией. Но чем больше встречаешься с теми, кого принято считать «обыкновенными», тем твёрже убеждаешься в том, что за кажущейся заурядностью скрывается что-то необычное – в судьбе ли, в характере...

ТРУДНО ЖИТЬ В ЯПОНИИ

Приехав в Чаплыгин, я остановил «жигулёнок» у табачного киоска, возле которого стоял мужичок неопределённого возраста в камуфляже. «Слушай, земляк, – задумчиво обратился он ко мне, – нам, случаем, не по пути?» – «А вам куда?» – «Мне в Японию».

– «А я собираюсь в Австралию», – отвечаю ему таким же шутливым тоном.

Он не уходил. «Земляк, – взмолился, – мне – во, как надо в Японию!» – «Ладно, поехали», – я решил вести предложенную им игру до конца. «Ну, – говорю, – рассказывайте!» – «Про што?» – «Кто вы, откуда и куда вам «во, как надо!» – «Куда, куда, – разозлился пассажир, – я ж тебе русским языком сказал: в Японию! Я там с рождения и до прошлогодней зимы жил. Потом сын приехал и забрал меня к себе в городскую фатеру...»

Как выяснилось со слов попутчика, все японцы живут в сугубо экстремальных условиях: хлеб им завозят от случая к случаю, своя же «торговая сеть» рухнула в начале 90-х годов прошлого века. С водой – тоже проблемы. Летом ещё терпимо: бьют родники, а кое-где сохранились такие приметы цивилизации, как колодцы. Зимой же японцам, особенно пожилым, туго приходится: воду добывают в основном из снега. И совсем уж никуда не годится медицинское

обслуживание: «скорую» скоро не вызовешь – уже несколько лет отсутствует телефонная связь с остальным миром.

А теперь во избежание упреков в поклёпе на процветающую Страну восходящего солнца даю маленькую справку: Японией величается одна из всеми забытых деревушек в Чаплыгинском районе. Почему «Япония», а не, к примеру, Индия или Корея – сие история умалчивает. Вместе с близлежащими Борщёвкой, Горловкой и другими селениями Япония в любой момент может навсегда исчезнуть с лица земли.

А Фёдор Архипович Кривошеин, мой случайный попутчик, спешил в Японию, дабы поздравить с 70-летием друга, механизатора широкого профиля. Кроме того, надумал вдовец Архипыч опять поселиться в своём, ещё добротном, доме.

А тут ещё прослышал «японец» Кривошеин о том, что в округе объявились богатые «инвесторы», намеревающиеся поднять угробленные животноводство и полеводство. «Вот и флаг им в руки!» Со своей же стороны Архипыч готов, по мере сил, поучаствовать в возрождении хиреющих деревенок и хуторов.

«БУДУЛАЙ» ИЗ ГРУШЕВОГО

Лет 30 тому назад к правлению колхоза «Россия», что в селе Грушевое Богучарского района, на паре гнедых, впряжённых в бричку, подъехал красивый парень цыганского облика. Зашёл в контору, где написал заявление с просьбой принять его в артель «вместе с имуществом», то есть с лошадьми и бричкой.

Совсем ещё юная девушка, заполнявшая его листок по учёту кадров, настолько «замалахолилась», что в графе «специальность» написала: «цыган».

На первых порах Николаю-цыгану серьёзную работу не доверяли. Он пас коров, коней. Кнутом владел виртуозно. Ходили легенды про то, как Николай метров с 30 «достал» серого хищника, уже изготовившегося к прыжку на тёлку, пасшуюся вдоль обочины. Спустя какое-то время его посадили учеником на трактор, а вскоре и стального коня доверили – вот уж была для него радость. Его он холил,

словно бесценного орловского рысака. Постепенно механизатор Николай Данченко приобрёл репутацию «незаменимого и безотказного».

Летом косил траву, перевозил на тележке с одного поля на другое сварочный агрегат, доставлял корма. Практически за все транспортные работы в хозяйстве отвечал и до сих пор отвечает он вместе со своим выдавшим виды «Т-40». После того как на телеэкраны страны вышел фильм «Цыган», Николая за глаза стали называть Будулаем.

Короче, жизнь у бывшего таборника, ставшего всеми уважаемым механизатором, состоялась. Им гордятся. За 30 механизаторских лет он только четыре раза уходил в отпуск. Но где будни, там и праздники. На «сабантуях» по поводу, допустим, успешного завершения уборочной страды односельчане частенько просят его потряхнуть стариной – сплясать. Это он может. Лихо исполнит русскую «барыню», выдаст и «цыганочку на 27 колен» да с таким огнём, на какой способен лишь человек, в учётной карточке которого в графе «специальность» написано одно слово – «цыган».

* * *

В моём блокноте – десятки фамилий и адресов: травник из села Доброе Николай Трофимов, спасший своими настояями и мазями многих односельчан, трактористка из села Лаухино Анна Кушникова – кавалер многих заработанных героическим трудом орденов и медалей и наотрез отказывающаяся при всей своей нынешней бедности продать их коллекционерам. Любитель-птицевод Вячеслав Жидяков из деревни Шишовка, чей опыт по акклиматизации и разведению в российской чернозёмной глубинке страусов, возможно, станет основой для написания кандидатских и докторских диссертаций. И так далее, и так далее.

Не знаю, может быть, мне везёт, но я на журналистском пути «обыкновенных людей» не встречал. Видно, каждый из нас – «эксклюзив», созданный Господом по Своему образу и подобию. Жаль, что не все и не всегда помнят об этом.

2004 г.

И ЭТО ТОЖЕ «МЫ»?

В городе Лебедянь растащили дом, где прошло детство писателя Евгения Замятина.

В Лебедянь, на родину писателя Евгения Замятина, я попал впервые летом 2000 года и, блуждая по бывшему уездному городку, ловил себя на мысли, что мне всё тут знакомо: и сбегаящие к Дону улочки, утопающие в садах, пахнущих белым наливом, и лица встречавшихся местных жителей. Просто перед тем, как поехать в Лебедянь, я перечитал ещё раз «Избранное» Замятина, куда вошли повесть «Уездное», фантастический или, правильнее сказать, пророческий роман «Мы», потрясающие рассказы «Мамай», «Русь» и другие вещи, написанные отчасти «на Лебедянском материале».

Первая повесть Евгения Замятина «Уездное» вызвала восторг читающей публики предреволюционной России. Критики включали молодого прозаика в блистательную обойму писательских имён – рядом с Гоголем, Достоевским, Салтыковым-Щедриным... Максим Горький писал в июле 1917 года своей первой супруге Е. Пешковой: «Прочитай «Уездное» Замятина. Получишь удовольствие...»

После революции писатель становится одним из лидеров группы «Серапионовы братья», участвует в работе издательства «Мировая литература», пишет статьи для газет и пьесы для театров. Но в 20-х годах Замятина зачислят в «попутчики революции» со всеми вытекающими последствиями: перестают печатать, из репертуарных планов театров изымаются пьесы, «братья-писатели» шарахаются от него на улице, как от прокажённого. И в 1931 году он уезжает в Париж, получив на то разрешение самого Сталина. И родную Лебедянь увозит в своём сердце.

Я не спеша бродил по «старой Лебедяни», побывал у стен Троицкого монастыря, построенного в середине XVII века, на Тяпкиной горе, названной так в честь легендарно-

го разбойника Тяпки, грабившего богатых купцов, что сплавляли по «батюшке-Дону» баржи с красным товаром.

Иду дальше. Где же эта улица – Покровская (адрес подсказал воронежский «специалист по Замятину»), где же этот дом 14? У тётушки, стоящей возле ближайшей калитки, спрашиваю: «Это какая улица?» – «Ситникова, милоч» – «А Покровская, где?» – «Тута же» – «Переименовали, что ли?» – «Выходит, так» – «А где дом 14?» – «Ты возля него и стоишь». Серафима Ивановна Корнева, по-уличному баба Сима, охотно рассказала, что дом за её спиной, сад, огород – «всё замятинское». Да и домишко, где обитает она сама, тоже: «Тута проживала сестра Евгения Ивановича – Александра Иванна...»

Оказывается, баба Сима – «хранительница дома-музея писателя Замятина»: «Мне и деньги плотють», – не без важности сообщила Серафима Ивановна. «Много?» – «Сто рублей каждый месяц» Внутри «дом-музей» выглядел, как после бомбёжки или зачистки: осыпавшаяся штукатурка, кирпичный остов печи, некогда отделанный изразцами, стены с обнажившейся дранкой, только расположение комнат, похоже, осталось таким, каким оно было в золотое время детства писателя, когда, выбежав на крылечко, маленький Женя видел «стеклянное августовское утро, далёкий, прозрачный звон в монастыре...» И сколько раз, живя в Париже, он мысленно возвращался сюда – «в густую чернозёмную Лебедань, на ту самую заросшую просвирником улицу».

Не будь бабы Симы, от родового гнезда Замятиных давно б остались одни воспоминания: растащили бы по брёвнышку любители чужого добра. Их Серафима Ивановна встречает увесистой палкой. Иной разговор – гости желанные, каковых она принимает с искренним радушием, хотя ей бывает стыдно показывать «музей» учёным людям, приезжающим на международные «Замятинские чтения» из Чикаго и Принстона, Токио и Лозанны. Иностранцы, в жилах которых есть хоть капля русской крови, ведут себя трогательно: кланяются замятинской обители, кре-

стятся. Наберёт баба Сима полный кузовок даров сада и огорода и преподнесёт поклонникам творчества Замятина. «Это вам подарочек, – говорит она в таких случаях, – от Евгения Иваныча».

С помощью бабы Симы и ориентируясь на доступные официальные источники, я попытался воссоздать события вокруг замятинского дома. Итак, с начала 30-х годов и вплоть до середины 80-х местные партийные бонзы если и произносили фамилию опального писателя, то шёпотом и с оглядкой. На его дом смотрели как на любую коммуналку. В историческом очерке о Лебедяни, опубликованном в книге «Путешествие по Липецкой области», нашлось место для того же разбойника Тяпки, но ни слова о Замятине. Конец 80-х: выдающийся прозаик возвращается в русскую литературу. Россия как бы заново открывает большого писателя. В Лебедяни спохватились: ба, да у нас же стоит целёхоньким домик, построенный священником Иваном Замятиным для своей семьи в конце XIX века! На фасад строения водрузили памятную доску с надписью: «Здесь родился и провёл детские годы писатель Замятин». Дом внесли в список памятников истории и культуры Липецкой области под номером 207. В том же «Государственном списке» за 2001 год среди памятников, «принятых на государственную охрану», значится дом, который занимает музей Е.И. Замятина.

И вот запущенное, неотапливаемое, с подтёками на стенах, с битыми стёклами и кирпичами на полу помещение именуется нынче «музеем» и «памятником истории и культуры»! Предоставив бабе Симе охранять дом от вора, саму реставрацию государство взяло на себя. И уж как оно «старалось»! 1994 год: слегка подлатана кровля. 1996 год: подмазаны печные трубы. 2000 год: вынуты рамы, а оконные проёмы забиты досками. 2004 год, сентябрь: в аккурат к очередным международным «Замятинским чтениям» многострадальный дом «освеживали» снаружи – якобы для исследования брёвен на предмет их сохранности от поедания зловредным древесным жучком...

А через месяц после моего заезда в Лебедянь пришло письмо от знакомого краеведа. «Реставрация замятинского родового гнезда успешно завершена, – писал он с горькой иронией. – Оно снесено с лица земли!..» И приложил снимок сруба высотой по всему периметру в четыре бревна. Дальше из письма я узнал: уложенные венцы – это начало возведения нового дома, где и расположится будущий музей писателя. А старый разобрали, поскольку «брёвна на 80 процентов съедены крохотным, но чудовищно прожорливым жучком-короедом».

Кстати, всего лишь пять лет назад, согласно заключению специалистов, замятинское подворье находилось в удовлетворительном состоянии и ещё подлежало восстановлению. Откуда вдруг взялось маленькое древесное чудовище и, главное, как оно умудрилось за короткий срок сожрать несколько кубометров дубовых брёвен – «тайна сия велика есть».

2003 г.

«В ОДНОЙ ЗНАКОМОЙ УЛИЦЕ Я ПОМНЮ СТАРЫЙ ДОМ»

Старинный особняк, в котором неоднократно бывал молодой Бунин, того и гляди переоборудуется под офис частной строительной фирмы.

Однажды в Ельце, на улице Пушкина тамошний священник, отец Александр, любезно согласившийся показать мне здешние бунинские места, остановил машину на подъезде к двухэтажному старинному особнячку.

– Держитесь крепче на ногах, – посоветовал он мне, – а то, не ровён час, упадёте, когда я вам скажу, что это за дом.

– И что же это за дом?

– Э-э-э, братец мой, в нём когда-то жила Варенька Пашенко.

– Неужели Лика из «Жизни Арсеньева»?

– Она, голубчик, она...

Я не верил своим глазам: неужели стою возле того самого «дома доктора», куда, как пишет Иван Алексеевич в щемяще-горестном финале романа, его «просто не пустили»? И дальше: «С дерзостью отчаяния выскочил я из извозничьих санок... с ужасом взглянул на полузавешенные окна столовой, где столько дней просидел с ней когда-то на диване – тех, осенних, первых наших дней! – дернул звонок... Дверь отворилась, и я очутился лицом к лицу с её братом, который, бледнея, раздельно сказал мне: «Отец не желает вас видеть. Она же, как вам известно, в отсутствии...»

Так закончилась, умерла первая любовь совсем ещё молодого Бунина к Вареньке Пашенко – дочери известного елецкого врача. В те безумно далёкие дни девятнадцатилетний Бунин пробовал свои силы в поэзии и журналистике. Судьба свела его с Варенькой в редакции газеты «Орловский вестник», где будущий великий писатель «чуть ли не заново переписывал некоторые рассказы провинциальных беллетристов и пытался образовать в себе из даваемого жизнью нечто истинно достойное писания...»

Но настоящая литературная работа началась несколько позже, а вначале было радостное времяпровождение юного, подававшего надежды поэта с милой девушкой в «цветастом русском наряде». Вечерами они ходили в городской сад, в летний театр, где Ваня «сидел рядом с Ликой, дружно наслаждаясь с ней всей той шумной глупостью, что шла в оркестре и на сцене». Из Орла в свои родные, захудалые и трепетно любимые им Озерки (в романе – Батурино) он возвратился, неся в душе «чувство какого-то приобретения», а также мечту «продолжить то, что началось». И продолжение не заставило себя долго ждать. «Вернулась и жажду свидания», – прислала она ему записку по приезду из Орла в Елец. Он, обуреваемый «сумасшедшими чувствами», помчался на станцию: «...я надолго остался после того в городе, по целым дням сидел с ней в запылённом садике, что был в глубине двора при доме её вдового отца...»

Дабы не заниматься бледным пересказом замечательного текста, отвлекусь от книжной Лики, переключив внимание на реальную Вареньку Пащенко. Она, конечно же, любила Ивана настолько, что «уже нельзя было понять, чья любовь стала сильнее, счастливей, бессмысленней – моя или её...» Однако отец Варвары пребывал в глубоком убеждении: избранник дочери, пусть и знатного дворянского рода, бедный и необразованный (не закончил гимназии), ей совсем не ровня. «Вы очень симпатичны мне», – сказал он начинающему писателю, резонно добавив, что при всём при том он не хочет «видеть обоих несчастными, прозябающими в нищете». Любовь поначалу оказалась сильнее «обывательской» мудрости: Варя без родительского благословения и «без венца» соединила свою судьбу с никем ещё не признанным будущим гением. Но время показало: житейски умудрённый отец был прав. Их недолгое совместное существование превратилось в обоюдную пытку. В конце концов, Варвара покинула Бунина, выйдя замуж за богатого помещичьего отпрыска – А.Н. Бибикова.

Споры о том, насколько Лика похожа на Вареньку, не стихают среди «буниноведов» по сей день. Бунин обладал уни-

кальной способностью изображать, «схватывать» своим цепким пером живых людей с их неповторимым обликом, характером, манерами. Возможно, Иван Алексеевич и сам «опасался» своего редкостного дара и, чтобы на легкоузнаваемых героев его рассказов и повестей не указывали пальцем, старательно менял названия селений, имена, фамилии, некоторые факты биографии. Так получилось и в «Лике». В повести Арсеньев старше Бунина, если судить по взглядам героя на искусство: таким пониманием природы творчества, сарказмом молодой Бунин не мог обладать в силу недостатка жизненного опыта. Есть и другие «разночтения» между книгой и жизнью: в повести Лика умирает через несколько месяцев после разрыва с Арсеньевым, тогда как Варвара Пащенко проживёт в супружестве с Бибиковым ещё целых двадцать лет. Впрочем, не напиши Бунин «Жизнь Арсеньева», дом, где он так часто бывал, где пережил столько счастливых мгновений, где его охватывало «благодарное умиление... прелестью её глаз, лица, смеха, голоса», всё равно был бы для нас чрезвычайно притягательным...

А теперь пришла пора сказать о том, что такой бесценной краеведческой находкой, как дом Пащенко, мы обязаны (об этом, кстати, ярко и взволнованно поведал на страницах «Липецкой газеты» писатель Владимир Петров) Владимиру Заусайлову – прямому потомку богатого купеческого рода, радением нескольких поколений которого в Ельце появились и Великокняжеская церковь, и ботанический сад, и целый ряд особняков, по сию пору представляющих собой лицо древнего города. Задумав издать серию книг о купеческих династиях и выпустив первый том, посвященный Заусайловым, Владимир занялся сбором материалов, касающихся ещё одной, не менее громкой для Ельца купеческой фамилии – Ростовцевых. Долгие архивные поиски, переписка со многими гражданами России, носящими эту фамилию, вывели его на ельчанку Татьяну Борисовну Попову из рода купцов Ростовцевых, проживающую в доме 157 по улице Пушкина. Ища ответ на вопрос, а не принадлежал ли особняк предкам Татьяны Борисов-

ны, Заусайлов по сохранившимся документам доподлинно установил: его хозяином был «беспечный человек, – цитирую «Лику», – либеральный доктор» Владимир Пашенко, отец Вареньки.

Поражает то обстоятельство, что выглядит строение почти так же, как и во времена Бунина: два этажа, окна с наличниками, пилястры, над парадной дверью – козырёк из металлических кружев. А на второй этаж, где, собственно, и жили Пашенко (на первом – прислуга), ведёт поднимающаяся под крутым углом деревянная лестница, и сразу же вспоминаются строчки, процитированные Буниным в одном из рассказов, написанных в ту пору, когда ему было уже 74 года:

В одной знакомой улице
Я помню старый дом,
С высокой тёмной лестницей,
С завешенным окном.

Кое-что, конечно, в доме не сохранилось: к примеру, изразцовая печь, но зато цела веранда, из окон её открывается вид на садик во дворе, в котором «по целым дням» сидели Иван да Варенька. Казалось бы: уж где, как не в этом доме, быть филиалу музея Бунина? К сожалению, пока всё складывается не так, как хотелось бы: семья Поповых, в чьей собственности находится особняк, собирается его продать. И покупателей уже подыскали – одну из частных строительных фирм, намеревающуюся приспособить эту, по словам того же писателя Владимира Петрова, «историческую и культурную жемчужину», под офис, предварительно произведя в особняке евроремонт «как снаружи, так и изнутри». И тогда уж точно ничего не останется от бунинской ауры, пока что существующей в доме 157 по улице Пушкина в городе Ельце. Остаётся надеяться, что чиновники от районной, областной да и федеральной культуры, одумавшись, обратят свой взор на особняк Пашенко. Благодарные потомки (и, само собой, современники) скажут им только «спасибо».

2004 г.

МЕЛОДИИ С ЗАПАХОМ ПОЛЫНИ

Хотите по-настоящему понять музыку Сергея Рахманинова? Приезжайте в Ивановку, что под Тамбовом. Лучше – весной или летом: Сергей Васильевич особенно любил эти края в пору, когда благоухает сирень, цветёт луговое разнотравье. Даже после 15 лет вынужденной эмиграции, познав мировую славу, повидав красивейшие уголки земного шара, которые называют райскими, Рахманинов чувствовал острую, непроходящую ностальгию. «Живя в России, – писал он, – я постоянно стремился в Ивановку. Положа руку на сердце, должен сказать, что и доньше туда стремлюсь...»

Ивановка – обыкновенная русская деревня, приютившаяся на просторах подстепья. Энтузиасты творчества Рахманинова знают: практически все главные музыкальные «полотна» композитора, составляющие гордость не только российской, но и мировой культуры, появились на свет здесь, в деревенской глуши, в родовом поместье жены Сергея Васильевича Натальи Сатиной.

Чем же так привлекала Ивановку композитора? Ведь родился Сергей Васильевич не на Тамбовщине, а в новгородском имении своей матушки. Однако корни рахманиновского рода – в здешних краях. По соседству с Ивановкой – село Знаменское, которое было подарено прадеду Сергея Васильевича самой императрицей Елизаветой Петровной, очень благоволившей к храброму и видному Герасиму (так звали прадеда), служившему в гренадёрской роте Её Величества.

В Знаменском жили дед и отец Сергея Васильевича, отличавшиеся недюжинными талантами и любовью к музыке, живописи, театру. В усадьбе гостили великая актриса Вера Комиссаржевская, художник Анатолий Мамонтов, председатель Государственной Думы Александр Гучков. Завсегдатаем здесь был любимый ученик Ференца Листа, яркий пианист Александр Зилоти – двоюродный брат Рахманинова и его первый музыкальный наставник.

В 1890 году композитор, женившись на кузине Наталье Сатиной, поселяется в Ивановке, которая на долгие годы становится для него «творческой мастерской».

Загадочный сумрак липовых аллей, цапля, плавно кружащаяся над тёмным зеркалом пруда – вот что успокаивало, умиротворяло душу, которой было тесно в городской суете. Особенно мил был сердцу Рахманинова запах полыни. Когда столичные знакомые допытывались, почему он так часто ездит в Ивановку, отказываясь от крупных гонораров за концерты, тот, улыбаясь, неизменно отвечал: «Хочу глотнуть полынного воздуха. А вы разве не замечали, что вся моя музыка пахнет полынью?»

Рахманинов навещал любимую деревушку прежде всего для того, чтобы работать. Сохранилась фотография, запечатлевшая Сергея Васильевича в тот момент, когда он, сидя за столиком в саду, увлечённо набрасывает в нотной тетради эскиз своей новой симфонии. Нередко из барского дома далеко окрест разносились звучные фортепьянные аккорды. Супруга композитора в письме к петербургской подруге К. Крейцер-Жуковской сообщала: «Пишу тебе под звуки Серёжиной Сюиты. Вчера нам привезли из Тамбова два рояля, и сейчас Серёжа и Саша (*А. Зилоти – П.В.*) в первый раз сыгрываются. Ты не можешь себе представить, до чего Сюита красива на двух роялях!»

Почётному гражданину города Тамбова, врачу и рахманиноведу Якову Фарберу в конце 1950-х годов довелось встретиться с Василием Шмелёвым – деревенским жителем, топившим в молодости печи барского дома в Ивановке. Василию Дмитриевичу выпало и заносить в дом рояль, предназначенный для Рахманинова. Он вспомнил связанный с этим занятый эпизод: «Через сутки, когда рояль малость отогрелся, Сергей Васильевич сел за него и начал наигрывать какую-то непонятную музыку. А один из конюхов возьми да и спроси: «Барин, а ты играть-то умеешь или только учишься?» Сергей Васильевич рассмеялся и заиграл «Камаринскую». Закончив, поинтересовался: «А эта вещь понятная?» – «Как не понять, – сказали конюхи, – мы чуть в пляс не пустились...»

Увы, в послевоенные годы рахманиновская усадьба выглядела плачевно: одичавший парк, на две трети вырубленный сад, покрытый густой тиной пруд, развалившийся и опустошённый дом, где не было ни мебели, ни картин, ни рояля, помнящего чуткие руки гениального музыканта... Сколько на Руси таких «ивановок», не помнящих своего родства, с великими сыновьями и дочерьми Отечества, жившими и творившими на этой земле...

К счастью, в отличие от них тамбовская Ивановка не потеряла памяти о былом. Не без участия уже упомянутого Якова Фарбера легендарный рояль «Беккер» в ходе прямотаки «археологических раскопок» обнаружили в подсобке сельского клуба и отправили в областной краеведческий музей. Впрочем, там инструмент стоял практически без дела, пока в 2003 году по настоянию всемирно известных музыкантов Ирины Архиповой, Елены Образцовой, Евгения Нестеренко его не вернули в Ивановку, в возрождённую усадьбу С. Рахманинова. К тому времени здесь уже были подняты из руин барский дом и флигель, где Сергей Васильевич обитал в весенние и летние месяцы, начиная с 1890 по 1917 год. Те, кто приезжает сюда нынче, видят восстановленный и ухоженный старинный парк, приведённый в идеальный порядок красивейший пруд.

А ведь всего этого могло и не быть, если бы не нашёлся человек, готовый сделать всё для возрождения рахманиновского очага. Этим человеком стал директор музея-усадьбы в Ивановке Александр Иванович Ермаков.

С 1982 года в Ивановке проходят международные рахманиновские фестивали с участием самых авторитетных музыкантов. Апогеем этих праздников всегда становится концерт под открытым небом на эстраде, воздвигнутой прямо над прудом. Однажды и автору этих строк довелось побывать на «ивановских музицированиях». Впечатление – ошеломляющее. Да не осудят меня специалисты, но показалось даже, что так называемая серьёзная музыка теплее, интимнее звучит посреди старинной усадьбы с тёмными аллеями, с заветными скамейками и беседками.

Но Ермаков не из тех, кто останавливается на достигнутом. Восстановив усадьбу в Ивановке, он сразу же обратил взор на соседнее Знаменское, загоревшись мечтой открыть там филиал ивановского музея. И филиал появился. Правда, занимает он сейчас скромное по размерам помещение, зато какая получилась интересная, содержательная экспозиция! Тут и старинное фортепьяно, на крышке которого – личные ноты А. Зилоти, и клавиры оперы Направника «Дубровский» с исполнительскими пометками Рахманинова (ведь Сергей Васильевич был также главным дирижёром Большого театра). Представлены редкие фотографии Веры Комиссаржевской на отдыхе, самого Рахманинова в обществе великого князя Михаила Александровича Романова, с которым композитора связывала большая дружба. «Я могу заполнить уникальными экспонатами ещё четыре зала, – говорил на открытии музейных комнат Ермаков, – было б, где разместить. А в нескольких километрах от Знаменского расположена Большая Знаменка – тоже бывшая вотчина Рахманиновых, и там сохранились здания, выстроенные дедом Сергея Васильевича. Были б деньги на ремонт...»

К несчастью, энтузиасты вроде Ермакова не всеильны. Недавно я решил выяснить, как обстоят дела с передачей в распоряжение музея строений, принадлежавших деду композитора. Приезжаю в Ивановку. Оказалось, что Александр Иванович лежит в областной больнице. В управлении культуры дали понять, что, возможно, он прихворнул от огорчения: международный рахманинский фестиваль нынешним летом в Ивановке не состоялся. Причина банальна: «Из-за отсутствия средств...» И вспомнилось, как в Знаменском ещё в 60-годы из-за того же «отсутствия» надумали проложить дорогу, засыпав её щебнем, добытым из семейных склепов Рахманиновых и Зилоти. Память великих людей осквернили, а дорога оказалась никому не нужной: российская глубинка пустеет не по дням, а по часам. Может, происходит это ещё и оттого, что мы сами своим же нерадением превращаем благодатнейший край в духовную пустыню?..

2003 г.

ОБРУБЛЕННОЕ ДРЕВО

Помнится, много лет тому назад автор этих строк был однажды потрясён и поражён фразой, случайно оброненной матерью в разговоре с отцом о днях давно-давно минувших:

– А я-то, молоденькая, аж из самих Соловков почти всю дорогу до Эртиля пешком протопала...

– А как ты туда попала? – ошарашенно спросил я.

– Сослали.

– За что?

– Нам даже и не сказали, за что: погрузили всю семью на телегу и отправили...

Доселе мать ни разу, ни словом не обмолвилась о Соловках. Не знаю, правда, почему. Может быть, не хотела бередить старую рану, может, держала в тайне этот эпизод из-за боязни бросить тень на мою репутацию журналиста районной газеты. Про себя же я решил: вот как-нибудь выберу свободный денёк и подробно расспрошу маму обо всём: об её отце с матерью, об её бабушках и дедушках, о том, как жилось ей на Соловках, как её встретили потом в родном селе. Но «денёк свободный» так и не выпадал, а годы – молодые, шальные – неслись вскачь. О прошлом не думалось. Думалось о том, что самое лучшее ещё впереди, что мать, как и отец, будут жить вечно...

«МЕЖ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ ЗАТЕРЯЛОСЯ...»

Но, увы, всё проходит, в том числе и молодость, и всё умирает – не только люди, но и целые деревни. Тем, кому частенько приходится колесить по просёлочным дорогам, знакомо чувство какой-то невосполнимой утраты, когда за косогором вместо знакомого живого села вдруг увидишь несколько рассыпающихся сараев да заросли малины с крапивой пополам. Прошлым летом подобные картины открывались взору там, где вроде ещё совсем недавно

прочно стояли на своих местах сёла: Пустоваловка, Россошки, Казинка – всех не перечислишь. В местной администрации спросишь, а как чувствуют себя другие малые деревни, например, Вербиловка?

- Сошла на нет.
- А Шпили?
- Давно запахали.
- А Лопатино?
- Три двора осталось...

Подобная участь грозит и десяткам других сёл и хуторов, всем этим соловыхам, плющихам, малиновкам и так далее. Всего лишь в нескольких километрах от «цивилизованного мира» с его асфальтом, магазинами, «Скорой помощью» и прочими благами ютится в своих избёнках и садах деревня Васильевка. 17 дворов. Около сорока человеческих душ. Пятеро – трудоспособных. Нет ни магазина, ни почты, ни телефона, ни медпункта, ни клуба, ни церкви... И не так уж долго, видимо, осталось ждать того рокового момента, когда и от этого сельца над речкой Быстрик останется среди необъятных полей лишь островок из пустых усадеб и усадебок.

Кто виноват в том, что малая деревня медленно и безропотно умирает?

То ли прошлая власть, то ли нынешняя, то ли обе вместе – что теперь об этом говорить, какой смысл размахивать кулаками после уже состоявшейся драки? Куда важней всем нам срочно понять, что мы теряем, теряя родовые гнёзда. Ведь именно деревня, как там ни крути, является хранительницей всего истинного: и языка, и нравов, и обычаев, и песен, и ремёсел, и вековой крестьянской мудрости, плюс ко всему у каждого селения имеется своя особинка, своя изюминка, свои человеческие достопримечательности, свои светлые головы и недюжинные таланты.

Найдутся таковые и в той же Васильевке. Взять хотя бы Калиныча, а если «по всей форме», то Ивана Калиновича Пехтерева. В прошлом он знаменитый на всю область чабан: к нему приезжали «перенимать передовой опыт» со

всего Центрального Черноземья. В настоящий момент Калиныч живёт бобылём. Он бывает несказанно рад каждому случайному собеседнику, а уж на забредшего к нему газетчика смотрит, как на подарок небес. Ох, сколько всего хранится в памяти и душе Калиныча!

Калиныч – это живая история. Он на себе испытал и «борьбу с частнособственническими инстинктами» при Хрущёве, и «всемерную концентрацию и специализацию» при Брежневле, когда сёлам, расположенным чуть в сторону от большака, было почему-то отказано в праве на существование. Только где тот грамотный человек, который бы записал рассказы Калиныча в особую книгу, содержащую в себе хронику прожитых лет, описание старинных обычаев да и всего-всего того, что сохранила его цепкая память?

Сколько ты ещё проживёшь, Васильевка?! Дай-то Бог, чтоб подольше, но если уж смотреть правде в глаза, то многие небольшие сёла и хутора, видимо, обречены на исчезновение. Но ещё есть время, чтоб уберечь от «исторического склероза» крупные деревни. Такие, как, допустим, Землянск – бывший уездный город, а ныне обыкновенное село. Оно столь же обыкновенно, сколь и неповторимо в своей истории, в своей судьбе...

«Я ПОМНЮ ВАЛЬСА ЗВУК ПРЕЛЕСТНЫЙ...»

Большим и вселяющим оптимизм событием в культурной жизни области стал состоявшийся в Воронеже народный кинофестиваль, гостями которого были популярные деятели киноискусства – режиссёр Н. Панин, народная артистка З. Кириенко, композитор Е. Дога. В рамках фестиваля гости посетили целый ряд, как говаривали в старину, «забытых Богом и властью» селений.

Неувядающе-обаятельная, милая, прекрасная, неподражаемая Зинаида Кириенко предпочла комфортным встречам со зрителями и почитателями в каком-нибудь городском Дворце культуры или в престижном ночном клубе поездку именно в Землянск на родину Шатрова – создателя бессмертного вальса «На сопках Маньчжурии».

Приезд в Землянск наших кинознаменитостей как бы высветил то предельно жалкое состояние, в котором пребывает сельская культура. Надо было видеть, как мужественно, отчаянно, рискуя сорвать голос, выступала народная артистка Зинаида Кириенко в зале, «оборудованном» давно намертво «севшими» динамиками и микрофонами. Ещё один сюрприз ждал актрису, когда на экране возникли кадры одного из фильмов с её участием. Они шли без звука. Видя такое дело, знаменитая гостья вынуждена была озвучивать и свою, и чужие роли.

Такое вот получилось «кино». То же самое было бы и в соседней Казинке, и в Ведуге, и в Курбатове. Повсюду покрываются мхом киноустановки, ветшают концертные наряды самодеятельных хоров. Всё более экзотичной становится на селе профессия библиотекаря. Где уж тут говорить или хотя бы мечтать о штатном нормально оплачиваемом местном летописце, который бы неспешно, основательно фиксировал наиболее значимые приметы и вехи как прошлого, так и настоящего времени, вёл бы записи о ежедневной жизни села. А записывать о каждом из них есть что. Каким, например, был дореволюционный Землянск? По обычным дням – тихий, немного сонный и покупчески чинный. Звон колоколов. Перепелиные крики за околицей. В праздничные дни он становился куда оживлённей. В городском саду с летним театром играл духовой оркестр. По прохладным аллеям гуляли гимназистки и статные учтивые юнкера, наезжавшие сюда из Воронежа. А оркестр без умолку играл полочки, полонезы и вальсы. И, прижавшись лицом к частоколу, ограждавшему эстраду, слушал музыку маленький мальчик Илюша Шатров – сын отставного унтер-офицера лейб-гвардии. Трубы пленяли, оглушали, рассыпали вокруг серебристые розы звуков. Мальчик соединял их в свою собственную песню, которая спустя годы вырвалась из сердца военного капельмейстера Ильи Шатрова вальсом, вошедшим в музыкальную сокровищницу России...

Как хотите, но коль мы говорим о возрождении России, то должны, обязаны знать, какой она была и в далёком прошлом, и в недавнем. А была она – всякой: и похожей на дворянскую идиллию из залихватского романа: «Гимназистки румяные, от мороза – чуть пьяные», и совсем иной: тёмной, невежественной, бесправной, какой изобразил её в своём безжалостном стихотворении поэт Дмитрий Веневитинов: «Грязь, мерзость, вонь и тараканы, и надо всем – хозяйский кнут, и вот что многие болваны священной родиною зовут...»

ГДЕ ВЫ, ЛЕТОПИСЦЫ?

Будем откровенны: на сегодня самыми ревностными собирателями и хранителями исторического прошлого являются в основном учителя сельских школ со своими учениками. Они сами создают музеи, хотя это слово для тех «краеведческих уголков», что существуют там, звучит слишком громко. К тому же вещи пропадают, сгорают, рассыпаются в прах: нетленно лишь слово. И можно только порадоваться тому, что появились документальные книги, посвящённые отдельным сёлам. Среди такого рода произведений выгодно отличаются богатой фактурой и хорошим слогом книги известного воронежского литератора Евгения Новичихина: одна из них повествует о бывшей вотчине Веневитиновых – деревне Новоживотинное. Другая – о родном селе писателя – Верхнем Турове. Уже несколько раз издавалась летописная книга ныне покойного учителя и краеведа Н. Ильинского «Рамонь», на создание которой он потратил – подумать только! – несколько десятилетий, а точнее, всю свою жизнь.

Вот был бы в каждом селе свой летописец – подвижник местной культуры, учитель, краевед, а может, и профессиональный писатель?! Именно они могли бы создавать сводную летопись сёл и деревень всей России, что в конце концов могло бы стать воистину энциклопедией российской деревни – тем неистребимо прочным фундаментом, на котором только и можно воздвигнуть на века новый

дом, имя которому «Память» или «История», из которой, как и из песни, слова не выкинешь. Только бы не опоздать!

К несчастью нашему, десятки лет мы существовали как бы в беспамятстве, в глупой уверенности относительно того, что родословные нужны лошадям да породистым собакам, чтобы их повыгоднее продать. Теперь же, спохватившись, мы кинулись на поиски своих корней, зачастую обнаруживая с запоздалым сожалением: а поезд-то, увы, уже ушёл! Сгорели церковные архивы, умерли самые близкие и родные люди... Вот и ваш покорный слуга так и не успел расспросить свою мать о том, что за люди были мои предки. А когда её не стало, то нашёл-таки «свободный денёк» и бросился расспрашивать отца. Кое-что удалось записать до его кончины. И теперь на моём родословном древе ветви растут лишь с одной – отцовской – стороны. Поэтому я, наверное, постоянно ощущаю на себе горький укор маминых глаз, следящих за каждым шагом из того, высшего, горнего мира, куда уходят все, но откуда никто никогда не возвращается. Не ведаю, простит ли мне моё опоздание Господь Бог, но сам себе я этого никогда-никогда не прощу...

ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ НАЧИНАЛАСЬ С ВАЛЬСА

На родине автора знаменитой мелодии создан музей, а вот оркестра больше нет. Нынче Землянск – село, а когда-то был городом. Однако, несмотря на скромный теперешний статус, располагает собственным краеведческим музеем при местной школе. Откуда у землянцев интерес к краеведению? «Всё началось с вальса», – отвечает здешняя учительница истории Лариса Смирнова.

Где-то в середине 60-х годов, в пору «оттепели», когда страна очнулась от затяжного страха и беспамятства, в людях проснулась жажда познания прошлого, выходящего за рамки «революционного». И вот однажды тогдашняя историчка Галина Анохина спросила на уроке в девятом классе: «А кто знает, откуда родом композитор Шатров – автор всем известного вальса «На сопках Маньчжурии?» Ни одной поднятой руки. Ребята даже и не подозревали, что Илья Алексеевич Шатров родился здесь, в Землянске.

Уездный городок Землянск конца XIX – начала XX века – это обитель купцов, мещан и работного люда. Долгими летними вечерами в старом парке на открытой эстраде играл духовой оркестр. Слушал эту музыку ясноглазый мальчик Илюша Шатров, младший сын Алексея Шатрова, отставного унтер-офицера лейб-гвардии. Илюша научился играть на балалайке за неделю. А уж на появившейся затем в доме подержанной гармонии-трёхрядке десятилетний самоучка Илюша воспроизводил почти всё из того, что слышал в летнем парке.

Но, как говаривал впоследствии сам Шатров, в его душе всегда жила «своя собственная песня» – вернее, предчувствие её. Не покидало оно его и в те дни, когда мальчик, осиротев, оказался благодаря протекции уездного головы в воспитанниках полковой музыкальной команды и классно выучился играть на трубе и барабане. Потом судьба

преподнесла царский подарок – возможность учиться в Варшавской консерватории, откуда юноша вышел с дипломом, дававшим право на занятие должности военного капельмейстера. Двадцатилетним подпоручиком принял под свою команду духовой оркестр Мокшанского полка, расквартированного в Екатеринбурге. С приходом нового дирижёра тамошний оркестр стал пользоваться в городе большой популярностью. Грянула война с Японией. Прямо из вагонов 214-й Мокшанский полк послали в осаждённый город-крепость Мукден. На одиннадцатый день сражения сомкнулось кольцо вокруг поредевшего полка, и тогда последовала команда:

– Оркестр и знамя – вперёд!

Со шпагой в руке – капельмейстер Шатров. Взмах шпаги – и над окопами, над воронками от снарядов, над теми, кому уже не встать с земли, поплыл марш – по-русски безоглядно удалой и бесшабашный. Вскрикнув раненой птицей, затих кларнет. По лицу старого трубача текла кровь. Барабанщик, тяжело припадая на левую ногу, из последних сил выбивал лихую парадно-строевую дробь. И так, с оркестром и развёрнутым знаменем, полк вышел из окружения.

Шедший впереди оркестра капельмейстер не получил ни единой царапины, но двое его оркестрантов погибли, а семерых тяжело ранило. Всех – и оставшихся в живых, и павших – мокшанцев наградили Георгиевскими крестами. Капельмейстер Высочайшим указом был удостоен золотого ордена Станислава третьей степени – за храбрость и хладнокровие, с которыми он шёл, ведомый музыкой, на вражеские пули.

На нотах своего только что родившегося вальса Илья Алексеевич сделал надпись: «Мокшанский полк, на сопках Маньчжурии». Этим названием он лишь хотел зафиксировать место создания произведения, вовсе не собираясь живописать в музыке ни дальневосточный пейзаж, ни батальные сцены. До конца своих дней маэстро настаивал на том, что «На сопках Маньчжурии» – отнюдь не реквием в ритме вальса, это объяснение в любви к Родине.

К вальсу, покорившему всю Россию, ставшему одним из её национальных символов, было написано множество текстов. В наибольшем ходу до сих пор остаются слова, сочинённые к мелодии Шатрова известным писателем и бунтарём Скитальцем (псевдоним С. Петрова): «Тихо вокруг, сопки покрыты мглой...»

Творческая же биография Шатрова и после 1917 года шла в прежнем русле. Он «командует» духовыми оркестрами в различных городах, в том числе в Тамбове. Но подоспела ещё одна война. В 1941 году вальс «уходит на фронт» – вместе со своим автором, скромным военным капельмейстером. (Помните, об этом «Вальс о вальсе» уже другого композитора, много лет спустя: «Вальс воевал, он в шинели шёл запылён, вальс напевал про маньчжурские сопки...»). А под Шатрова танцевали в прифронтовых лесах, когда молодость и жажда жизни брали своё, когда надо было хоть ненадолго забыть о смерти, о завтрашнем бое...

После Победы Илья Алексеевич возвращается в Тамбов. Он – гвардии майор, награждён боевым орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу» и «За боевую доблесть». Дальнейшее своё служение армии и музыке военный дирижёр Шатров продолжает в Тамбовском суворовском училище. Его земной путь завершился в 1952 году. Упокоен Илья Алексеевич на местном Воздвиженском кладбище. Над могилой – плита из белого мрамора с надписью золотом: «Гвардии майор, композитор Илья Алексеевич Шатров. Творец вальса «На сопках Маньчжурии». Установлены мемориальные доски на здании нынешнего Тамбовского военного авиационно-инженерного института, на домике, в котором жил Илья Шатров.

Чтят и помнят маэстро и в его родном Землянске. Права упомянутая в начале этих заметок Лариса Смирнова: вальс дал толчок к созданию интереснейшего музея, где наряду с экспозицией, посвящённой Шатрову, есть уникальные материалы, рассказывающие о многих других выдающихся деятелях культуры из Землянска. Бывший уездный городок и ныне выглядит почти так же, как во времена детства и юности Илюши Шатрова. Нет лишь в Землянске былого парка с длинными тенистыми аллеями и с духовым оркестром. Стало быть, и вальс «На сопках Маньчжурии» теперь здесь вряд ли услышишь в живом исполнении. А жаль.

2002 г.

ЖЕНСТВЕННА, КАК НАТАЛИ, И ВСПЫЛЬЧИВА, КАК ПУШКИН

Прапраправнучка великого поэта имеет звание профессора, а выживает лишь благодаря урожаю со своего огорода.

Потомки Александра Сергеевича Пушкина живут по всему свету. Многие из них, особенно после 1917 года, обосновались в США и в Швейцарии, во Франции и в Италии, в Англии, в ФРГ и даже на Гавайских островах. Вся заграничная поросль от пушкинского древа – народ в большинстве своём титулованный: графы, баронессы, маркизы, великие князья, княгини. Есть наследники поэта и в российской глубинке, например, в небольшом городке Мичуринске уже не один десяток лет работает, растит детей Галина Северьяновна Усова, приходящаяся Александру Сергеевичу прапраправнучкой.

Как известно, у Пушкина и Гончаровой было четверо детей: «Машка, Гришка, Сашка и Наташка...» Один из сыновей, Сашка, стал генералом Александром Александровичем Пушкиным. И все, чем царь и Россия одарили его, – генеральским чином, множеством боевых наград, в том числе и золотой георгиевской саблей с надписью «За храбрость», – он заслужил на поле брани, командуя гусарским полком, особенно отличившимся в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Старшая дочь генерала Пушкина Наталья, в замужестве Воронцова-Вельяминова, родила шестерых детей. Впоследствии одна из её дочерей – Мария – вышла замуж за Евгения Ипполитовича Клименко, служившего предводителем дворянства и мировым судьёй в белорусском городе Бобруйске. Их же дочь, Ольга Евгеньевна, умершая сравнительно недавно, в 1993 году, и похороненная в Мичуринске, – мама Галины Усовой. Отца своего она не помнит: он сгинул без вести ещё в 1939 году где-то в смертельно-белых финских снегах.

Родившаяся в Архангельске с его суровой и бедноватой природой, сама Галина с детства бредила яблоневыми садами, поклонялась своему кумиру Ивану Владимировичу Мичурину. Простившись со школой, поехала учиться не куда-нибудь, а в город его имени, где, блестяще выдержав вступительные экзамены, стала студенткой плодово-овощного института, который с тех пор для неё всё: и жизнь, и слёзы, и любовь. Да, и любовь тоже: здесь повстречала она изумительного человека и большого учёного, ставшего её мужем, Владимира Коровина, профессора, лауреата Государственной премии, чей жизненный путь, к сожалению, оборвался на самом взлёте. Двое их сыновей пошли по стопам отца и матери: оба ныне – студенты Мичуринской академии. А вот самый старший защитил кандидатскую диссертацию по высшей математике.

– Когда же девочка из Архангельска осознала свою кровную связь с Пушкиным?

– Я знала, что являюсь одной из веточек древа, растущего от Александра Сергеевича и Натальи Николаевны, с самого раннего детства, да не придавала этому никакого значения. Но вот однажды, по-моему, в третьем классе, выйдя на перемену, была поражена тем, что чуть ли не вся школа выстроилась в шеренгу вдоль стены и во все глаза рассматривает меня с таким интересом, словно я только что вернулась откуда-нибудь с Альфа-Центавры. Чуть погодя выяснилось, в чём дело: оказывается, архангельская газета «Правда Севера» опубликовала статью о потомках Пушкина, в числе которых была названа и я. Стой поры даже самые близкие мои друзья и подружки стали относиться ко мне, как к существу иного порядка, нежели они, что, кстати, меня сильно огорчало. Я никогда – ни тогда, ни сейчас – не ощущала себя выше других. Такая же, как все. К тому же недаром говорят, будто природа отдыхает на потомках великих людей. Между прочим, моя мама, которая по времени была ближе к боярам и столбовым дворянам, чем я, держала в Архангельске, где прошло

моё детство, и корову, и всякую другую живность, управлялась с хозяйством не хуже прирождённой крестьянки...

И всё-таки, в конце концов, пришло осознание, что подобное родство ко многому обязывает. Особенно эта мысль укрепилась после того, как нас с мамой пригласили в 1949 году в столицу на торжественное заседание, посвящённое 150-летию со дня рождения Пушкина, где присутствовали сам Сталин и все члены Политбюро. Тогда же родственникам поэта, собравшимся в Москву, была оказана материальная поддержка – нам с мамой дали бесплатные путёвки в Евпаторию.

А ещё нам всем подарили по патефонной пластинке с оперой «Евгений Онегин». Её я буду беречь до конца своих дней и сыновьям передам по наследству.

Слушаю интеллигентный, исполненный достоинства голос Галины Северьяновны и думаю о том, о чём на моём месте, наверное бы, думал каждый. Ведь в этих интонациях, в манере себя вести обязательно сохранилось что-то и от Александра Сергеевича, и от Натальи Николаевны, кстати, родившейся здесь, на Тамбовщине, в имении Кариан.

– Галина Северьяновна, а не находите ли Вы в своём характере, в своей душе родовые черты, заимствованные от Пушкина, например, его вспыльчивость?

– Вспыльчивость Александра Сергеевича есть и во мне в какой-то мере... Иногда сдерживаюсь, а иногда ничего не получается, хотя жизнь требует, чтобы человек был сдержан, обладал бы элементами дипломатии. Ну, такой вот холерического типа характер иногда проявляется. Ведь Александр Сергеевич в основном холерик... И такие же черты у меня раньше больше проявлялись, а сейчас с возрастом мудреешь и всё чаще удаётся с собой совладать. Если говорить с точки зрения биологической науки, то Пушкин – это вспышка гетерозиса, то есть такой комбинации наследственных признаков, при которой индивид наделяется необыкновенными качествами, талантом. Наш Пушкин мог родиться где угодно: во Франции, в Америке, в Египте, но Бог выбрал для него Россию...

– Как думаете, почему?

– Чтобы спасти её.

– От чего?

– От тёмных сил, стремящихся «перевоспитать» народ в своём сатанинском духе. Вы, верно, знаете, что сразу после революции раздавались голоса, требовавшие «сбросить Пушкина с корабля Истории». К счастью, он устоял.

– А для чего ж тогда Бог послал России, допустим, Чайковского?

– Для того же самого.

– А художника Левитана?

– Аналогично.

– Эдак мы с вами приходим к своеобразному толкованию известного изречения Достоевского о красоте, которая спасёт мир?

– По-моему, так оно и есть. И Пушкин, и Лермонтов, и Глинка, и Чайковский, и Левитан – можно перечислять достаточно долго – творили как раз то, что нам надо, – исцеляющую, спасительную красоту... А я бы ещё добавила, исходя из нынешних реалий, что Россию могут спасти Совесть и Порядочность. Эти два слова всё в себя вмещают. Иногда вспоминаю: ведь я была ярой поклонницей Ленина и комсомола и всё принимала за чистую монету, но, к сожалению, многое было основано на лжи. А до тех пор, пока всё будет строиться на такой основе, ничего не получится...

– Что это мы всё о Пушкине да о Пушкине? Блистательная Наталья Николаевна такая же вам родня, как и он. Как вы к ней относитесь?

– С преклонением.

– И вас не смущают публикации, рисующие её как особу, поглощённую нарядами, балами да «выбиванием» денег у своего загнанного мужа?

– Это неправда. Точнее, злонамеренная обывательская ложь. Наталья Гончарова при своей красоте была ещё и очень образованным человеком, свободно владела тремя языками – английским, немецким и французским. А не так давно в Москве, в гончаровском фонде архива древних ак-

тов, отыскивались несколько ученических тетрадок Натальи. Первая датирована 1820 годом, когда ей было всего лишь восемь лет, а последняя, по немецкой грамматике, – 1829-м. Поражает широта интересов этой девочки-аристократки. Она очень увлекалась географией. Особенно Китаем. В тех тетрадках можно найти и высказывания древних философов-мудрецов с Наташиными «рemarkами», и правила стихосложения с примерами из Княжнина и Хераскова.

Наталья Гончарова родилась в поместье Кариан, расположенном в 30 верстах от Тамбова, на месте впадения реки Кариан в Цну, тут и была крещена в Знаменской церкви. От барского дома с колоннами к сегодняшнему дню почти ничего не осталось, но сохранились следы старинного парка. Устояла и полуразрушенная церковь, которая пока ещё подлежит восстановлению. Но где взять деньги? Рассчитывать на пожертвование не приходится, как и повсюду, местный православный люд обнищал до крайности.

– Первое, что приходит в голову при виде бывших дворянских усадеб: а если их отдать во владение прямых потомков тех, кто был здесь когда-то полновластными хозяевами? Возвращаются же наследники богатых людей к добру, нажитому предками, в странах Западной Европы, в Прибалтике?

– Ах, оставьте... – Галина Северьяновна отмахивается от этой «заманчивой идеи», словно от надоедливого комара.

– Вы против?

– Обеими руками. Думаю, что подобные «проекты» – от лукавого. В одну и ту же воду дважды не войти...

– А как вы, представитель элитной части провинциальной интеллигенции, относитесь к той духовной пище, которую предлагает нам телевидение, — «мыльные оперы», поп-музыка?..

– Поначалу, когда «мыльные оперы» впервые замелькали на телеэкране, я, кажется, что-то смотрела, что-то такое, латиноамериканское. О чём шла речь – убейте, не вспомню. Врезалось в память лишь одно слово: фазенда... Прихожу в ужас от текстов большинства шлягеров: сплошная тавтология, бессмыслица! Так и поверишь, что у

нас, в России, на данный момент реализуется программа по дебилизации молодёжи посредством так называемой поп-музыки. Правда, успокаивает то, что мы неизбежно богаты народными песнями, к коим я отношу, мне кажется, с полным правом то, что пели Утёсов, Шульженко, а в 60-е годы – Магомаев и другие. Одного не пойму: отчего современные музыканты не пишут мелодии на великолепные, благозвучные стихи Фета, Баратынского...

– А сколько ещё неспетого Пушкина?

– На мой взгляд, романсов и оперных арий на его стихи написано немало. Пушкин нуждается в другом: его надо перечитать вразбивку нынешними глазами. По себе сужу, такие хрестоматийные шедевры, как, предположим, «Анчар» или «Товарищ, верь, взойдёт она», я сегодня воспринимаю совершенно иначе, чем в студенческие времена или в 70-е годы. Поэтому мой вам совет: перечитывайте Пушкина. У него вы найдёте ответы и на многие вопросы, которые мучают нас всех в самом конце двадцатого века. А господам политикам, не перестающим клясться в решимости довести реформы до конца (хоть бы сказали, до какого именно), я бы порекомендовала непременно перелистать Александра Сергеевича: может быть, тогда они поймут, куда надо идти России и зачем.

– В этой связи, Галина Северьяновна... Не секрет, что Россия оказалась как бы в идеологическом вакууме. Народ не видит перед собою цели, не имеет чёткого, объединяющего всех девиза, под знаком которого он бы жил, работал, творил, дышал...

– А чем, скажите, плох Пушкин: «Мой друг! Отчизне посвятим души прекрасные порывы!» Чего нам ещё надо?! Сейчас время такое, что и у богатых людей Отчизна должна бы быть на первом плане, а уж курс доллара – на втором, если не где-нибудь подальше...

– Какой бы вы подарок хотели получить к 200-летию со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина?

– Я его уже получила.

– Откуда?

– Из Болгарии. Это красочно оформленная книга с переводом на болгарский язык романа «Евгений Онегин», которая только что вышла в издательстве «Родопи». Её мне прислал поэт-переводчик Георгий Талев: «Усовой Гале на память о нашей дружбе с пожеланием встретиться когданибудь снова!» Для меня это очень дорогой подарок.

* * *

Встречаются же на свете такие собеседники, с которыми досыта наговориться невозможно. Галина Северьяновна Усова – из их числа. Как интересны её суждения о поэтах золотой плеяды, чьё творчество украсило собой девятнадцатый век. С каким изысканным литературным вкусом говорит она и о современных поэтах, среди которых для нее на первом месте Александр Твардовский. Но, по мнению коллег и студентов, больше всего Галина Северьяновна становится похожей на своего прапрапрадедушку, когда читает лекции об индуцированных и спонтанных краснолистных мунтанах. Читает, кстати, на прекрасном русском языке.

Характерная деталь: в течение довольно продолжительного нашего разговора Галина Северьяновна неохотно, вскользь обмолвилась о своём житье-бытье при нищенской «профессорской» зарплате. Спасает её семью лишь «фазенда». Поскольку своего транспорта в семье нет, то до этой самой «фазенды» она добирается сначала на автобусе (почти час езды), потом столько же идёт пешком. Вроде близко, но обратный путь после того, как повкальываешь весь световой день, кажется ой каким далёким и долгим. Сыновья ей, разумеется, помогают лишь в тех случаях, когда требуется «грубая мужская сила». К работе на грядках мать их не допускает: только она со своими знаниями и необыкновенно трудолюбивыми руками способна получать с огорода гарантированно высокие урожаи. Они-то, эти руки, и спасут Россию, как спасал её и спасает своими стихами-молитвами гениальный прапрапрадедушка Галины Северьяновны Усовой – Александр Сергеевич Пушкин.

1998 г.

ЖИВАЯ ВОДА

Удивительные люди живут в российской глубинке. Пётр Фёдорович Кретинин родился на хуторе Бобров, на том самом, что известен всей Воронежской области своим чудодейственным «Проявным колодцем». Согласно легенде, в этом святом источнике ещё до революции проявилась икона Божией Матери – отсюда и «Проявный». Затем она, находясь многие годы в ближайшем храме, купола которого возносились над большим селом Синие Липяги, исцеляла поверивших в неё от тяжких болезней, порчей и наговоров. Когда по России пронеслась волна атеистической истерии, прекрасная церковь была разрушена, погибли и поруганные иконостасы. Но народная молва упорно десятки лет твердила, что заветная икона Божией Матери осталась целой и невредимой и лишь ждёт своего часа, чтобы проявиться вновь, принеся людям свет и счастье...

В ожидании этого чуда прошло всё детство деревенского мальчишки Петрушки Кретинина. Ох, детство! И голод, и холод... Изба с серой соломенной крышей, немудрёный крестьянский инвентарь во дворе. Рос без отца. К труду его никто не «приучал». Но и не отучал тоже. «Мужичок с ноготок» к зиме сам себе делал салазки или коньки из деревянных треугольных чурбачков, окованных толстой проволокой, сам себя обувал, научившись плести замечательные лёгкие и тёплые лапти. К двенадцати годам он чувствовал себя солидным мастеровым человеком. Деревня тогда богатой была лишь в кинофильмах. А на самом деле – по ночам керосиновые лампы, земляные полы, дети на соломе. Гармонь считалась небывалой редкостью. Но Петьке повезло: откопал где-то старую порванную, безголовую. Стал делать из неё новую. И представьте себе: как-то летним вечером услышали изумлённые соседи звуки

музыки с подворья Кретиных. Глянули – Петька играет. Да так ловко!

Когда война началась, стало не до гармонии. В то время Петька получил от своей деревни новый «соцзаказ»: сделать безотказную общественную зажигалку. Спичек не было. И он быстро справился с заказом. По утрам со всех концов села спешили к нему хозяйки, неся в завернутых платках горшочки с древесным углём – «для розжига». Если светило солнце, то Петька включал устройство из нескольких линз и фитиля, мгновенно воспламенявшегося от сфокусированного солнечного лучика. На случай же пасмурной погоды он сконструировал другую зажигалку: быстро вращающиеся ролики высекали из камня на фитиль всплески голубых искр...

Уже после войны колхозная строительная бригада восстанавливала свинарники, коровники, овчарни. Шестнадцатилетний Петька испытывал большие душевные страдания, видя, как первобытен и непродуцирован труд плотников. И вскоре на колхозном дворе появился универсальный деревообрабатывающий станок с ручным приводом (электричества тогда в колхозе ещё не было). Пётр до этого никогда не видел подобных станков, поэтому «содрать» его устройство не мог даже по памяти. Придумывал, рассчитывал всё сам.

Как ни удивительно, но тогда, в трудную послевоенную годину, руки и головы таких умельцев, как Кретинин, находили большее применение, нежели во времена относительного спокойствия и благополучия, когда крестьянину напрочь было отказано в праве жить своим умом. Как золотую пору своей жизни вспоминает сейчас местный Кулибин восемь лет своей жизни, отданных колхозной строительной бригаде. Ему тогда не надо было никому навязываться со своими техническими идеями. Наоборот, за ним ходили.

Всего, что за свою жизнь напридумывал и изобретал Кретинин, он и сам не перечислит. Однажды сконструировал универсальную машину для вывозки и внесения орга-

нических и минеральных удобрений. Машина эта демонстрировалась на выставке технического творчества, заслужила много восторженных отзывов от именитых сельхозников, но с выставки она куда-то бесследно исчезла. Жаловаться Кретинин никуда, естественно, не стал – не в его это характере. Засучив рукава, взялся за реализацию новой идеи. Его кормораздатчик для свинофермы при всей своей дешевизне и простоте заменил бригаду скотников из семи-восьми человек.

И только раз в жизни на очередное предложение вместо привычного «Нет вопросов» он сказал: «Это надо крепко обмозговать». Он сказал так, когда ему предложили пойти в сельскую школу учителем труда. Прикинул: да, с официальным образованием у него не очень, война, жестокое ранение. До учёбы ли было? Всему учил себя сам. А представив, какие чудеса можно творить с жадным до всяких фантазий ребячьим людом, пошёл в свою бригаду прощаться. С тех пор стал Петро исключительно Петром Фёдоровичем. И вот уже несколько лет работает как бы на два фронта. Навозоразбрасыватель, кормораздатчик, деревообрабатывающий станок – это для колхоза. Мастерская, оснащённая всеми мыслимыми и немыслимыми инструментами, музыкальными часами с игрой света и с «живыми» куклами, особые верстаки и многое другое – для школы.

Так состоялась ли жизнь, судьба, биография? Если судить по количеству полученных почётных грамот и дипломов, ценных подарков, вроде всё в ажуре. Да и как учитель, он, пожалуй, может быть доволен: почёт, уважение, благодарственные письма от учеников. А как изобретатель как творческая личность? Всё, что ни делал, ни конструировал, – всё так ведь и осталось в одном экземпляре, для «внутриколхозного пользования». Не в чести у нас пока крестьянская мудрость.

Недавно Пётр Фёдорович изобрёл оригинальный, практичный миниинкубатор. Подогрев водяной, включение и выключение – автоматическое. Работает 24 минуты в сут-

ки, включаясь каждый час всего на одну минуту. За весь срок «высживания» цыплят расходует электроэнергии всего лишь на 80 рублей по сегодняшним расценкам. Легко подсчитать, какой фантастически низкой при этом окажется себестоимость выпускаемой «пушистой продукции». Но... С этим своим изобретением Кретинин стучался уже и в район, и в область. К инкубатору всюду отнесли с живым интересом, его автора пригласили на солидный сельхозфорум, вручили очередной ценный подарок, но дальше опять дело не пошло.

И всё-таки не унывает мастер.

«Не для того меня Бог дважды вытаскивал с того света, – говорит он, – чтобы все мои помыслы исчезли со мной вместе...»

Да, он дважды был между жизнью и смертью. Первый раз в войну, когда его, двенадцатилетнего деревенского пацана, резануло по правой стороне головы осколком немецкой мины.

Второй раз он оказался в подобной ситуации совсем недавно. Настигнувшая болезнь обещала одно: медленное, но верное угасание. Выжил. Ни таблетки, ни скальпель хирурга подняли его на ноги: только сила характера и любовь ко всему, что мы называем жизнью. К цветущей ветке сирени за окном, к петушиным крикам на заре, к хоженной-перехоженной дороге от дома до школы, к колодцу под старой берёзой...

Преодолевая боль и физическую немощь, занимался гимнастикой, нянчил гантели, затем перешёл на акробатику. И вот однажды ведущий концерта, что проходил на сцене районного Дома культуры, объявил его выход: «Выступает учитель Михневской сельской школы Пётр Кретинин. Акробатический этюд». В это трудно поверить, но акробатические номера на том концерте демонстрировал человек, которому уже под шестьдесят и который недавно выкарабкался из тисков рокового недуга.

«Таких, как я, мужиков на деревнях много, – считает он, – и у всех судьба, как у нашего «Проявного колодца»: чего

только с ним не вытворяли? И срубы регулярно сжигали, и керосин с соляркой в него лили, а он, как ни в чём не бывало, стоит себе и посейчас, поит добрых людей живой водицей. Вот вы можете себе представить: хоть десять лет её держи в кувшине, а она всё равно будет такой, словно только что из родничка...»

Жив-здоров не только «Проявный колодец» (его, кстати, в данный момент местные власти содержат в образцовом состоянии). Не так давно нашлась в Синих Липягах и знаменитая икона Божией Матери. Её спасли-таки верующие крестьянки, передававшие святыню из рук в руки лишь перед смертью. Деревенский самородок Кретинин видит в этом событии «великий знак», поскольку хорошо запомнил, что говорили когда-то на селе знающие люди: «Как только икона снова проявится где-нибудь вблизи от святого колодца, так, значит, начнётся и совсем другая жизнь. Жизнь по совести, по правде, по труду и по уму...»

СОБАЧЬЯ ВЕРНОСТЬ

Баба Сима умерла ночью. Вечером соседи, колготившиеся на своих подворьях, мельком замечали, как она кормила кур, ходила в колодец за водой, собирала опавшие с яблонь листья, которыми каждый год укрывала от приближающейся зимней стужи посаженные осенью чеснок, морковку и другую «мелочь». Её любимец пёс, по распространённой кличке Шарик, всё это время крутился под ногами: «Ну, чего ты мешаешь ходить-то? Исть захотел, так скоро ужинать пойдём...»

Всё. Больше бабу Симу живой никто не видел. Хватились утром: кур пора выпускать на волю, а курятник её закрыт, как и закрыта была вечно распахнутая дверь в сени избушки.

Первой хватилась бабы Симы её товарка Анастасия, что жила ближе всех от бабы Симы, да и навевывалась к ней с утра до вечера: то по каким-либо делам, а то и просто «погугарить», особенно по осенним вечерам, когда дела все в основном уже были переделаны. Анастасия Петровна долго стучала и в дверь, и в единственное малюсенькое оконце из куска стекла, притороченное специальной замазкой. Баба Сима молчала. Лишь было слышно, как Шарик, забившись куда-то в угол, под кровать, произносил самые разные звуки: то злобно рычал, мол, никого сюда не пушу, то как-то скорбно, как это умеют делать только собаки, подвывал, а то переходил на хрипловатое тьяканье. Почувяв неладное, Петровна окликнула единственного на всей улице в эту пору мужика – Василия Герасимовича. Тот, часто семеня, прибежал к крыльцу с маленьким ломиком-фомкой, легко, безо всяких усилий снёс с петель уже прогнившую дверь и тут же нарвался на злобное рычание Шарика. «Миленький, – заголосила Петровна, – да мы ж все так тебя любим, ну, дай нам к хозяйке подойти...» Ни с места. Лёг на коврик возле кровати, на которой упокоилась

баба Сима и – знать никого не знает. Еле уговорили. Бабы бросились рыдать, мужики молча смахивали слёзы. Все они не могли иначе: дело в том, что хуторян с каждым годом становится всё меньше и меньше, да и баба Сима была у них «командир полка», то есть бригадир. Без её команды ни одной работы в поле не начиналось.

Поголосив, Симины подружки начали перешёптываться, с чего следовало начинать и кому чем заниматься. Дело-то нешуточное: человека в последний путь полагается проводить со всеми почестями.

Шарик тем временем, проскочив между ног собравшихся соседей, подбежал к сараю. Встав на задние лапы и потолкав передними не шибко запертую дверь курятника (так он поступал многие годы), выпустил на волю хохлаток, сам же, хлебнув на бегу водицы из кастрюли, улёгся напротив крыльца и стал внимательно наблюдать за всеми, кто заходил к ним в эти скорбные минуты. Пёс уже понял, что в их домишко пришла какая-то страшная беда.

...Ближе к обеду Василий Герасимович привёз на телеге из райцентра гроб, уже обитый тёмно-синим ситцем. Женщины начали приносить в Симин дом тарелки с какой-то едой. Некоторые протягивали Шарику кусочек мяса или косточку, но он, глядя на них своими грустными глазами, молча отворачивал голову, словно говоря тем самым: «У меня горе вон какое, а вы со своей косточкой...»

Люди вы, люди! Если б вы только знали, что собаки как-то только им одним известным чутьём узнают, что в их доме радость или горе. А ведь они узнают и чувствуют это очень хорошо и безошибочно.

Свою любимую хозяйшку Шарик увидел только тогда, когда гроб с её телом вынесли из дома. Он с радостным визгом, чем вызвал море слёз у присутствующих, бросился к ней, но она никак на него не отреагировала. Тогда он ткнулся носом в её руки, но она не шевельнула ими, не погладила, как прежде, по голове. И тут Шарик заметил, что Сима его какая-то холодная, а не такая, какой была всегда, тёплой, нежной. Тихо поскуливая, пёсик отошёл в сторону,

туда, где поменьше людей, и забравшись на пригорок, он ещё раз увидел свою хозяйшку. В последний раз.

Мужики погрузили гроб на телегу, и похоронная процессия направилась в сторону деревенского кладбища. Там, как положено, постояли у ворот, а потом, петляя между холмиков, сгнивших крестов и поржавевших памятников, подошли к только что вырытой могиле. Женщины ещё поплакали, попрочитали по своей подруге, с которой вместе росли и вместе переживали радости и трудности, выпавшие на их долю. Шарик – хитрый пёс – всё это время шёл за людьми: он должен был запомнить тропинку до того места, куда относят его Симу, чтобы в любой момент найти к ней дорогу.

...Крепкая, трогательная дружба у бабы Симы с Шариком началась давным-давно, когда она однажды далеко за околицей подобрала в поле маленький пушистый комочек. Это был щеночек, прибежавший на свекольную плантацию неизвестно из какого села, видимо, отбившись от своей мамы, он заблудился среди высоких листьев сахарной свёклы. Баба Сима завернула его в свой фартук и принесла домой. Напоила молочком, соорудила ему подстилку рядом со своей кроватью: он ещё много пищал и плакал. Выходила, выкормила она его, и он потом долго служил ей верой и правдой: помогал по хозяйству чем мог – к вечеру загонял курей на насест, а утром выпускал их на травку; громко таякал, если чужой человек проходил мимо их подворья; лизал её уставшие, морщинистые руки, когда она присаживалась отдохнуть на густую травушку-муравушку.

И так они прожили вместе около двадцати лет. Но всему – и плохому, и хорошему – бывает конец. Пришёл конец и большой любви между бабой Симой и Шариком. Вот её уже опустили в глубокую яму, вот уже и холмик возвели, крест дубовый поставили, прозвучал самодельный хор певчих – всё честь по чести.

Бедный же Шарик тем временем всё бродил вокруг, дрожа всем телом и жалобно-жалобно поскуливал. Раз да-

же отчаялся – начал разрывать холмик, где, мол, тут моя Сима, но его сочувственно прогнали.

До сумерек он, не переставая скулить и жалобно подвывать, пролежал в кустарнике, что окружает кладбище, а потом сбегал на хутор и улёгся, было, на своём крыльчке, но тут его окликнула увидевшая горемыку соседка Симины и предложила ему еду. К миске с кашей Шарик даже и не прикоснулся. Постоял, подумал о чём-то о своём и скрылся в темноте. Звали его, звали – не вернулся.

А на следующий день хуторской пастух рассказал такую историю: «Гоню я, значит, своих бурёнок к дальнему буераку, они уже много лет, как протоптали себе тропинку невдалеке от кладбища. И вот я слышу, что там кто-то плачет. Вроде и человек, а вроде и нет. То замолкнет на время, то опять начнёт, да таким голосом – мурашки по телу. Мне так робко стало, что хоть впору на хутор возвращаться. Остановился, прислушался как следует: Бог мой! Да это же собачка по-своему плачет. Я раздвинул ветки кустов, пригляделся и узнал в той собачке Симиного Шарика. Облегчённо вздохнув, позвал его. Тот и хвостиком не вильнул. Только примолк малость. А когда стадо удалилось от кладбища, то я опять услышал жалобный плач. Ну, как ребёнок, честное слово... Я потом много раз слышал всё тот же плач и видел, как Шарик, свернувшись в клубочек, лежит на холмике и стонет, и стонет...»

Ближе к осени Шарик начал чаще похаживать в хутор: голод пробрал. Там его кто завтраком попотчует, кто – ужином, в общем, приспособился побираться. Так он осваивал новый для него образ жизни без верного друга бабы Симы – горький, тоскливый, одинокий. Поест среди людей и опять на холмик. И в дождь, и в жару, и в лютые морозы. Кто только из хуторян ни пытался приласкать пёсика и оставить его жить у себя. Бесполезно. Ни к кому не пошёл. Тогда все смирились с его поведением и перестали приставать к нему.

Однажды, дня два не видел Шарика на хуторе, самые жалостливые отправились на кладбище узнать, что там с

ним. Шарик, вытянувшись почти во весь Симин холмик, лежал мёртвым. То ли тоска его доконала, то ли годы отсчитали своё. Как знать? Его закопали за кладбищенской оградкой – всё поближе к хозяйшке.

С того времени, как умер Шарик, прошло уже порядочно лет, а рассказ о его верности бабе Симе живёт и поныне. И кто бы ни приезжал в Терновку впервые, ему непременно поведают душещипательную историю о собачьей преданности. Стоит только спросить: «Это правда, что у вас на хуторе жила собачка, которая...?» И Симины соседки наперебой начинают рассказывать про удивительного пёсика.

Вот и мне, будучи в Терновке, довелось услышать повествование местных жителей об исключительно чудесной собачке с распространённой кличкой Шарик.

ГОРИТ ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМА

Две почти святочные истории, случившиеся не под Рождество.

...Пришли волхвы, ведомые Вифлеемской звездой, к пещере, где родился Он, и, став на колени, положили перед Богомладенцем Иисусом свои дары: золото, ладан и смирну – как Богу, царю и человеку в одном лице. С тех пор чудесная звезда светит каждому из нас, и каждый из нас вправе призывно сказать: «Гори, сияй, моя звезда!» Вместе с Рождеством Христовым к людям пришло понимание того, что все мы – дети Бога и созданы для любви и вечной жизни. С тех пор Христос – в каждом из нас. И Он порой умирает, распятый на кресте наших греховных страстей и помыслов, но затем вновь воскресает в нас, несмотря ни на какие тяжкие обстоятельства, складывающиеся по вине самих людей...

КОШЕЛЁК С СЕКРЕТОМ

Зимним утром директор росошанской городской школы № 11 Александр Васильевич Лысенко спешил во вверенное ему учебное заведение, будучи углублённым в свои далеко не радужные мысли, крутившиеся в основном вокруг одной и той же оси: где взять деньги на обновление школьного инвентаря, наглядных учебных пособий и, главное, на зарплату вконец обнищавшему педагогическому коллективу. Сердце кровью обливается при виде молодых учительниц, донашивающих стиранные-перестиранные кофточки, костюмчики, купленные ещё при Брежневле, пальто с жалкой, облысевшей норкой, тоже приобретённые ещё «тогда».

В последнее время Александр Васильевич почти постоянно передвигался на своих двоих или в давком общественном транспорте, поскольку личный старенький «жигуленок» пребывал в состоянии перманентного ремонта. К тому же при нынешних ценах на бензин езда на автомоби-

ле для любого бюджетника – слишком дорогое удовольствие. Вот так, глядя себе под ноги, он и шёл, озабоченный, к школе, и совершенно случайно его взгляд упал на какой-то предмет, валявшийся на снегу. Вначале подумал, что это оброненная кем-то из ребятишек кожаная перчатка. Но тут же разглядел – чей-то кошелёк. Решил: портмоне надо принести в школу и объявить о находке «по громкой связи». Глядишь, владелец и найдётся.

Сколько дежурная на вахте ни вещала о том, что найден кошелёк и потерявшего просят зайти к директору, – никто не объявлялся. Тогда Александр Васильевич, мысленно извинившись перед неизвестным владельцем кошелёка, осмелился посмотреть, что в нём. Оказалось, 500 рублей мелкими купюрами. Однако кошелёк тот был с секретом. В надежде найти какие-нибудь документы, директор за матерчатой перегородкой обнаружил почти фантастическую (по его, разумеется, меркам) сумму – 16 тысяч рублей в сотенных бумажках, аккуратно перевязанных резинкой.

Как житейски опытный человек, Александр Васильевич по невзрачному виду кошелёка определил, что он мог принадлежать кому угодно, но только не «новому русскому» или олигарху, случайно забредшему в город Россошь...

А в то же самое время в нескольких десятках километров от средней школы № 11 жительница Кантемировского района Анастасия К. собиралась везти в больницу свою тяжело заболевшую дочь. Накануне мать побывала в Россоши, где запаслась необходимыми медицинскими справками. Запаслась она и деньгами, продав всё, что можно было продать, и взяв ещё займы несколько тысконок у родственников, тоже не сильно богатых. Врачи сказали, что лечение заболевания, которым страдает дочь, требует серьёзных затрат.

– А где же всё-таки мой кошелёк? – вдруг задалась вопросом мать.

– Посмотри в сумке, – посоветовала дочь.

– Уже смотрела.

– Тогда на полке.

Посмотрели и на полке, и в других местах – пусто. И тогда мать, бессильно упав на стул, зарыдала, как говорится, в голос. «Я, такая-рассякая, – сквозь слёзы кляла она себя, – его точно потеряла где-то в Россоши. Помню, как доставала справки и как потом бросила его в сумку. Да, наверное, мимо...»

А в Россоши, в средней школе №11, директор Александр Васильевич Лысенко держал совет с учителями и с ребятами: как быть, как найти того, кто потерял такие большие деньги? Вначале хотели дать объявление в местной газете. Предложение не прошло: газету читают только на территории района, а деньги мог потерять кто-нибудь из приезжих. И тогда вспомнили про местное телевидение, передачи которого «ловят» не только в Россоши, но и по всей округе. Директор тут же схватился за телефон и, дозвонившись до телецентра, попросил дать объявление о находке в вечернем выпуске «Новостей».

А в семье, где случилось несчастье, сгущалась атмосфера безысходного отчаяния. Чтобы хоть как-то вывести мать из тяжёлого, на грани психического срыва, состояния, дочь предложила: «Поезжай в Россошь, зайди на телевидение и дай объявление о том, что потеряла деньги».

Мать помчалась на вокзал, подоспев к самому отходу поезда. По дороге, отворачиваясь к окну, беспрестанно плакала. Ещё пуще она расплакалась в редакции телевизионных новостей, но уже от радости, когда ей сообщили: есть встречное объявление, что её деньги, собранные с таким трудом, найдены и находятся в надёжных, честных руках.

После столь счастливого завершения «эпопеи с кошельком» вся школа №11 чувствовала себя именинницей. Педагоги и ученики целую неделю ходили в приподнятом настроении, лишний раз подтверждая старую как мир истину: если хочешь превратить любой будний день в праздник, – сделай для кого-нибудь доброе дело, большое или маленькое.

И СТАЛ БЕЗДЕТНЫЙ АВЕРЬЯНЫЧ ДЕДУШКОЙ

Шофёр-«дальнобойщик» Фёдор Аверьянович Примаков почти 30 лет водит свою «фуру», впряжённую в «супер-МАЗ», по дорогам России. Где только он не побывал! Для него обширная кабина большегрузного тягача – что дом родной. Под рукой – всё необходимое из того, что может пригодиться в далёком трудном пути: аптечка, магнитола, переносной телевизор и даже газовая печка, чтоб самому готовить еду в любое время суток. Лет Аверьянычу под 50. «Не надоело мотаться по трассам?» – спрашиваю у него. «О чём ты говоришь? – удивляется он. – Сам водишь машину и прекрасно знаешь, что ничего на свете не бывает лучше дальней дороги. Одно худо: ездить стало опасно».

В старину разбойники, как известно, грабили купцов на больших дорогах голыми руками, в лучшем случае вооружённые кистенем. Сегодняшние лихие людишки ищут свои жертвы, запасаясь пистолетами или даже автоматами. И пешком они не ходят, разъезжают на иномарках. Выбрав «фуру», обгоняют ее и перегораживают путь. Потом мордороты с коротко стриженными затылками вылезают из шикарного салона и, не пряча оружия, подходят к дальнобойщику: «Давай, мужик, кассу». Если заартачишься, убивать, может, и не станут, но уж и самого шофера, и машину изуродуют основательно.

Однажды ночью в подобный переплёт попал и Аверьяныч: он возвращался из Тулы налегке, денег при себе имел только на солярку. «Дипломат» с наличкой остался у экспедитора, по какой-то причине задержавшегося в областном центре. И где-то на трассе, там, где дорога с обеих сторон окружена лесополосой, Примаков сделал вынужденную остановку: подпустил баллон. Не успел спрыгнуть на землю и оглянуться, как вот они, «голубчики-вымогатели», на «Вольво». Естественно, требуют наличку. Аверьяныч раскрыл кошелёк: «Берите, тут полторы тысячи, больше у меня ни копейки». Один из крутых, позвонив по мобильнику, сделал в его сторону жест двумя пальцами: «Ах ты, козел! Ты же днём 60 штук получил. Гони сю-

да!» – «Мужики, – взмолился Аверьяныч, – я таких денег отродясь в руках не держал». Поняв, что получили «облом», мордovorоты пошли к своей машине, где их ждал ещё один сообщник, высокий, красивый парень в кожаной куртке.

Аверьяныч уж было обрадовался тому, как дешево отделался, но радость оказалась преждевременной. Один из «быков» вернулся и зачем-то прострелил два колеса. И «Вольво» умчалась, а Аверьяныч остался один посреди непроглядной ночи. Слава Богу, запаски он сделал и тронулся в путь.

Буквально километров через 40 вновь притормозил, потому что увидел легковую машину, лежавшую на боку в нескольких метрах от дороги. Подошёл ближе: батюшки, так это же та самая «Вольво», что окорачивала его за Тулой. Приглядевшись, рассмотрел в кабине того высокого, красивого парня. Он лежал на баранке, безжизненно свесив руки. По лицу стекала кровь. «Я попробовал у него пульс: кажись, бьётся. Не знаю, что у них там произошло, но только дружки бросили его истекать кровью. Грешен, – продолжал Аверьяныч, – только и я поначалу подумал: пускай себе помирает. А потом думаю: что ж, на мне креста, что ль, нету? Вытащил парня из кабины, погрузил в свой супер, довёз до ближайшей «скорой помощи», сказал, так, мол, и так, на дороге подобрал. На что врач, покачав головой, произнёс: «Ещё бы с полчасика он там полежал, и везти надо было бы в морг»

...Аверьяныч стал уже забывать об этой истории, как вдруг в воронежском гараже, куда он вернулся из очередного рейса, ему говорят: «Тебя один парень уж какой день поджидает...» Глянул шофёр в сторону проходной, а там стоит тот самый, которого ночью вытащил из разбитой «Вольво». Приехал прощения просить. «Да ладно, – отмахнулся Аверьяныч, – чего уж там. Бог тебя простит, а я – тем более. Ты бы лучше с теми ребятами развязался – плохая, брат, компания».

Поговорили они по душам, за столом посидели, и с того дня у бездетного Аверьяныча появился молодой и верный друг: «Он мне – вместо сына. С братвой завязал окончательно. Работает сейчас прорабом, церковь где-то под Тулой ставит, – при этих словах шофёр достаёт из «бардачка» цветную поздравительную открытку. – Его дочка, ей восемь годков стукнуло, прислала. Прочти, если хочешь, только не вслух, а то я расплачусь...»

Я, глянув на текст, сразу понял, почему он не может читать поздравление без слёз. «Дедушка Фёдор, – было написано на открытке детским почерком. – Мы тебя очень благодарим и очень любим – папа, мама и я. И подпись: «Наведки твоя – внучка Светлана».

Нам порой говорят: деньги – главное всего, а мы готовы снять с себя последнюю рубашку и отдать нищему. Нам твердят: око за око, зуб за зуб, а мы прощаем своим обидчикам самые жестокие и злые обиды. И мы не можем иначе, потому что с нами – Бог. И в нас – тоже Бог: оттого и чудеса – наши взлёты на вершины любви и добра происходят не только в канун светлого праздника Рождества Христова, но и в самые что ни на есть рядовые будни.

2001 г.

И ЭТО ВСЁ О НЁМ...

Слово друзей и коллег

В РЕДАКЦИИ ЕГО ЗВАЛИ ПО-СВОЙСКИ – РИМ

Смерть коллеги по профессии – тяжкое известие, невосполнимая потеря.

Честно говоря, я не знал, что Пятерим тяжело болен. Встречались мы на 90-летию «Молодого коммунара», на 100-летнем символическом уже, ностальгическом мероприятии с песней-гимном любимой газеты, душевными воспоминаниями бывших сотрудников «Коммунара», в котором у каждого из нас осталась частица сердца.

Увы, не стало «Молодого коммунара», о нём приходится только вспоминать.

Не стало и Пятерима Варфоломеева, одного из редакторов газеты, оставившего о себе добрую нетленную память. Ушёл Стас Никулин. Как и Пётр Сысоев... Многих не стало.

На старой, хранящейся в моём архиве фотографии 1975 года, где в редакторском кабинете запечатлел нас фотокор Анатолий Костин (и его уже нет), все трое – Пятерим, Стас и Пётр – на снимке оказались рядом, молодые, улыбающиеся, полные жизненных сил и энергии. Так они на этой фотографии и останутся.

Пятерим (его в «Коммунаре» все по-свойски звали Рим) был заместителем редактора, когда я там по направлению обкома КПСС появился, как и все сотрудники редакции, встретил меня доброжелательно, с открытой тихой улыбкой, сказал глуховатым голосом: «Привет выдвиженцам конкурирующего издания!..»

В этом приветствии чувствовался подтекст, ибо «Молодой коммунар», сколько я помню, с середины шестидесятых годов откровенно и высокопрофессионально соревновался с «Коммуной». В то время «МК» был чрезвычайно популярен, газетой руководили М. Шишлянников, а потом Е. Дубровин, тираж был 150 и выше тысяч экземпляров, читаем и уважаем публикой.

Я сотрудничал с «Коммунарком», будучи инженером завода «Электросигнал». В 1969 году Дубровин приглашал меня на штатную работу, я дал согласие, был очень рад этому предложению. Но судьба распорядилась по-иному: после событий на дальневосточном острове Даманский (военный конфликт с Китаем) меня, как офицера запаса, призвали на службу в Забайкальский военный округ. В 1971 году, отслужив, я вернулся в Воронеж, стал работать в «Коммуне» в промышленно-транспортном отделе. А три года спустя меня вдруг вызвали в обком партии и сказали: «Есть мнение направить вас в «Молодой коммунар» редактором»

Времена были такие: партия сказала: «Надо», член партии ответил: «Есть!»

Конечно, логичнее было назначить редактором кого-то из младокоммунаровцев, достойные кандидатуры имелись. Но у начальства свои резоны. Я же был «человеком со стороны», это надо иметь в виду.

Варфоломеев и Никулин, «коренники» редакции, протянули мне руку дружбы, это не только чувствовалось, но и действовало в практических делах. Мы работали слаженно. Я, со своей стороны, старался не нарушать сложившиеся в газете традиции и привычный уже ход жизни. Хорошо понимал, что попал в квалифицированный, сплочённый коллектив журналистов, отдавших «Молодому коммунару» годы жизни, заработавших здесь имя, известность, признание читателей. Это касалось буквально всех: Пятерима Варфоломеева, Стаса Никулина, Вячеслава Лободова, Леонида Коробкова, Петра Сысоева, Виктора Перегудова, Людмилы Анцуповой и даже юной нештатницы Ольги Парфёновой.

Все журналисты обладали превосходными острыми перьями, зорким взглядом и принципиальной гражданской позицией.

Варфоломеев и Никулин заслуженно были мотором редакции, идейными вдохновителями тем и журналистских поисков.

Пятерим хорошо знал сельское хозяйство, ибо начало его трудовой деятельности на журналистском поприще состоялось в эртильской районной газете «Трудовая слава», и в «Коммунаре» он поначалу в качестве корреспондента колесил по области, писал о земляках, о сельских тружениках.

Дух состязательности с «Коммуной», о котором я упоминал, оставался и в середине семидесятых годов. «МК» старался хоть в чём-нибудь, но опередить главную партийную газету области, например, «Коммунар» ревниво следил за «Жатвой-75», зажигал на первой полосе красные звёздочки победителей социалистического соревнования, чувствовал передовиков-комбайнёров, докладывал области о количестве собранного хлеба. Первополосные материалы газеты были актуальны. Проблемы города Воронежа, статьи морально-этического плана, военно-патриотическое воспитание, выпуски тематической полосы «Росинка» о природе, интервью с театральными деятелями, спорт... Всё это имело место на страницах газеты – в то время одного из лучших молодёжных изданий страны. По-прежнему всяческой похвалы заслуживала и вёрстка, подача как самих статей, так и иллюстративного материала.

Это было дело рук Никулина и Варфоломеева, и однажды Евгений Дубровин (он тогда редактировал в Москве сатирический журнал «Крокодил») позвонил, похвалил Стаса: «Ты обрёл второе дыхание, Станислав...»

Наше творческое сотрудничество с Пятеримом продолжалось. Он заходил в редакторский кабинет по несколько раз в день, всегда с новой идеей, с оригинальной задумкой или с вполне законной, профессиональной критикой в адрес какого-нибудь материала. Варфоломеев и сам часто выступал с добротными статьями, охотно ездил в командировки, знал область. С ним было приятно и легко работать. Его знания приносили несомненную пользу «Коммунару».

А коллектив газеты жил проблемами региона, письмами читателей, молодых и не очень, своими идеями, вдохновением и стремлением каждый номер «Коммунара» де-

лать как нельзя лучше, добротнее. Мы занимались сугубо творческими делами, не знали, что такое реклама на газетных площадях, где взять денег на содержание «МК», ибо финансировал газету партийный орган, от нас требовался лишь хороший журналистский продукт. Да, была цензура, был строгий надзор сектора печати обкома, но с этим можно было мириться, не вступая с надзорными органами в излишнюю полемику. Диссидентов среди нас не значилось, многие журналисты имели в кармане партийный билет, линию партии блюли. Нас не мучило творческое раздвоение – думал одно, писал другое. В середине семидесятых СССР стоял крепко, надёжно. Мы это понимали, чувствовали и потому честно служили родной советской власти.

И как тут не вспомнить замечательные слова гениального Михаила Шолохова: «Нас обвиняют в том, что мы пишем по указке партии. Дело обстоит несколько иначе: мы пишем по указке сердца, а сердца наши принадлежат партии».

Мы как-то откровенно, тет-а-тет, говорили с Пятеримом на эту тему. В печати, в Москве, появлялись время от времени явно диссидентские публикации, как в толстых журналах, так и в некоторых столичных газетах. Кажется, зашёл разговор о Солженицыне, о его «Архипелаге ГУЛАГ». Кто-то из наших сотрудников принёс потрёпанную, выпущенную каким-то подпольным издательством книжонку в редакцию, мы по очереди читали скандальное сочинение, отрывки из которого бубнил по ночному радио «Голос Америки». Я спросил Пятерима о его отношении к писателю, о явно разрушительной позиции автора.

Пятерим помолчал, в глазах его за толстыми стёклами очков шла честная, спокойная работа.

Сказал ровно, как о давно решённом, продуманном:

– Наверное, обиженные люди имеют право на то, чтобы их выслушали, прочитали о их мытарствах. Я лично к партии и режиму претензий не имею. Отец мой – простой шофёр, у мамы была более сложная судьба... Сам я после десятилетки пошёл работать на сахарный завод... Потом по-

ступил в университет, стал журналистом. На кого мне обижаться? Советская власть дала мне всё: образование, любимую работу, положение в обществе... В коммунисты я шёл сознательно. Понимал, конечно, что журналистика – дело партийное, ответственное, хотел быть в первых рядах строителей будущего. Слова, может быть, и громкие, но они точно отражали и отражают то моё настроение и те мысли. Это ведь мысли многих, так?

Я кивнул – так. Спорить было не о чем, мы оставались единомышленниками, пришли в «Коммунар» примерно одним путём.

Позже Варфоломеев возглавил «Молодой коммунар», успешно продолжал традиции газеты, и при нём был высокий тираж и авторитет у читателей. Спустя время, более двух лет заведовал сектором печати, радио и телевидения Воронежского обкома КПСС. Четверть века отдал центральной газете «Труд»...

Славный, почитаемый, памятный жизненный и творческий путь прошёл этот талантливый человек, подаривший читателям несколько книг, сотни ярких публицистических материалов, оставивший на воронежской земле и в нашей памяти глубокий след.

...Сообщение в «Коммуне» «Памяти Пятерима Варфоломеева» явилось для меня неожиданным, взрывом эмоций – да не может этого быть! Виделись ведь всего три месяца назад...

Скупые газетные строки некролога тут же напомнили о прошлом, пережитом вместе с Пятеримом, о совместной работе, редакционных разговорах, о спорах... И о памятной той его фразе: «Привет конкурентам... Ну что, потрудимся теперь на благо «Коммунара?»

Трудились дружно, да. Пятерим был для меня, редактором, надёжной опорой, советчиком, наверно, более опытным человеком во взаимоотношениях с вышестоящей партийной структурой и лучше понимал сложные настроения в коллективе газеты.

...Будем помнить покинувших нас. Вспоминать их добрые дела. Простим их ошибки, чисто человеческие слабости. И ушедшие в вечность коллеги станут жить вместе с нами.

Пятерим Варфоломеев – гордость воронежской журналистики. Он заслужил это профессиональное звание своим энергичным, творческим трудом, за что неоднократно поощрялся областными наградами, по праву пользовался уважением журналистского сообщества. Он был лидером среди пишущих, владел тайнами «золотого пера».

Он оставил нам щемящее чувство потери...

...Я проработал в «Молодом коммунаре» недолго, года полтора. В профессиональном отношении это была насыщенная, как и для многих бывших «коммунаровцев», замечательная журналистская школа. Очень жаль, что «МК» не стало. Какое красивое, гордое и мобилизующее имя блистало на первой полосе нашей газеты – «МОЛОДОЙ КОММУНАР»!!! Это – боец, со знаменем идущий вперёд, организатор молодёжи, продолжатель дела отцов!..

И мы с Пятеримом, как умели, его в своё время продолжали.

Валерий БАРАБАШОВ,
редактор газеты «Молодой коммунар»
с 1975 по 1976 год,
член Союза писателей России

ПРОХВОСТЫ В ЭТОТ КРУГ НЕ ВХОДИЛИ...

Звучное, очень необычное имя – Пятерим Варфоломеев – я впервые услышала, когда пришла на работу в газету «Труд» в «отдел двух Вась» – агро-промышленных проблем. Проще говоря – сельского хозяйства.

Было это в 1994-м, когда в стране царил форменная вакханалия, рубль катастрофически падал перед долларом, село именовали не иначе, как «чёрной дырой». Но в отделе «двух Вась» – Василия Щурова (заведующего) и Василия Натыкина (корреспондента) – смотрели на жизнь и либеральное словоблудие про границу, которая нас накормит, философски: может, и подкормит чуток, но потом мало не покажется...

Из всех собкоров, что были у «Труда» в то время в российских регионах, да и по всему бывшему СССР, выделяли в первую очередь именно Пятерима Варфоломеева. И как единомышленника, и как настоящего мужика, который всегда держит слово (некоторые, как казаки вольные, слово давали, а потом брали назад, а газетные полосы без свежих материалов с мест не сверстать). А ещё ценили Пятерима как классного профессионала – он-то точно знал ситуацию в Черноземье, был в курсе и побед, и бед деревенского люда. Бед тогда было больше. И он их воспринимал очень болезненно.

Выделял Пятерима и нередко приходивший в наш отдел (поговорить по душам, точнее – отвести душу) замечательный писатель Борис Можаяев. И за имя (необычное, исконно русское), и за то, что воронежский коллега, да ещё и по фамилии Варфоломеев (Варфоломей, как известно, один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, упомянут в Новом Завете), как и сам Можаяев, бесконечно предан русской деревне. Один – рязанский, обласканный Солжени-

цыным. Другой – воронежский, никем особо не обласканный, но личность. Оба от земли и оба знали, кто на их земле играет «первую скрипку». И никакие «перестройки» этой их веры не поколебали. Я помню, как Пятерим Николаевич писал о самоотверженности, энтузиазме трактористов, доярок, свинок. Именно их, а не чахлые государственные вливания в отечественный агропромышленный комплекс Варфоломеев считал главной инвестицией в униженную деревню. Предупреждал: никто, кроме людей, живущих на земле, не сможет (да и не захочет) трудиться на ней, как каторжный, и страну кормить. От них зависит изобилие в закромах и магазинах. Как в воду глядел. Кстати, когда он это писал, на наших прилавках уже намечалось «импортное изобилие». Хамоном, пармезаном, может, ещё и не пахло (эти изыски мы распробовали позже), но намечалось. И, конечно, мало кто верил, что геополитические реалии уже в обозримом будущем заставят нас задуматься о том, что надо переходить на «самопрокорм». И мало кто понимал, что Россия в состоянии стать первым в мире экспортёром зерна. Варфоломеев был из числа тех немногих провидцев, которые это предрекали, жаждали такого реванша, видели в этом национальный интерес. Поэтому сейчас творчество Пятерима Николаевича не грех и переосмыслить, оценить в полной мере. Чтобы оно не осталось недооценённым. И учить будущих журналистов на журфаке ВГУ не новомодным «фенечкам» (пустым, сиюминутным), а иному, философскому взгляду на мир, собственную историю, да даже и на сегодняшний, каждый очередной день. По счастью, учиться есть у кого. Не только у Пятерима, но и у того же Пескова, других великолепных публицистов, которых родила здешняя земля. Пиар (public relations, связь с общественностью), косноязычных специалистов по которому штампуют теперь в невероятных количествах не только на журфаке, – ничтожная профессия. Это не имеет ничего общего с настоящей журналистикой, публицистикой. От нынешнего пиара – ни холодно ни жарко. Нулевой КПД. Светлый след пиар не оставляет, в

отличие от того дела, которому служил наш Пятерим. Служил истово, талантливо, честно. Чем и привлекал. А потому с ним хотели иметь дело (были в его окружении, дружили с ним, любили его, да и сейчас помнят и любят) глубоко порядочные люди. Прохвосты в этот круг не входили. Не его поля ягодами были – вот и отторгались.

В общем, скажи мне, кто твой друг...

Елена БЕРЕЗНЕВА,
экономический обозреватель газеты «Труд»
(1995–2007 гг.)

г. Москва

ТОГДА МЫ БЫЛИ МОЛОДЫМИ

Под началом редактора газеты «Молодой коммунар» Пятерима Николаевича Варфоломеева мне довелось поработать с 11 ноября 1975 года по 16 мая 1980-го. Так записано в трудовой книжке. Чистого времени получается четыре с половиной года. Это всего лишь десятая часть моего общего профессионального стажа, но «десятина» очень важная, определяющая.

У нас с Римом было много одинакового. Мы вышли из социальных, как сейчас говорят, низов. Родители – рядовее не бывает: его отец, Николай Иванович, – шофёр; мой, Иван Иванович, – тракторист. И матери наши, Анна Ивановна и Евгения Петровна, – простые советские труженицы. Первый трудовой рубль заработали сразу после школы. Служили в Советской армии. После службы начали осваивать журналистику со стажёрских должностей, то есть с нуля, в редакциях районных газет – он в Эртиле, я в Анне – и заочно учиться на журфаке Воронежского государственного университета. Его востребовали в «Молодой коммунар» в 1973 году с должности ответственного секретаря эртильской «Трудовой славы», меня – в 1975-м с должности заместителя редактора аннинского «Ленинца».

Инициатором этих наших перемещений из глубинки в областной центр был Георгий Федотович Струков, в ту пору заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации обкома КПСС. Он по партийной линии курировал прессу. Будучи сам талантливым журналистом с богатой практикой и умелым организатором, он вдобавок имел особый дар находить писучий молодняк, каким-то особым чутьём определял, есть ли за тем или иным талантом перспектива. Перемещал нашего брата и по горизонтали, и по вертикали, следил за творческим ростом, выбивал квартиры для сотрудников, транспорт и оргтехнику для редакций, заступался, если кто попадал в опалу. Сотни, если

не больше, воронежских журналистов обязаны Струкову своим карьерным – в хорошем смысле этого слова – ростом. Это при его поддержке лично я, начав с нуля, всего за три года, ещё не имея высшего образования, стал в своей районке заместителем редактора.

Но была у нас с Пятеримом и существенная разница. Он пришёл в «Молодой коммунар» заведующим отделом и уже потом стал заместителем редактора этой замечательной газеты. Я же, когда Рима утвердили редактором «МК», угодил сразу в замовское кресло. Знал я в лицо, пожалуй, только двоих младокоммунаровцев: завотделом рабочей и сельской молодёжи Виктора Одинцова, с которым прежде познакомился в гостях у общего товарища, и завотделом студенческой и школьной молодёжи Люсю Анцупову – с ней в одной небольшой воронежской группе ездил в Москву на всесоюзное совещание журналистов. И больше никого не знал, даже с Варфоломеевым нигде не пересекался!

В последних числах октября 1975 года меня вызвал к себе на беседу Струков.

– Есть мнение перевести тебя на работу в Воронеж, – без всяких предисловий, едва я переступил порог кабинета, объявил Георгий Федотович.

Я чуть не ойкнул.

– В «Молодом коммунаре» появилась вакансия заместителя редактора. Считаю, что ты подходишь на эту должность. Мы тут следим за твоими публикациями и видим – районный уровень перерос.

– Но ведь «Молодой коммунар»... это же... это... Да я там и знать-то никого не знаю!

– Ничего. Познакомишься. Там толковый редактор. То же районщиком начинал работать. Притрётесь.

Потом Струков порасспрашивал меня о семье, о делах в редакции «Ленинца», поздравил с выходом книги «Крылья жар-птицы» про испанского лётчика-интернационалиста, героически сражавшегося в воронежском небе в годы войны, – её только что выпустило Центрально-Чернозёмное

издательство. И отправил домой, пожелав особо не распространяться о сделанном мне предложении.

– Жди моего звонка. Позвоню в понедельник 4 ноября. В 10.00. Будь на телефоне.

Струков позвонил точно в означенное время, и 5 ноября в Воронеже у меня целый день прошёл в беседах. Сначала меня направили ко второму секретарю обкома комсомола Руслану Гостеву. «Пытал» он меня долго, там я заполнил большую анкету, где указал, что являюсь членом бюро Аннинского райкома ВЛКСМ. Это произвело на Гостева хорошее впечатление. И тут как раз в кабинет вошёл молодой человек приятного вида, в очках, в пиджаке и при галстук.

– Вот, Пятерим Николаевич, знакомьтесь, а я не буду вам мешать, – сказал Гостев и закрыл за собою дверь.

Так состоялось наше с Римом знакомство. Мы проговорили часа полтора, не меньше. Отвечать мне пришлось на самые разные вопросы, в том числе, не скрою, и каверзные. К концу беседы перешли на ты.

– Ты меня извини за дотошность, но я должен быть уверен в тебе, как в самом себе, – объяснил Рим свою позицию. – Хорошо. Быть добру!

И пожал мою руку.

В то давнее время и обком партии, и облисполком, и облсовпроф, и обком комсомола, и комитет народного контроля умещались в одном здании на площади Ленина, 1. Рим отвёл меня на четвёртый этаж и сдал Струкову. Тот повёл к заведующему отделом пропаганды и агитации Владимиру Степановичу Головину. Головин управился со мной за пять минут, вернул назад Струкову.

Предстояло последнее собеседование – на пятом этаже, у секретаря обкома партии по идеологическим вопросам Сергея Васильевича Митрошина.

Митрошин задал несколько дежурных вопросов, спросил у Струкова, каково мнение по моей кандидатуре у редактора Варфоломеева. После положительного ответа поднялся из-за стола.

– Вы, Георгий Федотович, лучше всех знаете журналистские кадры. И у нас нет причин не соглашаться с вашим выбором. Даю и я добро этому молодому человеку.

11 ноября редактор газеты Пятерим Варфоломеев подписал приказ о моём назначении своим заместителем и представил коллективу на редакционной летучке. Сказал несколько приятных слов, выразил надежду, пожелал поскорее укорениться в младокоммунаровскую почву. Народ воспринял меня сдержанно, в глазах многих читалось: «Поживём – увидим».

Что представлял собой тогдашний коллектив «МК»? Костяк составляли ударные перья – заведующие отделами Виктор Перегудов, Пётр Сысоев, Владимир Хрипунков, упомянутые выше Виктор Одинцов и Людмила Анцупова. Их подпирали корреспонденты Анатолий Морозов, Пётр Новиков, Александр Дверцов, Леонид Коробков, Ольга Парфёнова, Ирина Фёдорова, Иван Федяинов. Это из пишущих. А ещё были снимающие – фотокорреспонденты Анатолий Костин, Михаил Вязовой, рисующий – художник Юрий Зибров. Плюс очень грамотные корректоры Светлана Лободова и Нинель Сёмина, машинистки-скоростницы Роза Лихачёва и Надежда Беликова. Обязанности ответственного секретаря исполнял Станислав Никулин, человек безупречного литературного вкуса.

Уже с первых дней я обратил внимание, как Рим, словно хороший дирижёр оркестром, умело и тонко управлял этим коллективом высокоодарённых, но совершенно разных по характеру людей преимущественно молодого возраста. В его кабинет вели две двери – в одну, как бы парадную, можно было войти из общего коридора, в другую – из смежной комнаты, где сидел заваленный бумагами ответственный секретарь. На этой, рабочей, Рим прикрепил плакатик «Без идеи не входить!».

На летучках редактор давал слово высказаться каждому, никого не обрывал и не ограничивал. Сначала обсуждались публикации свежего номера, потом сообщался планировался номер следующий. Если возникала какая сроч-

ность, то репортёр сразу после летучки отправлялся в дорогу. За лучший материал номера полагалась похвала. Она чаще всего выражалась в вывешивании вырезки из газеты на специальном стенде в общем коридоре. Особо ругани за материал слабый, можно сказать, не было. Да и в самом деле, чего возмущаться, если за «портянку» расписался заведомо, ответственный секретарь выставил в номер, а редактор подписал газету в печать?

Чтобы я быстрее «пропитался младокоммунарским духом», Рим поручил мне вычитывать каждый номер газеты. Наша корректорская тогда размещалась в комнате при типографии издательства «Коммуна». Туда приходили дежурные корректоры и вычитывали гранки либо оттиски уже целиком свёрстанных полос. Дежурный по номеру – это кто-либо из журналистов, заведомо или корреспондент – тоже читал полосы, образно говоря, от корки до корки. Теперь к этой компании подключался и я. Частенько из-за задержки обязательных материалов ТАСС из Москвы приходилось в корректорской засиживаться, бывало до полуночи.

Поначалу такие «чтения» меня раздражали и злили. Чувствуя это моё состояние, Рим сознался, что он так поступил со мной намеренно. И вот почему:

– Пройдёт месяца три-четыре, и ты почувствуешь жизнь каждого номера газеты как бы изнутри. Научишься читать текст между строк. По манере письма, по приёмам работы с фактическим материалом станешь угадывать автора без его подписи. Это пригодится потом. Спасибо скажешь.

И то правда. Через какое-то время, наверное, уже на втором году работы в «Молодом коммунаре» так натренировался, что без труда угадывал любого штатного автора газеты и особо активных авторов внештатных по их творческому почерку. Как-то Рим нарезал мне из гранок, которых я не видел, строк по двадцать пять из десятка текстов. На, говорит, угадывай, кто автор.

Я угадал точно восьмерых: назвал фамилии Новикова, Парфёновой, Коробкова, Перегудова, Федяинова, Фёдоро-

вой, внештатников Тимофеева и Гаага. Девятый текст был написан казённым языком, характерным для чиновника, десятый принадлежал незнакомому автору.

В будущем такой опыт мне сильно пригодился, особенно когда работал главным редактором «Коммуны». Часто приходилось отвлекаться на разные собрания, совещания, заседания, презентации, участие в работе всяческих советов, комиссий, жюри, решение хозяйственных вопросов. Прибежишь иной раз в редакцию к вечеру, а там полосы уже заждались редакторского ока и поджигает время сдачи в печать. И часто так получалось – читаешь вроде бы бегло, по диагонали, но глаз каким-то образом сам, автоматически упирается в проблемное место либо в лишнюю букровку. Поправишь, бывало, и добром помянешь Пятёрима Николаевича.

Как заместитель редактора я при Риме курировал несколько отделов, отвечал за подписную кампанию и организацию выездных мероприятий редакции, составлял планы на год, полугодие и квартал, писал отчёты в вышестоящие инстанции, следил за тем, чтобы в редакции аккуратно и в срок работали с письмами и обращениями граждан, – тогда за невнимание к этим вопросам могли сильно взгреть по партийной линии.

В должностные обязанности редактора, заместителя редактора и ответственного секретаря не входила подготовка собственных текстов для газеты. Но сотрудники и тогда, и сегодня более почтительно относятся к начальству, которое само может показать пример умелого владения пером. Став редактором, Рим писал редко, но уровень его мастерства знали, ведь он в «Молодом коммунаре» был заведующим отделом. Стас Никулин был прекрасным поэтом, читателям нравились его стихи. А у меня такого – творческого – авторитета ещё не было.

Первыми моими публикациями в «МК» стали отчёты-репортажи с нескольких районных отчётно-выборных комсомольских конференций. Это обычные, так скажем, рядовые тексты, хоть и складно написанные. Рим посове-

товал написать очерк о молодом современнике. Очерк – вещь серьёзная. Я и подошёл к нему серьёзно. Героиней выбрал девушку-трактористку Валентину Вожову из Верхнемамонского района. Съездил на место, собрал материал. Перед публикацией показал Риму. Рим дал несколько советов, которыми я воспользовался. С очерком мне повезло. Через какое-то недолгое время обзор «Молодого коммунара» делал по приглашению нашего редактора знаменитый Лев Ефремович Кройчик. Так вот: Кройчик назвал мой очерк «Я твой тонкий колосок» лучшей публикацией полугодия. Успех окрылил меня, укрепил позиции мои на журналистском поприще.

Ещё меня избрали секретарём первичной партийной организации редакции. А это собрание раз в месяц, отчётная документация, сбор членских взносов. Был такой случай. Как-то привалила комиссия по проверке уплаты членских взносов. Взяли данные в бухгалтерии. Оказалось, я не добрал с члена КПСС Виктора Одинцова ровно три копейки! Сегодня в это трудно поверить, но вызвали на заседание бюро Центрального райкома партии. На скамейке «штрафников» я оказался не один. Двоим секретарям первичек за недобор от рубля до трёх объявили по строгому. Было несколько простых выговоров – за 10, 20, 30 копеек. Я за свои три копейки отделался замечанием.

Узнавши от меня об этом «юморе», Рим не выдержал, позвонил по вертушке первому секретарю райкома Алесину:

– Тихон Кондратьевич, неужели у партии нет более важных забот, чем эти несчастные три копейки? Тем более, мы их не украли и не пропили. Просто смешно, да и только.

Алесин в ответе сослался на партийную дисциплину, на устав, но будучи в принципе человеком не глупым, порядочным, всё-таки похлопотал, чтобы взыскание с меня сняли.

Заступаться за своих было хорошей чертой характера Варфоломеева. Вот случай с корреспондентом Коробковым. Леонид вёл тематику, связанную с литературой и ис-

кусством. В этих вопросах разбирался хорошо. Живо откликался на новые книги воронежских авторов и постановки театров, выступал со статьями по проблемам воспитания молодёжи. Коробков был большой оригинал. В автобусе по дороге на работу и назад по самоучителю освоил итальянский язык. Ещё он красил рыжую бороду хной. Его уже тогда публиковали некоторые центральные газеты и журналы. Но писал длинными сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями, с множеством знаков препинания, с намёками и подковырками. Партийно-культурные инстанции и отдельные творческие деятели, задетые его колкостями, болезненно реагировали.

– Лёня, ну ты опять буераков накопал. Пока дочитаешь – голову сломаешь! – напускно сердился Рим, вычитывая гранки с очередным «шедевром» Коробкова. – Нельзя по-проще?

– Я пишу для интеллигентных людей, – оправдывался Леонид, по возрасту и виду нам с Римом дядя.

– То есть не для средних умов? – вставлял я свою шпильку.

– Ну вот: рыжий рыжего спросил... – уворачивался Коробков и как всегда голосом раскаявшегося школьника обещал: – Ладно, граждане начальники, больше не буду...

Однако продолжал гнуть своё.

В ранние годы он хулиганил в районе Чернавского моста. Коробок даже побывал в колонии. Отсюда и «граждане начальники». Выручил отец, имевший пост областного уровня. Испытав несвободу, юноша образумился, отучился в техникуме и на истфаке университета. Его нашёл для «Молодого коммунара» с началом своего редакторства Евгений Дубровин, обративший внимание на даровитого внештатного автора. Талант Коробкова ценил и Варфоломеев. Будучи ветераном редакции, Леонид нёс в себе дух шестидесятых годов с их оттепелью. Мы знали, как критически относился он к партийным властям всех уровней. Не скрывал, что читает самиздатовскую литературу и слушает западное радио. Эту «линию» он не тащил в от-

крытую на страницы газеты, но часто она угадывалась между строк.

Коробков поддерживал отношения с питерским драматургом Александром Гельманом. По сценарию Гельмана в 1975-м сняли шумный фильм «Премия». Чуть позже сценарий переработали в пьесу, поставленную в московских театрах (под названиями «Протокол одного заседания» в БДТ и «Заседание парткома» в МХАТе). Речь в них о премии, которую неправомерно выписал себе и на бригаду бригадир, а совестливые рабочие её отказались получать.

Леонид откликнулся на Гельмана рецензией, где привёл местные, воронежские, примеры очковтирательства и третирования рабочего человека за его принципиальность и критику начальства. Фамилия у одного такого принципиала была Жмудь.

Наутро нашего редактора вызвали, как тогда говорили, на ковёр. В кабинете секретаря обкома партии по идеологии его обвинили в «неправильном позиционировании проблемы, подрыве авторитета партийных кадров» и прочих грехах. И потребовали немедленно уволить Коробкова. Вернулся Рим в редакцию взволнованным от досады. Обидно, когда тебя ругают за то, в чём ты не виноват.

– Коробкова увольнять не буду. Я так им и сказал. Он прав на все сто. Да, нам с ним трудно работать, он непокладистый и ершистый. Но это талант. Своих сотрудников мы не сдавали и сдавать не будем!

А сверху продолжали давить насчёт Коробкова. Чувствуя упорство Варфоломеева, через месяц градус накала снизили, предложили ограничиться выговором. Но и на выговор наш редактор не пошёл.

Забегу немного вперёд. В 1982 году, когда я уже был редактором «Молодого коммунара», ЦК комсомола организовал творческую поездку группы журналистов страны на ударную стройку всесоюзного масштаба – Канско-Ачинский топливно-энергетический комплекс в Красноярском крае. Включили в группу и меня. Так вот, когда мы объявились в столице КАТЭКа – городе Шарыпове, это са-

мая глубина Сибири, ко мне подошёл худощавый мужчина, назвал по имени-отчеству и представился:

– Моя фамилия Жмудь. Ваша газета меня одно время поддержала. За это, слух был, редактора Варфоломеева хотели с работы снять и автора статьи Коробкова прогнать.

– Я эту историю помню. Слава Богу, всё обошлось. Редактор сейчас заведует сектором печати в обкоме партии, а Коробков перешёл на работу в книжное издательство. А у вас как дела?

– Тогда газета помогла мне устоять. Секретаря парткома, которого я покритиковал, не сразу, но всё-таки освободили. Потом я перебрался в Сибирь, на эту огромную стройку. Работаю инженером, в подчинении много молодых и задорных ребят. Передайте при случае Варфоломееву и Коробкову от меня поклон.

Вернёмся теперь назад, к нашим коммунаровским будням. Как-то Александр Дверцов, расследуя одно из читательских писем, напал на неприятный факт советской действительности. В одном из детских садов Воронежа поздними вечерами заведующая с самыми доверенными своими товарками устраивала вечеринки с приглашёнными гостями, преимущественно мужского пола. Вино и водочка. Колбаска, сосиски, котлетки, салатик – всё, что отщипывалось от детского стола и утаивалось на кухне. Лёгкая музычка. И прочее... Саша подготовил статью покоммунаровски сильную, с фамилиями.

И вдруг звонок из обллита. Дежурный цензор «внёс» предложение статью снять. Варфоломеев потребовал объяснений:

– Извольте назвать причины. Положениям какого параграфа Перечня гостайн не соответствует текст статьи?

Цензор не смог на этот вопрос ответить вразумительно, но сослался на некий особой секретности документ по линии Комитета государственной безопасности. Намекнул на якобы неточности в тексте статьи. И прямо заявил, что подписывать разрешение на печать не будет. Ситуация обретала нехороший оборот. Сдача полос в типографию

задерживалась. А без штампа и визы цензора типография не принимала газету в работу.

Варфоломеев позвал Дверцова и спросил, гарантирует ли он соответствие приведённых фактов действительности. Тот подтвердил.

Тогда Рим набрал номер домашнего телефона начальника обллита и пожаловался на самоуправство дежурного цензора. Начальник обещал разобраться и перезвонить. И он действительно вскоре отозвался. Сначала заметил, что между обллитом и редакцией «Молодого коммунара» всегда было традиционное взаимопонимание, потом добавил, что возник некий неудобный момент и есть пожелание момент этот смягчить, чтобы морально не травмировать того самого сотрудника обллита, который затормозил статью.

Причём, добавил главцензор, у этого сотрудника накопилось по газете много «вычерков», то есть замечаний, повлёкших коррекцию текста. И, дескать, обстоятельство это – при «взаимопонимании» – можно было бы смягчить в «их» отчёте для КГБ.

– Тёмное, как двенадцать часов ночи, объяснение, – разозлился Пятерим Николаевич. – Можете в двух словах сказать!?

– Могу, – ответил начальник областного управления по охране государственных тайн в печати. – Заведующая детсадом в вашей статье является супругой этого самого нашего сотрудника... Вы, товарищ редактор, не торопитесь. Сейчас вам позвонят по вертушке.

– Знаете что, передайте своему «вертушечнику» – если будет вмешиваться, то мы запишем разговор с ним на магнитофон. И назовём в газете покровителем детсадовских оргий. А может, и участником. У меня всё.

Больше нам в редакцию в тот вечер никто не позвонил. Вызвали другого цензора, он поставил синенький штамп и расписался. Газета вышла вовремя.

Разумеется, в этих своих воспоминаниях о Пятериме Николаевиче Варфоломееве я не ставлю цель подробно

описать его жизнь и деятельность. Тем более я не могу претендовать на знание всех деталей его биографии. Мы не были неразлучными друзьями. В младокоммунарские годы он не позволял панибратства и я, при всей короткости дистанции, всегда знал, кто начальник, а кто подчинённый. Наши отношения скорее бы назвать деловыми и товарищескими. Мы тогда не дружили семьями, праздничные застолья на работе были редкими, дни рождения широко не отмечали, отчего неформальное общение сводилось практически к нулю. Газета выходила три раза в неделю, а это значит, три вечера – ввиду всяческих задержек – еженедельно вычёркивались из досугового времени. Да, честно сказать, мы работали тогда в радость и временем этим особо-то и не дорожили.

Но Рим всегда находил время на футбол. По-моему, он тогда не пропускал ни одного домашнего матча воронежского «Труда». Из его рассказов знаю, что футболом он заболел ещё в детстве. Любил слушать репортажи известного спортивного комментатора Николая Озерова. Однажды, подростком, с одним из старших то ли родственников, то ли товарищей ездил на мотоцикле из Эртиля в Воронеж, за 150 километров на матч «Труда» с московской командой.

Став редактором «Молодого коммунара», много делал для пропаганды футбола в молодёжной среде, приглашал именитых футболистов на редакционные «огоньки», постоянно требовал от нашего спортивного корреспондента Олега Чуркина оперативного, глубокого, всестороннего освещения проблем футбола. Болел за «Спартак». Переживал за неудачи «Труда», особенно, когда он упал в аутсайдеры турниров и сменил название клуба на «Факел».

Мы, вспоминая, про это переименование однажды пошутили. На табличку на двери кабинета шефа, где написано «Без идеи не входить!» приклеили плакатик с рисунком: три ступени, ведущие вниз, на верхней – слово «Труд», на средней – «Факел», на нижней – «Пепел» с просительным знаком. Рим чуть не заплакал, когда, придя на работу, увидел этот плакатик.

Дома у меня Рим ни разу не был, а я был у него всего два раза, что-то, уже и не помню, привозил ему, когда он был в отпуске. Сначала у него квартира была в доме по улице Ростовской, это микрорайон Левобережья, где собирались перед войной построить Воронежский авиационный институт – ВАИ. Поблизости чадил шинный завод. Место неудобное и по этой причине непрестижное.

Я при переводе в Воронеж не рассчитывал сразу получить квартиру, но надеялся на новоселье через полгода. Обитать пришлось в общежитии обкома партии, в комнате на троих с общим туалетом в конце коридора. Жена с дочерью оставались в Анне, к ним я ездил на выходные. Где-то по весне 1976 года Рим получил новое удобное жильё на улице Перевёрткина.

– Не соглашайся на мою бывшую квартиру, – дал мне Рим совет. – Далеко добираться, неудобное место, пыль на вершок от шинного завода. Мы на этой Ростовской улице намучались. Будут предлагать – наотрез отказывайся. Лучше потерпеть ещё какое-то время.

Совет оказался дельным. Потерпеть пришлось ещё полгода, но семья моя выиграла. Квартиру дали в самом центре Воронежа, в большом доме на Плехановской, известном как «Детский мир».

Примерно в конце марта 1980 года Рима перевели на работу в аппарат областного комитета партии на должность заведующего сектором печати, радио и телевидения. Когда его спросили, кого хотел бы оставить редактором после себя, он назвал мою фамилию. Стать во главе знаменитой газеты, продолжить дело Михаила Домогацких, Бориса Стукалина, Василия Пескова, Евгения Дубровина было для меня высокой честью. «Молодой коммунар» и по сию пору считаю праздником на всю жизнь.

Когда Рим передавал мне ключи от кабинета, открыл левую тумбу письменного стола, достал оттуда стопу исписанной бумаги, наверное, с четверть толщиной.

– Это рукопись повести Дубровина «В ожидании козы». Своего рода редакторский талисман. Береги. Придёт время – передашь своему преемнику.

Новой должностью Рим тяготился. Партийно-канцелярская работа его томила. Несколько раз просился свозить его на рыбалку. Однажды это удалось. Наш фотокорреспондент Анатолий Костин, знаток рыбных мест, привёз нас на редакционной «Ниве» на какой-то пруд. Раскинули удочки, накидали жмышку для приманки. Но карасики так и не клюнули ни на червячка, ни на горох, ни на перловку. Начали сматывать уже удочки.

И тут Рим на берегу увидел останки рака. Он быстренько разделся, начал искать норы и – о чудо! – минут через двадцать у нас оказалось с полведра раков. Толя Костин развёл костер, поставил над ним на треноге ведро и достал заветную бутылочку винца. То был всего лишь «Салют», такое кисленькое яблочное шампанское. Нас с Анатолием восхитила ловкость, с которой Рим добывал раков. И его смелость. Ни Костин, ни я ни за какие коврижки не полезли бы руками в норы – а вдруг там не рак, а какая-нибудь водяная змея. Или крыса.

После родилась идея посетить Куликово поле в день 600-летия знаменитого сражения русских войск с золотоордынцами. В юбилейном 1980 году 8 сентября выпадало на понедельник и мы заранее запланировали в номер газеты на следующий вторник два больших материала. Один справочно-исторического характера, другой написал наш журналист Эдуард Ефремов – о роли и месте в том историческом событии Сергия Радонежского, игумена земли Русской и всяя России чудотворца.

Костин пришёл ко мне в кабинет с дорожной картой, где карандашиком обозначил маршрут от Воронежа до Куликова поля.

– Вот, смотри – тут и трёх сотен километров нет. Выезжаем часов в семь утра, едем на Елец, потом на Ефремов, за Ефремовым сворачиваем вправо и вот оно, поле русской славы! – распланировал Анатолий трассу. – Часа за четыре

управимся. Машину я подготовлю, харчишки в дорогу возьмём из дому.

Я тут же позвонил Варфоломееву и пригласил его в поездку. Он обрадовался и пообещал дать ответ сразу, как только отпросится у своего непосредственного начальника Ивана Ефименко, сменившего Струкова на посту заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии. Пятничный рабочий день уже подходил к концу, когда вместо Рима мне позвонил сам Ефименко:

– Ты что там затеял? Как же так – в рабочий день и экскурсионные разъезды. И без меня. А я? Тоже хочу! Найдётся мне местечко в машине где-нибудь с краешку? Ага, найдётся... Вот и хорошо. Спасибо. С Пятеримом я вопрос решил, отпускаю. Только попрошу с отправкой задержаться на пару часов. Дело в том, что заводделом Шабанов в разъездах по области, а в выходной день у нас начальство по таким вопросам тревожить не принято. В понедельник приду пораньше, дождусь его и попрошу отпустить. Уверен, что отпустит, но порядок надо соблюсти.

В понедельник ровно к девяти наша команда собралась, и даже Ефименко успел. Усевшись в редакционную «Ниву», мы тронулись в путь. Конечно, на главные торжества мы опоздали. Десятки тысяч людей после торжественного акта покидали центральную часть Куликова поля, где стояла величественная колонна-памятник, увенчанная православным крестом. Народ обступил ряды палаток с сувенирами, книгами, закусками.

– Пойдёмте к храму, – предложил Рим.

Храм на Красном холме в честь преподобного Сергия Радонежского, построенный ещё до революции, был открыт, но как музей. Я потом узнал, что последняя молитва здесь звучала в 1940-м, а потом, никем не охраняемая, церковь была оставлена на волю ветрам и дождям, на поруху развращённым обобществлением людям. И только к 600-летию юбилею победы на Куликовом поле русского воинства и русского оружия власти опамятавались и про-

вели масштабные и дорогостоящие ремонтно-восстановительные и строительные работы.

Большинство людей проходило мимо храма, не осенив себя крестным знаменем, не крестились и заходившие в него, в том числе и наша скромная делегация. Кроме Рима: пред церковным порогом он трижды перекрестился, прошептал какие-то слова, трижды поклонился, и Иван Ефименко, вознамерившийся было отпустить партийно-политический упрёк, осёкся, видя, с какой серьёзностью, с каким умиротворением вершит подчинённый ему работник партаппарата крестное знамение. На выходе из храма Рим повторил это действие...

Признаюсь, и у меня тогда дрогнула рука, но удержало атеистическое воспитание. Годы спустя мы с Толей Костиным поехали проведать хворого Ивана Ефименко. Цыганистого типа человек, некогда энергичный, даже взрывной, он догорал в буквальном смысле этого слова, и похоже было, что встречаемся мы в последний раз. Рассказывал о нравах и обычаях осетинского народа, о работе после Воронежского обкома КПСС во Владикавказе главным редактором республиканской газеты на русском языке. На тумбочке стояла иконка – Богоматерь с младенцем.

– А помните – на Куликово поле ездили? Помните, как Пятерим Николаич крестился? Авось бы и мы перекрестились, руки бы не отсохли. Теперь вот навёрстываю: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешнаго»... Рим был у меня с неделю назад, рассказывал, что в Задонский монастырь ездил. Обещал и меня свозить туда – приложиться к мощам святителя Тихона.

Многие знают, что после работы завсектором печати Варфоломеев ушёл в собственные корреспонденты центральной газеты «Труд» по Чернозёмным областям. Писал он очень профессионально, его материалы многожды признавались лучшими. Звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» – достойная награда за его труды в «Труде», на журналистском поприще. А ещё у него вышло несколько книг очерков и статей. Последней

по времени выхода в свет была книга «Собачья верность». У неё своя история.

И вот такая. Ещё в пору горбачёвского дачного бума редакция газеты «Коммуна» (я там уже работал) присоседилась к крупному садоводческому товариществу завода синтетического каучука. Нам где-то в 1987 году выделили уголок. Чуть погода в компанию к нам попросились собкоры центральной прессы.

Пятерим Варфоломеев оказался соседом, мы стали граничить, как говорят в деревне, гумном к гумну. Дачные домики мы строили почти одновременно, потом Рим первым огородил участок сеткой-рабицей, в которой проделал дыру, чтобы рука пролезала открыть-закрыть кран, – труба с водой для полива оказалась с моей стороны.

Как-то на лето Варфоломеевы привезли на дачу щенка по кличке Рекс. Щенок весело бегал по участку и залиvisto лаял. На следующее лето пёс превратился в крупное существо чистокровной породы. Такой осанистый, с гордой походкой и басовитым голосом кобель. Рим отдавал его на учёбу в собачью школу.

Я бы никогда не поверил, что собаки бывают такими умными, если бы не увидел своими глазами. Рим и его Наталья Андреевна однажды пригласили меня с моей Любовью Фёдоровной на свою фазенду. Уселись мы за чай, и хозяин решил продемонстрировать способности своего четвероногого друга.

– Сейчас я негромко и спокойно произнесу несколько слов, не глядя на Рекса. Смотрите на его реакцию. Слова вот такие: я хочу побить Наташу.

Услышав такое, Рекс наострил уши, шерсть на его загривке взъерошилась, и он, как-то жалобно заскулив, загородил собою Наталью Андреевну. После этого Рим погладил кобеля и животное успокоилось.

Вскоре выпал ещё один случай с участием Рекса. В один из малолюдных дачных дней ранней осени стояла пасмурная погода. Трое молодых людей в спортивном прикиде прошлись по нашей улице до крайнего дома, перелезли

через забор и начали выставлять окно. К счастью, в доме оказался старик-хозяин. Он выбежал, начал что есть мочи кричать.

Вопль услышал наш коллега по «Коммуне» Михаил Вязовой. Воришки пустились наутёк, Михаил – следом за ними. Молодёжь оказалась гораздо резвее. За околицей троица разделилась: один метнулся в сторону леса, второй помчался по лугу, третий успел нырнуть в придорожную посадку. Не повезло второму – подключившийся к погоне Варфоломеев дал команду Рексу на задержание...

Через считанные минуты Михаил и Рим под конвоем Рекса вели к сторожке бледного как мел вора. В сторожке есть телефон. По нему вызвали милицию (тогда ещё не было полиции). Служивые быстро выяснили, что к чему, передали по рации координаты сбежавших. Их быстро изловили.

Молодые «спортсмены» оказались солдатами срочной службы, вступившими в преступный сговор со старшиной-контрактником. Старшина периодически обеспечивал их увольнительными, бойцы переодевались в гражданскую одежду и отправлялись обчищать дачи. Брали электрические инструменты, радиоаппаратуру, ценные вещи, посуду, съестные припасы. Ворованное приносили старшине, а тот организовывал сбыт. Часть «товара» при обыске обнаружили в ротной каптёрке. Жуликов судили – и старшину, как закопёрщика, и солдат. Начальник областного ГУВД наградил Пятерима Варфоломеева именным газовым пистолетом за участие вместе с верным Рексом в поимке преступников.

Пёс радовал Варфоломеевых послушанием, верностью и преданностью 18 лет. Ему, почившему, Рим посвятил книгу «Собачья верность». Так и написал: «Памяти моего лучшего Друга в жизни – восточно-европейской овчарке Рексу». Я читал эту книгу в рукописи. Автор попросил меня её отредактировать. На последней странице вышедшей из печати книги указано: «Редактор Виталий Жихарев, член Союза писателей России».

...Последнюю свою зиму Рим провёл на даче, где искал спасение в работе над новой книгой и молитвах. Для этой работы и этих молитв он избрал одиночество – чтобы ему никто не мешал и он никого не обременял. Я дважды в ту зиму приезжал проверять своё хозяйство. Виделся с ним, исхудавшим, осунувшимся, поседевшим до серебра после очередного сеанса химиотерапии.

– Как пишется? – спросил его.

– Потихоньку, – ответил он. – Книгу назову «Дорогие мои земляки». Редактировать возьмёшься?

– Возьмусь, – охотно согласился я.

Весной, особенно в начале лета, мне показалось, что болезнь от него отступает. Он ковырялся в земле, обрезал сучья, подправлял полы в доме, для чего брал у меня электро-рубанок. А ещё он завёл новую собачонку, приютил кошку Мусю. Кошка бегала по соседним участкам, и он её всякий раз звал, чтобы покормить чем-нибудь вкусненьким с семейного стола.

Но, конечно, работы по саду-огороду, требующие напряжения, выполняла теперь Наталья Андреевна.

Врачи, с которыми Рим постоянно консультировался, дали совет интенсифицировать лечение. Назвали зарубежное, кажется, немецкое, лекарство. Оно могло бы продлить жизнь на несколько лет. Цена – три миллиона рублей. Сумма и при большой зарплате неподъёмная, а тут – обычный пенсионер.

Преодолевая смущение, он позвонил главному редактору «Труда» с нижайшей просьбой помочь приобрести спасительное снадобье. Сам же насобирав металлолома, сдал его и на выручку купил бензин, чтобы хватило на дорогу до Москвы и обратно. Мне с надеждой в голосе рассказывал про звонок в Москву, про нетерпение, с которым ожидает ответа.

В ожидании чуда прошло лето, начался в ожидании и сентябрь.

А чудо не спешило...

Он терпел до последнего. В день, когда жена отлучилась по делам в Воронеж, Риму стало невмоготу, он вызвал «скорую помощь». «Скорая» доставила его в реанимационную палату. На тот момент соседа по палате причащал священник. Наш больной попросил исповедать и причастить и его.

Батюшка успел исполнить последнюю волю умирающего...

На исходе 2019 года меня позвали в состав жюри Воронежского регионального этапа всероссийского конкурса юных чтецов. Конкурс проходил два дня в главном зале областной библиотеки им. И.С. Никитина. Участвовали победители районных туров. Уровень мастерства, артистизм исполнителей был чрезвычайно высок. Читали только прозу – рассказы, отрывки из произведений Льва Толстого, Михаила Шолохова, Антона Чехова, Константина Паустовского, Джека Лондона, других классиков и целого ряда авторов современных. Один школьник очень выразительно, с чувством прочитал печальный рассказ про бабу Симу и её верного друга пса Шарика, который не пережил смерть своей хозяйки, следом помер на её могилке. Автор – Пятерим Варфоломеев, рассказ называется «Собачья верность». Он есть в этой книге.

Прочтите его сами, дайте прочесть детям, внукам, правнукам.

И помяните раба Божьего Питирима о упокоении его души...

Виталий ЖИХАРЕВ,
редактор газеты «Молодой коммунар»
с 1980 по 1982 год,
член Союза писателей России

МНЕ ОН ЗАПОМНИЛСЯ ТАКИМ...

Э тот непритязательный заголовок сразу пришёл мне в голову, когда, вспоминая ушедшего от нас Пятерима Варфоломеева, я обратился к листу бумаги. И тут же заминка. Знал каким – прежде всего? Душевно открытым, обязательным, ответственным. Предельно тактичным, скромным, совестливым в отношениях с окружающими. Всегда готовым прийти на помощь, и его административные возможности часто распространялись на то, чтобы помочь знакомым, а нередко и незнакомым; знал его и другим – когда он в минуты срыва словно терял свою обычную душевную деликатность, мог настойчиво требовать от непьющего или малопьющего товарища, друга, да просто нечаянного знакомца выпить наравне с ним, и тяжелея сердцем и смотрел на мир тяжелеющими глазами.

Он ценил устойчивость отношений, у него были друзья, которые ему помогали, которым он помогал, – остаются в памяти его открыто душевные отношения с Виктором Чекировым, Анатолием Морозовым, Виталием Жихаревым, Владимиром Петропавловским.

Он любил семью, беззаветно любил жену и детей, хотя и приносил родным огорчения утягами в питейный мрак.

Журналистика была для него чем-то большим, чем она есть на самом деле, и его отношение к ней было истовым и трогательно-беззаветным. Часто случалось, что при тревожном звонке из глубинки, отложив предполагавшийся вечерний или воскресный отдых, не глядя на погоду, они с другом и единомышленником Толей Морозовым могли устремиться в самый отдалённый уголок области, где что-то случилось, где требовалась их помощь, их слово.

А бытовой страстью-привязанностью для него с юношества и до последних его времён оставалась машина, она была для него одушевлённая, как для героев близкого ему писателя Андрея Платонова одушевлённым являлся паровоз. Его род-

ной дядя, ходивший в заморские рейсы, подарил ему синие «Жигули», и он часами мог пропадать в гараже, и берёт легковушку, как хороший чуткий наездник бережёт живого коня.

И главное, о чём нельзя не сказать, пусть сказанное и прозвучит несколько пафосно: он любил свою малую родину, любил деревню и землю как почву и как твердь Отечества. И когда стал редактором «Молодого коммунара», тема родной земли и преимущества живущих на ней поколений, тема возрождения деревенского мира стала одной из главных в газете.

Однажды по дороге на Семилуки мы с ним остановились невдалеке от понтонного моста, расположились на травяном спуске к берегу и всю вторую половину дня до первых звёзд проговорили о родном, нас окружающем, – о Доне, о воронежском сельском мире, о Воронеже.

Я тогда работал над книгой о Доне, и он попросил меня рассказать поподробнее об этом, и я стал ему рассказывать о великой реке – фронтовой линии во время Великой Отечественной: множество эпизодов о великом противостоянии двух миров, о поведении немцев, итальянцев, венгров в правобережных донских сёлах. Он слушал с величайшим вниманием, словно ему предстояло быть главным редактором мною задуманной «Донской энциклопедии»; а когда обратился к рассказу о донских уездных, районных городках, о прибрежных сёлах и на примере своего Нижнего Карабута и подобных ему о грустной судьбе их (разрушенные войной, они после войны поднялись, а через годы вновь стали уменьшаться числом изб и жителей), я увидел, что затронул его большое, сокровенное. Теперь он мне горестно поведал о связках сёл, деревень, хуторов, сошедших с земли или уходящих, он не просто называл их, но о каждом поселенческом уголке, о его людях (оказывается, он побывал едва не во всех сёлах, деревнях Воронежской области) рассказывал так, что перед нами на заросшем лозами донском прибрежном уголке словно бы незримо разворачивалась географическая и топонимическая карта родного края. Разумеется, мы оба понимали, что ни наша грусть-печаль об уходящем, ни наше слово, ни воззвания краеведов, подвижников сельской нивы

не изменят хода времён, железной поступи прогресса, втягивания живых сил сельского мира в городские штольни. И тем не менее не могли не говорить и не писать об этом.

Позже, став собкором «Труда», он нередко просил меня или письменно поделиться «злостью дня» в любимой им газете, или поделиться взглядом на происходящее, на ту или иную сферу отечественной жизни, а когда появлялся материал, непременно звонил и говорил радостно и гордо: «Виктор Викторович, материал отмечен на планёрке и вывешен на доске лучших публикаций».

Наши беседы с ним о славянском мире и его именах, о наших земляках Бунине, Платонове, о сельском бытии публиковались не только в «Труде», но и в «Коммуне», «Союзном вече», большой его книге «Это я, Господи!».

Одно время меня пригласили на редакторство в «Труд-Черноземье», – Пятерим Николаевич был куратором этого издания-приложения от центрального «Труда», к слову сказать, в советские времена самой многотиражной газеты в мире, и он одобрял мой курс на насыщение страниц рассказами об отечественной культуре и литературе, о трагическом и героическом четырёхлети Великой Отечественной войны, о русской природе и человеке труда. Но опекуны региональных изданий из центрального «Труда», следуя за новонаставшими поветриями, требовали более облегчённого – всякого рода забавных историй, кроссвордов, развлекаловки, а мы всё... «о подвигах, о доблести, о славе»... иными словами, – о страдном, героическом, а нередко и трагическом.

Как это часто бывает, мы многого не договорили с ним, откладывая всё на «потом», словно надеясь, что сама надежда на «потом» уже есть некая гарантия долгой жизни. Увы... последний раз мы виделись мельком, не успев даже сказать «Здравствуй!», не то что обстоятельно поговорить. Недовершённые наши беседы он унёс в преждевременную могилу. Царствие ему небесное и человеческая память!

Виктор БУДАКОВ,
член Союза писателей России,
Заслуженный работник культуры РФ

МОЙ ПЕРВЫЙ РЕДАКТОР

В Воронеж наша семья перебралась осенью 1971 года. Родители жены, как военнослужащие, получили квартиру, а я отправился искать работу. Нашёл быстро – машиностроительному заводу им. Ленина требовался фотограф. До этого я успел перебрать несколько профессий: был чернорабочим в экспедиции, музработником детского сада, аккомпаниатором хореографического ансамбля, руководителем фотокружка и даже учителем музыки и пения в школе. А тут завод – организация серьёзная. Вроде и фотолюбителем я был неплохим, а профессионалом на первых порах оказался неважным. То с экспозицией ошибусь, то старая деревянная камера трясётся на длительных выдержках. Почти каждую съёмку приходилось фотографировать дважды. На работе сидел до ночи: пока всё не переделаю, домой не уйду. В обязанности инженера-информатора-фотографа, так называлась должность, входило обеспечение снимками технического отдела, бюро изобретательства и рационализации, портреты на Доску почёта и всевозможные мероприятия для партийного, профсоюзного и комсомольского комитетов. С последним меня связывала ещё общественная нагрузка в качестве секретаря первичной комсомольской организации заводоуправления. Членами комитета ВЛКСМ завода в то время были не последние в городе люди: Юрий Овсянников, Пётр Торшин, Василий Кочергин и ваш покорный слуга.

Но как только освоился и кое-что стало получаться, мне стало скучно. Сидеть безвылазно в небольшой тёмной лаборатории с 8 до 17 часов оказалось тяжело. Выход нашёлся быстро: за небольшое «мокрое» вознаграждение мой новый приятель заводской художник перекрасил мой пропуск в красный цвет, как у начальников цехов и главных специалистов. Теперь я мог беспрепятственно проходить через заводскую проходную в любое время дня. Я ходил по

городу, приглядывался, фотографировал на улицах. Больше всего мне нравилось бродить по старому Воронежу. В моём архиве появились снимки, которые надо было кому-то показать. Так я появился в фотоклубе «Экспресс», который оказал на меня большое влияние. Здесь я сошёлся с Анатолием Рыжковым, молодым и очень талантливым фотолюбителем, который и посоветовал показать свои снимки в редакции газеты «Молодой коммунар». Когда через какое-то время в газете появились мои детские и наивные карточки, я был на седьмом небе от счастья... Не зря говорят, что человек, увидевший свою фамилию напечатанной в газете, уже немного не того...

Затем были публикации в газете «Коммуна», участие в выставках художественной фотографии, которые проходили во Дворце культуры железнодорожников имени Карла Маркса. Но больше всего меня тянуло в контору «МК», так мы меж собой называли редакцию молодёжной газеты. Ответственным секретарём был поэт и художник слова Станислав Никулин, заведующим отделом иллюстраций – Анатолий Костин, фотокорреспондентами на полставки – Алексей Колосов и Юрий Загузин. Над всеми возвышался главный редактор Пятерим Варфоломеев, личность яркая и харизматичная. Его большой кабинет, где проходили реакционные летучки, меня почему-то всегда манил. Здесь у входа в его кабинет я сделал снимок резиновых калош какого-то посетителя на фоне вывески «Главный редактор». Эта фотография, кстати, стала призом Международного фотоконкурса юмора в Болгарии. С этим кабинетом связана ещё одна занимательная история. Как-то утром иду по коридору, а у полуоткрытой двери шефа стоит, согнувшись, внештатник Борис Петров и, покорно выпрямляясь, ласково так молвит: «Доброе утро вам, Пятерим Николаевич!» Я ошалел... Минуту назад в кабинете никого не было, с кем же он здоровается?

В мае 1976 года я встретился с Варфоломеевым на Проспекте Революции, и он предложил мне стать штатным фотокором газеты. Так с корабля на бал я попал в штат

одной из самых престижных молодёжных газет Советского Союза. Для этого пришлось уволиться из строительного треста, где мне обещали квартиру и членство в КПСС.

Вначале я был фотокором студенческой газеты «Третий семестр», которая выходила как вкладыш-приложение к «МК». Всё лето мы с Ириной Фёдоровой мотались по стройотрядам, которые были разбросаны по всей области. Это было хорошая школа.

Как-то уже после полудня меня срочно отправляют на автобусе в командировку. Бухгалтерия закрыта, а в кармане всего один рубль. Как быть? Иду к шефу. Арию незваного гостя Рим выслушал молча и тут же выложил мне из своего кармана красный червонец.

На новую работу я летел как на крыльях, так всё было интересно. Правда, вначале несколько раз попадал впросак: то проявитель перепутаю с фиксажем, то настольные лабораторные часы уроню на пол. Мой наставник и визави Анатолий Митрофанович Костин как-то в сердцах произнёс: «Как такой неуклюжий медведь может фотографировать? По этим часам проявлял плёнки сам Василий Песков!»

С Василием Михайловичем я познакомился и провинился одновременно. Дело было так: сидим с А. Костиным в тёмной фотолаборатории, печатаем снимки. Редакция в то время находилась на Проспекте Революции, 33, пятый этаж Дома книги. Вежливый стук в дверь – слегка открываю дверь и вижу мужика в ватнике, сапогах и кепке в руках. Вылитый крестьянский ходок. Авось, думаю, подождёт, пока мы закончим печатать. Через какое-то время я услышал вопль моего наставника, который вышел по нужде в коридор: «Василь Михалыч! Прости ради бога – это молодой козёл заставил тебя ждать...»

Когда через несколько лет мне посчастливилось встретить В.М. Пескова на железнодорожном вокзале Воронежа, я решил представиться ему официально и начал со слов: «Вы, конечно, меня не знаете...» На что он резонно произнёс: «Как я могу забыть человека, который не пустил меня в фотолабораторию, в которой отработал целых три го-

да...» Хотя если быть исторически точным, то Василий Песков работал в редакции, которая была рядом со школой киномехаников по адресу: Проспект Революции, 20.

Пятерим Николаевич обладал редким среди редакторов качеством радоваться успехам коллег. Отмечая на летучках лучшие материалы пишущих, он не забывал сказать хотя бы несколько слов о фотоснимках. Чего греха таить, все мы люди честолюбивые и доброе слово старшего коллеги, сказанное в твой адрес, всегда помогает в нашем, казалось бы, лёгком деле: смотри и снимай.

Ещё одна сторона личности моего первого редактора – честность и порядочность. Не секрет, что среди творческой интеллигенции бывает всякое. На заре перестройки в отдел пропаганды обкома КПСС поступил сигнал от доброжелателя Л. К. о непонятных сборищах в фотолаборатории редакции. Якобы вечерами после работы некие люди закрываются на ключ, включают красный свет, и если прислушаться, то можно услышать голоса и джазовую музыку.

Варфоломеев, уходя с должности заведующего сектором печати собкором в центральную газету, торжественно и даже, мне показалось, извиняясь за коллегу, вручил мне это послание доброжелателя, так сказать, на память.

Наши пути с Римом, как его называли близкие коллеги, ещё не раз пересекались. И всякий раз от встреч с ним у меня оставались хорошие впечатления.

Об одном жалею. Наши дачи были почти рядом, а общались мы до обидного мало. Только в начале сентября прошлого года он пришёл ко мне. Посидели, поговорили, вспомнили юность. В старом зеркале шкафа отражались силуэты двух немолодых людей. Заметил, как мы все постарели. Через три дня его не стало...

Михаил ВЯЗОВОЙ,
член Союза журналистов России,
заведующий отделом иллюстраций
областной газеты «Коммуна»

ТАК ОН ПОПРОЩАЛСЯ С НАМИ...

В 2013 году в качестве редактора-составителя я взялся за подготовку книги воспоминаний об Анатолии Васильевиче Старухине, известном журналисте, писателе, собственном корреспонденте «Комсомольской правды», «Правды», «Строительной газеты», «Трибуны»... Одним из первых, кому позвонил с просьбой и предложением принять участие в создании книги, был П.Н. Варфоломеев.

– Толя был не только моим коллегой, но и настоящим, надёжным другом, – после небольшой паузы сказал Пятерим Николаевич. – Мы познакомились в начале 1980-х в Воронеже, куда Анатолий Васильевич был назначен собкором газеты «Правда». Главной газетой Советского Союза... Встречались несколько раз мельком, в суете газетных будней, я в это время уже работал собкором в «Труде». В третьей, если исходить из партийной иерархии, газете страны после «Правды» и «Советской России»... Жизнь собкора постоянно на колесах, в движении. Сегодня ты – в Тамбове, завтра – в Курске, послезавтра – в Орле... Словом, крутились на разных орбитах. А вот по-настоящему встретились и подружились... Как ты думаешь, где?

– В Москве?

– Не угадал... В Варшаве. В конце 1980-х годов серьёзно заболел собкор «Труда» в Польше. А я уже несколько раз бывал в этой стране. Маленько умел «лопотать» по-польски... В варшавском аэропорту меня встретил заболевший коллега, он улетал тем же бортом в Москву. Он представил мне человека богатырского телосложения, с необыкновенно добрым и приветливым взглядом: «Познакомься... Это мой товарищ, собкор «Правды» Толя Старухин... Он бросил все дела и решил меня проводить...» «Да мы уже знакомы...» Завязалась беседа, которая продолжилась по пути в город. Толя оказался человеком ши-

рочайшей души. Он сразу же посоветовал мне устроиться в гостиницу «Центральная». И искренне вызвался меня сопровождать. Его помощь мне очень пригодилась.

Запомнился такой случай. В один из вечеров, завершив служебные дела, мы отправились погулять по уютным варшавским улицам. Впереди семенила старушка. Таких обычно называют «божий одуванчик». Ни с того ни с сего она решила перейти улицу, когда на пешеходном переходе уже заканчивал гореть зелёный свет светофора. В этот момент откуда ни возьмись из тумана показался огромный грузовик. Ещё одно мгновение, и от «божьего одуванчика» не осталось бы и следа. В самый последний момент Толя в каком-то невероятном, поистине каскадёрском прыжке сумел схватить старушку в охапку и буквально вытащить её из-под колёс грузовика, но при этом серьёзно пострадал сам. Из-под кроссовок на его ногах сочилась кровь... Он сумел доковылять до висевшего на стене телефона-автомата и вызвал «Скорую». На больничной койке он провёл больше недели. В это время как раз закончилась моя командировка, и я зашёл попрощаться с Толей. В коридоре встретил ту самую 94-летнюю старушку, которую Толя спас от гибели. Старушка направлялась проведать своего спасителя. Мы попрощались с Толей. Но, как оказалось, не навсегда. Через несколько лет судьба свела нас в Воронеже, куда Анатолий Васильевич вернулся после зарубежной командировки, чему я, признаться, был несказанно рад, – закончил рассказ Пятерим Николаевич.

– Вот и напишите об этом, – предложил я собеседнику.

– Обязательно напишу, – пообещал П.Н. Варфоломеев. – Вот только соберусь с мыслями...

Недели через две по электронной почте пришёл небольшой текст, который заканчивался словами: «В конце прошлого года я совершил нелёгкую для себя прогулку – на Лесное кладбище, где нашёл последний приют Анатолий Старухин. Постоял, помолчал, положил осенние цветы. Ком в горле так и не отступал. Пусть земля тебе будет пухом, незабвенный, дорогой Анатолий Васильевич!»

Наши телефонные беседы на этом не прекратились. Мы продолжили общение. Говорил всегда в основном Пятерим Николаевич. Я больше слушал. Чувствовалось, что он очень переживает за судьбу страны. За судьбу детей. За семью... Это очень личное. И пусть это останется между нами.

Что ещё можно сказать о Пятериме Николаевиче? Он пользовался большим уважением и авторитетом не только коллег-журналистов, но и бывших партийных и комсомольских работников. Один из них – Александр Фёдорович Меркулов, руководитель областного управления Пенсионного фонда России – рассказывал:

– В конце 1970-х годов меня, работавшего в то время первым секретарём Каширского райкома ВЛКСМ, включили в туристическую группу, которая должна была посетить Финляндию. Руководителем группы был назначен П.Н. Варфоломеев. Во время поездки у меня появилась возможность узнать его поближе. Поразили масштаб его личности, непоказная скромность, ответственность и ответственность настоящего русского интеллигента...

В процессе подготовки книги коллеги несколько раз меня спрашивали:

– Почему ты взялся за это издание? Почему именно Варфоломеев?

Отвечаю. Варфоломеев – не первый и, я надеюсь, не последний герой наших очерков, статей и воспоминаний. Как уже было сказано, до этого была книга об А.В. Старухине. А ещё раньше, в начале 90-х годов, была подготовлена рукопись воспоминаний о Е.П. Дубровине, замечательном писателе и журналисте, нашем земляке, бывшем редакторе «Коммунара». К сожалению, из-за экономического и политического коллапса книгу тогда не удалось издать, а после моего ухода из «Коммунара» рукопись бесследно исчезла из редакторского сейфа. Считаю, что в воронежской литературе и журналистике есть много блестящих имён, о ком можно и нужно издавать книги (я имею в виду тех, кого уже нет среди нас). И совсем не важно, кто будет редактором-составителем...

И ещё об одном моменте. Один из авторов книги В.Е. Платонов с грустью пишет: «У гроба на отпевании в местной церкви и следом на кладбище стояло неприлично мало для проводов в вечность эртильцев: родные, одно-классники, друзья детства и юности, а из коллег и соратников – никого. Ну а что, собственно, удивляться – так у нас не вчерась повелось...»

Тут необходимо дать пояснение. Пятерим Николаевич, страдавший онкологическим заболеванием, скончался в пятницу 7 сентября 2018 года в реанимационном отделении одной из воронежских больниц. Согласно прижизненной воле П.Н. Варфоломеева, родственники похоронили его на малой родине. В его родном и любимом Эртиле. Это произошло на следующий день после смерти, в субботу. Скорбная весть дошла до коллег и друзей в Воронеже с большим запозданием. Не сомневаюсь: если бы похороны состоялись в Воронеже и о них было бы заранее известно, пришли бы десятки людей, тех, кто искренне уважал и любил Пятерима Николаевича Варфоломеева.

Последний раз мы встретились 6 июня 2018 года на 100-летию «Молодого коммунара». Он незаметно появился в зале, скромно присел в уголочке... Получил из рук вице-спикера областной Думы С.И. Рудакова награду – медаль «За труды во благо земли Воронежской». Указ был подписан ещё год назад прежним губернатором области Алексеем Васильевичем Гордеевым по случаю юбилея П.Н. Варфоломеева. Выступить с ответным словом, как принято в таких случаях, он не стал. Ушёл, не дождавшись окончания встречи. Видимо, не было больше сил терпеть адскую боль.

Так он попрощался с «Молодым коммунаром».

И со всеми нами...

Владимир КОЛОБОВ,
редактор газеты «Молодой коммунар»
с 1992 по 1996 год,
доктор филологических наук,
член Союза российских писателей

ПРЫГАТЬ С ПАРАШЮТОМ

Пятерим Варфоломеев был моим первым главным редактором. Тогда ещё студентку, он рискнул принять меня в штат «Молодого коммунара». Как сейчас помню – сидит за длинным столом, смотрит строго сквозь толстые стёкла очков и, как положено, напутствует. Про трое суток шагать и трое суток не спать. Ещё про тогдашнюю моду, когда журналист меняет профессию. Мол, если газете потребуется, придётся и коров доить, и нянечкой в детсаду работать, а то и прыгать с парашютом. Уже тогда стало понятно, что он из числа романтиков, хотя сотрудники в большинстве – циники.

А Пятерим (в редакции его звали коротко: Рим) рассказывал, как мечтал стать дальнобойщиком и объездить всю страну. Родной Эртиль называл не иначе, как «лучший город земли». Он придумывал какие-то невероятные газетные акции, порой – смешные. Например, когда шла уборка свёклы (Воронежская область по ней лидировала), к передовику-ударнику на свекольное поле, возможно, с того же парашюта, должен был спуститься кто-то из известных земляков (спорили: Мордасова или космонавт?) и вручить приз. По-моему, мачете. Слава Богу, анекдота не получилось.

Бунтарём наш редактор не был, да и не мог быть в 70-е годы, но в нём, как в настоящем профессионале, журналист всегда побеждал администратора. Критики в молодёжке хватало, хотя те статьи теперь кажутся наивными.

Помню, напечатали что-то нелицеприятное про университетский юрфак, кого-то разоблачили – и поднялась буча. Пятериму в обкоме досталось по первое число, но авторов он не сдал.

В другой раз виновниками его наказания стали коллеги из «Комсомолки». К нам в отдел учащейся молодёжи явился Павел Гутионтов – из знаменитого тогда «Алого

паруса» (там работал и Валентин Юмашев, впоследствии зять Ельцина). У него было задание – написать про досуг воронежской молодёжи. Ну и попросил отвести его в медвытрезвитель. Что мы по-товарищески и сделали. А здесь картина маслом – пьяные малолетки. После публикации репортажа «Комсомолку» засыпали опровержениями: мол, класс, где учатся «герои», собрал больше всех металлолома. Так что с «досугом» у них всё хорошо. А вот кто и зачем повёл заезжего журналиста в вытрезвитель – Пятерима пытали ещё долго.

У главредов своя карьера – из молодёжки Пятерима перевели в обком партии. Похоже, там ему было невесело. Однажды на субботнике (надо же, всё как у простых людей) его засыпало машиной песка. Увезли по «скорой».

Короче, менять профессию – дело рискованное. Зато обком стал трамплином, с которого Пятерим попал в собкоры «Труда». Родная журналистская среда, больше двадцати миллионов подписчиков. Здесь мы снова с ним встретились. Я уже жила в Москве, работала в отделе соцпроблем. Тогда вся газета стояла на защите интересов простого человека труда (отсюда и количество подписчиков). Пятериму это было близко. И ночи не спал, и шаггал. Находил героев, опекал их, как было с семьёй Шишкиных, где больше двадцати детей. Человек сверхобязательный, он, кровь из носу, а задание выполнит, заметку в срок пришлёт.

Собкор – это голос на расстоянии, всё по телефону. Тревога началась в начале нулевых годов. «Труд» не избежал перепродажи, а банкирам собкоры были не интересны. Их просто-напросто обрезали. Скинули за борт. Как и заботы людей в регионах – за пределами Москвы. Мы ещё по привычке давали собкорам задания, они без зарплаты их выполняли. Такие же бескорыстные романтики, как Пятерим. Похоже, он бедствовал. Похоже, не избежал пресловутой «русской болезни». Грустно.

Сейчас, бывает, журналисты и с парашютом прыгают, и в воду ныряют, хотя больше для «картинки», для понтов, а

романтика из профессии ушла. Куда и зачем шагать по трое суток, когда всё в интернете? Сдирают безбожно. А Пятерим был из тех, кто живёт исключительно своим умом и талантом.

Но, увы, бывает, что однажды парашют не раскрывается.

Ольга НЕСТЕРОВА (ПАРФЁНОВА),
зав. отделом газеты «Молодой коммунар» (1976–1985 гг.),
зам. редактора отдела социально-экономических проблем газеты «Труд» (1985–2007 гг.)

ЧТОБ ВЗРЫВАЛИСЬ СЛОВА, КАК ПАТРОНЫ В КОСТРЕ...

Лето 1974-го, которое впервые свело нас с Пятеримом Варфоломеевым, было для меня во всех смыслах жарким. К июню подоспела последняя и главная студенческая практика в редакции «Молодого коммунара». Эта газета была тогда настоящей творческой Меккой, куда стекались лучшие журналистские паломники со всего края. Испытать своё перо в «Коммунаре» было большой удачей. И вот она привалила...

На подвиги меня определили в отдел рабочей и сельской молодёжи, а руководителем моей практики стал завотделом Пятерим Варфоломеев. С первых дней он поразил меня не столько редкостными для Черноземья, как сказали бы сейчас, персональными данными, сколько своим неуловимым присутствием-отсутствием. Шли дни, мелькнули недели, а Пятерим – то был, то вышел, то в командировке, то в обкоме... Мои сокурсники ходили за кураторами гуськом по коридорам, вели умные беседы, строили безумные планы, а я уныло строчил информушки, распутывал скандал в ПТУ и грустно посматривал на пустой стол руководителя практики. В конце концов взявший надо мной шефство корреспондент отдела Виктор Одинцов и лепший студенческий друг Виктор Перегудов, уже работавший в «МК», успокоили: «Попусту не переживай. Всё будет нормально. Гони строку – и слава тебя найдёт...»

Впрочем, скучать было совсем недосуг. Ведь в том благословенном июне вызрела и наша с Верой (однокурсницей-красавицей) свадьба, которую с бодрым комсомольским размахом мы сыграли в популярной у всех студенческих поколений «Гармошке». На склоне пиршества под звон бокалов, скандирование «Горько!» и ритмы советской эстрады в кафе прорвался Одинцов, дежуривший по выпуску газеты в типографии. К ужасу официанток, недо-

умению немногочисленной сельской родни да и к нашему изумлению он развернул прямо на свадебном столе страничку завтрашнего «Молодого коммунара» с моим дебютным очерком о пэтэушных страстях. 450 строк в оттиске большеформатной газеты пахли едкой типографской краской и безмерным счастьем! Этот неповторимый аромат журналистского успеха будет потом будоражить и тешить мою душу почти полвека непрерывных бдений в разных редакциях.

Что и говорить, подарок был чудным, но, как выяснилось, по своей оригинальности вовсе не единственным. В завершение вечера друзья вручили нам пропуск в «Бристоль» (так в народе называли дореволюционным старым именем гостиницу «Центральная» на проспекте Революции). Оказывается, сокурсники выкупили там для нас с Верой двухкомнатный номер-«люкс» на целую неделю. Фантастика! С горсткой самых стойких гостей во главе с нашими свидетелями Виктором и Валей Перегудовыми, с немудрящими подарками и двумя сумками неизрасходованной провизии и выпивки мы двинулись в «Бристоль» осваивать поразительный свадебный презент.

К следующему полудню выяснилось, что жизнь продолжается и после свадьбы. Я сбегал «на практику» и за газетой в редакцию, благо была она совсем рядом – в легендарном Доме книги на проспекте Революции (ныне там бытует «Единая Россия»). В отделе встретился с Одинцовым.

– Старик, тут ребята на планёрке о твоей заметке говорили. Одобрили. Не против познакомиться поближе... Может, заглянем к тебе в апартаменты?

– О чём речь, конечно, приходите, – согласился я, чувствуя, как практика тактично посторонилась, а свадьба вновь поднялась в полный рост.

Через час «Молодой коммунара» почти в полном составе восседал, сдвинув столы, в люксовом номере «Бристоля». Моя юная жена с радушным волнением привечала шумную толпу и с гордостью поглядывала на меня: дескать, видный парень мой муж, с такими журналюгами водится!

Газетчики и вправду были знатные. Слава Лободов, аналитик-полемист, умудрившийся поспорить с самим острогожским непререкаемым партсекретарём, Героем соцтруда Мамоновым... Пропагандист Пётр Сысоев, почти ставший писателем... Валерий Алтунин, зам, готовящийся в редактора... Стас Никулин, ответсек, с суровой бородой и нежной душою поэта... Люда Анцупова, новая звезда коммунаровской моралистики, ловко помогала моей жене рубить колбасу и метать на стол всякие яства...

Славка Лободов, по привычке аналитически изучив апартаменты вдоль, поперёк и даже до глубины чугунной ванны, поднял бокал:

– Ребята, мы рады за вас, поздравляем. Но всё это... – Он окинул выразительным взглядом «люкс». – Всё это, мыкаясь по съёмным углам, вы будете вспоминать со слезами...

Махом выпил и вынес жёсткий вердикт:

– Садистский подарок.

– Да ладно тебе, Слав, – попытался урезонить аналитика Перегудов, который как раз и подозревался в авторстве этой роскошной идеи нашего недельного блаженства в «люксе».

– Мужики, а где Рим?.. – спросил кто-то, видимо, желая избавить молодую семью от печальных размышлений о будущем.

Мой руководитель практики и на сей раз почему-то манкировал даже эту халявную весёлую пирушку, что, конечно, немного расстраивало. А утром следующего дня, когда Одинцов мимоходом поинтересовался у него, дескать, отчего не пришёл в «Бристоль», Рим ответил чуть ли не пафосно:

– Газету делал, старик, газету... Она должна выходить в срок, несмотря на ураганы, землетрясения...

Посмотрел, как показалось, на меня искоса и строго:

– И даже свадьбы...

Поинтересовался:

– Это и есть тот счастливчик, который успевает и свадьбы играть, и заметки писать?..

Добавил, давая понять, кто в доме хозяин:

– Ладно, есть у меня для тебя одно задание...

В тот момент эта интермедия мне откровенно не понравилась. В редакциях очень редко встречался подчёркнуто-надменный мундиризм. В голове даже мелькнуло: «И чего он выделяется?..»

В массивных роговых очках, в светлой рубашке с галстуком (и это летом!), манерой разговора и поведения Пятерим напоминал героя тогдашнего культового фильма «Журналист». А ещё больше походил на плакатного комсомольского вожака. И почему-то смахивал на шукшинского рубаху-парня, бросившегося, как он выразился, «по дури», отгонять горящий бензовоз с людной площади. Поразительно, но с годами выяснится, что всё и вправду удачно было смешано в одном «флаконе» под именем Пятерим Варфоломеев. Комсомольская жилка – так ведь работал секретарём райкома в Эртиле. Журналистика – дослужился до ответсекретаря в эртильской районке, откуда Виктор Чекиров, будучи коммунаровским начальником, рекрутировал его в Воронеж. Отчаянное геройство? А вот приключился с Римом случай, когда он обнаружил на дачах вора и не просто шуганул да успокоился, а преследовал на пару с четвероногим другом Рэксом, в конце концов задержал и сдал в милицию. И награждён был за это именным газовым револьвером, который вручил Пятериму лично начальник УВД области...

...А придумал тогда свалившийся на мою голову да в медовый месяц руководитель практики совершенно церберское задание. Жизнь за окном нашего кабинета по-китайски цвела во все сто цветов. На нивах комбайны уже пробовали на вкус колоски начинавшейся жатвы. Косари утрамбовали в сенажные башни поэтически зардевшийся эспарцет. Юные доярки самозабвенно тискали коровье вымя в поисках молочных рекордов. Всё это страшно нуждалось в коммунаровской строке. Рим был краток и непреклонен:

– Летишь завтра в Эртиль. Я позвоню Бевзу (*первый секретарь райкома комсомола – В.Н.*). Оттуда – в Верхнюю Хаву. Я позвоню Масютину (*верхнехавский секретарь. –*

В.Н.). Привезёшь три заметки: жатва, корма и ферма. Сегодня среда. Командировку берёшь на три дня. В понедельник твоя заметка идёт в номер.

Это был, как говорится, полный абзац! За четыре года учёбы на отделении журналистики ВГУ я уже потолкался в нескольких редакциях и хорошо знал, что на газетном сленге «заметка» – это не двадцать строк петитом, а полноценная статья или очерк. А материал в номер – и вовсе не шутка. От варфоломеевских целеуказаний даже Одинцов приподнял очки:

– Рим, да у парня ведь свадьба накануне была...

– А сегодня – практика, мой друг. Тут или жениться, или практиковаться, – изрёк Пятерим и кивнул на сидящего напротив Анатолия Морозова: – Спроси у мэтра, как заметки составлять. Да и что тебе эти три заметки – тьфу! И на жену сил немеряно останется...

Мэтр коммунаровской очеркистики Толик Морозов нежно поправил свою причёску (по его словам, «как у певца Захарова») и, улыбаясь, сказал:

– А что, и нужно всего-то фамилия да имя героя, марка трактора, как зовут жену, мать и тёщу – и очерк готов.

– И ещё место действия, – добавил Пятерим.

– Ну, это он уже запомнил, – кивнул Морозов.

В самом деле, в полвосьмого утра следующего дня я уже летел «кукурузником» в Эртиль. Как в песне, трое суток шагал, трое суток не спал, две чарки с секретарями заглушил. В воскресенье, пытаясь абстрагироваться от красавицы жены, изложил перипетии драматической битвы чумазого голубоглазого молоденького комбайнера Попова с поломками, дремотой и росой, который, в конце концов, за сутки намолотил 1000 центнеров зерна. Рекорд! В понедельник положил заметку Риму на стол. Он даже маленько ошалел:

– Ты что, уже написал?! – Тут же впился очками в текст, потом протянул листки Морозову: – Глянь, по-моему, толково получилось.

Толик, поправив причёску, прочитал и сделал далеко идущий вывод:

– Ну, этот практикант так и нас с тобою без работы оставит. Ставь в номер – ты обещал.

– Ладно, старик, иди в машбюро, к Розе. Скажи – от меня, печатать срочно, – Пятерим отдал мне материал. – А я к Стасу, в секретариат. Твой «гвоздь» будет на первой...

Усмехнулся и сказал:

– Знаешь, а я ведь, если честно, насчёт понедельника пошутил...

Так или иначе, сколько раз в жизни я потом убеждался, что подобные шутки, как правило, были жёсткой проверкой твоей состоятельности. Чтобы попасть на страницы «МК», стать среди коммунаровцев своим, нужно было всегда прыгнуть выше головы, сработать на пределе. Вскоро сти став редактором, Пятерим подобным способом испытывал каждого кандидата в коммунаровский строй. И не всякий это выдерживал. Он был жёстким руководителем. Люто ненавидел лентяев. Потому что сам отдавался работе самозабвенно. Я вовсе не склонен рисовать здесь сусального героя-редактора или беззаветного газетного волка. Пятерим тоже был не прочь увильнуть от трудовых свершений куда-нибудь в любимый Эртиль или привольный Верхний Мамон с друзьями-корешами Толиком Морозовым и Саней Дверцовым... Он безнадежно сражался в шахматы с редакционным «гроссмейстером» Юрой Зибровым, постоянно проигрывал, злился, играя желваками: «Нечестная игра!» Непримиимо болел за московский «Спартак», но был стойким фанатом воронежского «Факела». К ужасу корректоров и выпускающего ради результата футбольного матча мог до полуночи задержать подписание номера в печать. И никто ему не был указ – ни Бог, ни цензор, ни обком. Как всякий трудоголик, он всё же имел индивидуальные «родимые» пятна. Со временем стало понятно, что его самозабвенность и трудовой порыв были как бы индульгенцией, компенсацией за известную в журналистской среде расслабуху, в которую нет-нет да и впадал Пятерим.

Но зато потом «МК» реально становился воплощением вручную возводившегося «Днепрогэса». Шум, гам, та-ра-рам, искры эмоций и фейерверки страстей рождали тут поистине шедевральные строчки. Газету везде ждали и рвали из рук в руки читатели. А сам редактор Варфоломеев не забывал о ней, кажется, нигде и никогда, в любой точке земного шара. Помню, как комсомольские связи забросили его на Кубу. Через все строгие зарубежные и советские кордоны Рим приволок в редакцию... мачете. Гордо отправился с ним на бюро обкома комсомола, где увесистый нож-клинок кубинских сахарников был обращён в переходящий приз «МК» для молодых воронежских свекловодов. Всю ненастную осень редакция металась с этим угрожающего вида ножом по полям и весям, приводя в недоумение чумазых и усталых трудовых героев.

Не знаю почему, но те первые уроки журналистских изнуждений и рабочей ярости мне пришлось по душе. Может быть, потому, что уже тогда, подспудно ощутив некую корпоративную родственность, Пятерим резко изменил отношение ко мне, меня, практиканта, воспринимал без снобизма, охотно делаясь задумками и темами и даже в чём-то советуясь.

Отдел рабочей и сельской молодёжи «МК» располагался тогда на просторной лестничной клетке пятого этажа Дома книги. У окна впритык стояли два больших стола – владения Рима и Толика Морозова. Вдоль стены к двери – столы Одинцова и Перегудова. Между ними втиснули стул – персонально для меня. Потому что, в отличие от периодически клубящейся здесь толпы рабкоров, я приноровился ходить в отдел каждый день, будто на работу. Рано утром первым тут появлялся Толик Морозов. Он жил в пригородных Семилуках, а кто дальше живёт, тот раньше всех на работу приходит. Давно замечено. К девяти-десяти часам он уже успевал написать очередной очерк-фельетон с чудной вязью диалогов и экзотических сценок. Меня всегда поражало, как ему удавалось где-то собрать, у кого-то выудить столь богатую фактуру?!

Рим врывался в кабинет размахисто, с туго набитым портфелем. Он садился напротив Толика, смотрел на стенку с портретом выразительно босоногого Шукшина и цитировал:

– Итак, друзья, рекомендую запомнить. Как говорил Шукшин: «Я ищу героя нашего времени и, кажется, нашупал его; герой нашего времени – демагог»... Звучит, а? – восхищался Пятерим. – Кому нужно, берите для заметки, пока я щедрый.

Толик поднимался, подходил к «своей» противоположной стене, где среди вороха припиленных бумаг каким-то макарком было прикреплено небольшое зеркало. Он поправлял причёску «под Захарова», возвращался за стол и весомо отвечал Риму другой цитатой:

– «Мы – не мыслители, у нас зарплата не та»... Именно так говаривал, бывало, Василий Макарович...

Шукшина в редакции тогда обожали, его героями-чудиками восхищались. Шукшинские сюжеты старались подмечать вокруг. А они, собственно, были и в нашей жизни.

Однажды, поднимаясь утром в отдел, на крутых лестничных пролётах я попытался обойти дебелую запыхавшуюся деваху. Однако в огромном пустом Доме книги она позарез нуждалась хоть в какой-то живой душе:

– Слушай, парень, а где тут сидит редактор «Молодого коммунара»?

– Ну, его, видать, ещё нет, – иду вверх, обгоняя.

– Да мне уж хоть какое-то начальство найти бы, – отчаянно кричит вслед девица, едва не плача.

На лестничную клетку из отдела выплывает в красивой причёске Толик Морозов:

– Чего шумим, мужики и леди?

– Вот девушка редактора ищет, – развёл я руками.

– А зачем тебе, красавица, редактор? Может, и мы сгодимся? – фривольничает Толик.

Девица, багровея от крутого подъёма и нарождающегося гнева, чуть не в голос – ему:

– Вот и ты издеваешься... Красавица! Понаписали! Я по улице пройти не могу – всё село в покат смеётся... Муж – огонь! Синим пламенем горит – в тюрьме сидит этот «огонь»!..

Мы с Толиком ошарашенно смотрели, как девица, глотая слова и слёзы, извлекла из сумки нашу газету, развернула страничный очерк о победительнице областного смотря молодых доярок «Красная косынка» и ткнула пальцем в конец материала, где фамилия автора:

– Мне нужен редактор, словом, начальник, чтоб прищурил этого Морозова.

Толик сориентировался мгновенно, элегантно взял девушку под локоток.

– Да мы этого негодяя так прищучим! – вскричал он, увлекая посетительницу вниз, к выходу. – Мы ему не только правую руку оторвём, заодно и голову! Чтоб и думать не мог, не то что писать такую ересь! – буйствовал Толик.

– Да ты шутишь, – не верила своему счастью замечательная доярка.

– Дайте мне ваш адрес, я напишу о результатах рассмотрения жалобы. А вы поезжайте домой... Редактора сегодня не будет. И завтра тоже, – на всякий случай заверил строгий исследователь журналистского разбоя.

Они ушли вниз. Глухо раскатывались по зданию их голоса, замирая. Утренняя редакция была пуста и тиха, словно присмирела в недоумении от экзотического спектакля. В подшивке я нашёл злосчастный очерк, стал читать. Был он написан так живо и мастерски, как умел это делать единственно Толик Морозов. Прошло немало времени, а я никак не мог расставить акценты – мне всех было жалко.

Дверь с треском распахнулась, в кабинет ворвался Пяттерим, за ним семенил Толик. Судя по всему, они вели разбор полётов.

– Старик, ну ты даёшь! – сокрушённо мотал головой Варфоломеев.

– Рим, мы целый день по району мотались. В правление приехали под вечер. Там – никого, один дед с банкой само-

гона. Я ему вопрос: дескать, знаешь такую? Говорит: «Хороша деваха, прям красавица». – «А муж есть?» – «Да как же – и муж, как огонь...» Словом, поговорили, пока банка не опустела... – виновато бубнил Толик Морозов.

– Толик, какой, к чёрту, дед с банкой! – кипел Пятерим. – Ты понимаешь, что «Штирлиц как никогда был на грани провала». Нас с тобой отсюда с пятого этажа выбросят в окно без парашюта!

И вдруг оба замолчали.

Полдня они молча сопели, стараясь даже не смотреть друг на друга. Да и на окружающих тоже. Но всё же дурное настроение развеялось, осадок выпал. Пятерим поднял глаза на нахохлившегося под красивой причёской друга и захохотал:

– Старик, ну ты учудил! Она же страшна, как Крамаров в комедиях, а ты – кра-са-ви-ца! Муженёк-зэк – парень-огонь!.. Это шедеврально!

Рим потешался над маленькой трагедией друга, как, наверное, село покатывалось над лучшей «красной косынкой». Потом он твёрдо опустил кулак на стол:

– Ладно, ставим точку. Но помним. Всё бывает первый и последний раз. Согласен?

– Со мной такого не случалось, даже когда я начинал работать обтирщиком паровозов, – облегчённо разулыбался Толик, приглаживая «певца Захарова» на голове.

Жизнь, как говорится, налаживалась. И тут Рим будто впервые заметил меня и сказал:

– Понял, студент? Учись. Пиши так же хорошо, как мэтр. Но правду...

...Милые, дорогие моему сердцу друзья-наставники... Через их слова и поступки, советы и помощь, протянутую руку и подставленное плечо входило в мою жизнь, вливалось в душу желанное и чистое, как живая вода, горькое и дурманящее, как отравы, журналистское питье-бытие. И по усам текло, и на язык попало... Так сладко обращаться к знакомым именам благодарной памятью и по её следам будто заново проходить свой путь. Наш круг был не так

велик, каким казался в юности. Как часто и близко мы переплетались делами и судьбами, чтобы с кем-то расстаться, к кому-то прийти. Всё было вроде вчера. Только тогда потери казались лёгкими, а на склоне лет они стали невозвратимыми.

С Пятеримом жизнь меня сводила нередко – то вплотную, то эхом. Став завсектором печати обкома партии, он привёл меня в наш младокоммунарский дом, где после него и Виталия Жихарева я тоже испытал счастье быть редактором одной из лучших молодёжных газет СССР. Потом, будучи в одной собкоровской шкуре (Рим – в «Труде», я – в «Парламентской газете»), сколько раз помогали друг другу то темой, то фактом, то просто словом. Поначалу шукшинские цитаты в изложении Пятерима казались мне излишне пафосными и назидательными, но спустя время обычно раскрывался их точный и безошибочный смысл. Однажды он сказал, что, по-шукшински, «писать надо так, чтобы слова взрывались, как патроны в костре...» Я по привычке ответил ему, что звучит это уж слишком по-будённовски. Но потом вдруг ощутил, что, читая заметки коллег или что-то своё, листая страницы, будто угольки костра ворошу, ищу патрон, который бабахнет прямо в сердце... Поразит – значит, не напрасно были написаны строчки.

Помнится и тот день, когда позвонил Эдуард Ефремов: «Ты знаешь, Пятерим умер...» А мне ещё с утра казалось, что не ко времени похолодало, заосенило вдруг. И не зря. Одним костром на земле стало меньше. И патроны теперь на газетных страницах находишь всё реже.

Владимир НОВОХАТСКИЙ,
редактор газеты «Молодой коммунар»
с 1983 по 1987 год,
собкор «Парламентской газеты»
по Центральному Черноземью с 1998 по 2005 год

МАСТЕР-КЛАСС ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Я не могу назвать его своим учителем, но он учил тех, кто учил меня. С Пятеримом Николаевичем Варфоломеевым я познакомился весной 1987 года в кабинете редактора «Воронежской недели» Петра Васильевича Дуварова, фронтовика, ветерана воронежской журналистики. Мне едва исполнилось 18, и я, первокурсник и потомственный журналист, обиваю пороги редакций. Благо все они в одном месте на Лизюкова, 2. Я пытаюсь пристроить свою «гениальную» и «смелую» рецензию на нашумевший фильм «Покаяние». «Молодой коммунар» мне её уже завернул.

К Петру Васильевичу я попал по благу – он работал с моим отцом в Борисоглебске в шестидесятые в районной прессе. У Дуварова я второй раз. Сначала отнёс статью, теперь он пригласил меня обсудить правки. То есть сокращения. В беседу постепенно втягивается Варфоломеев: «Стиль у тебя есть, но эмоций много. Но рецензия – такой жанр, что можно и с эмоциями» Я кипячусь, пытаюсь доказать своё. Мне всё это кажется цензурой и ретроградством. Меня ещё никто не правил. Те две заметки, которые я уже успел опубликовать, шли целиком. Я не понимаю, молоко-сос, что мне оказывают услугу только из-за знакомства с отцом и что это мастер-класс. Уроки того мастер-класса, наверное, пошли впрок, раз уж я пишу треть века без остановки. В памяти Пятерим Николаевич – ироничный, простой в общении и мудрый. Ну вот зачем им, дедам, возиться со вчерашним школьником – пусть и четверть часа. Варфоломеев передаёт привет отцу, а дома я узнаю, что общался ни много ни мало с целым экс-главредом «Молодого коммунара» и завсектором печати обкома партии. Понынешнему, министр, считай.

Следующая встреча состоялась спустя пять лет, в 1992 году. Я уже отслужил в армии, теперь я – молодой депутат горсовета и главред первой частной газеты города – «Ве-

черный Воронеж». Пытаюсь заманить к себе самые яркие перья. Понятно, что из старых газет никто не рискнёт ввязываться в авантюру, но ведь есть «ветераны», у которых уйма свободного времени. Такими мне кажутся собкоры федеральных СМИ – ну, подумаешь, три-четыре материала в месяц пишут. Варфоломеев – собственный корреспондент газеты «Труд», третьей по значимости в стране. Но страны нет, денег ни у кого нет. Подработка, которую я предлагаю, денежная. «Нет, сотрудничать у нас вряд ли получится. Большие материалы я делаю для Москвы, переписывать самого себя другими словами я не научился, а заметки вы и без меня хорошо пишете».

Мы частенько пересекались на различных журналистских мероприятиях почти все девяностые. Всегда приветливый мэтр находил доброе слово про какую-нибудь свежую публикацию «Вечернего Воронежа». Иногда и «перехватывал» наши темы, поднимая их на федеральный уровень. Не скрою, было очень приятно.

Авторитет Варфоломеева в те годы был непререкаем. Он входил в «большую тройку» собкоров: вместе с ним Анатолий Старухин (ТАСС, затем «Трибуна») и Валерий Миролевич («Известия»). Все они давно уже переросли репортёрские и вообще журналистские рамки. Это были писатели, по какой-то своей прихоти работавшие в газетах. Но Старухин и Миролевич были «перекати-поле», объехавшие в своей собкорской кочевой жизни почти всю страну, а Старухин ещё и за границу захватил. И ещё они были – «городские». Варфоломеев был «домосед», за пределы Воронежской области никуда работать не выезжал. И он был крестьянин, не только по своим эртильским корням, но по духу. Наверное, Старухин и Миролевич с точки зрения стиля были помастеровитее, но с такой щемящей болью, как писал Пятерим Николаевич, они писать не могли.

В девяностые его главной темой была судьба маленького сельского человека, всеми обманутого и всеми забытого, живущего тяжёлым трудом на сломе эпох. Но в каждой его зарисовке на фоне бытовой безнадеги, безденежья, безхлебья

оставалось место оптимизму – жив человек, жив своими трудами. Его не сломать, а значит, всё будет хорошо. Мне даже кажется, что свою журналистскую работу Пятерим Николаевич воспринимал как крестьянский труд, в чём-то монотонный, а в чём-то священный. Он писал без фальши, как и жил.

Общая фотография с Пятеримом Николаевичем у меня одна. Сделана была на 90-летнем юбилее «Молодого коммунара» в 2008 году. Мы стоим друг за другом в порядке хронологии: Варфоломеев, Жихарев, Новохатский, Щёлоков и Пирогов – пять главредов «Молодого коммунара». Кто бы мог тогда подумать, что мы переживём газету, а не она нас. Пятерим Николаевич был на том юбилее старейшиной, я как действующий редактор вручал ему памятный знак «Молодого коммунара» – панно со старинными перьями. Помню, что, волнуясь, сказал тогда, что перед лицом старших товарищей стою как на Страшном суде. Он ответил, что в сердце всегда остаётся «коммунаровцем», поэтому и «суд» будет товарищеским.

В редакцию «Коммунара» Варфоломеев стал изредка с тех пор захаживать в компании Старухина и/или Миролевича. Но в отличие от них так и не принёс ни одной рукописи, оставаясь верным «Труду», где он проработал больше четверти века. Помню, как он раздражался, прямо выходил из себя, обсуждая новодельные памятники никогда не бывавшим в Воронеже Есенину и Высоцкому: «Хоть после смерти на гастроли приехал». Он вообще так и остался человеком старой закалки, человеком от сохи. Имеющим на всё свой взгляд.

Мы могли бы встретиться в 2018 году, когда отмечалось столетие «убитой» газеты «Молодой коммунара». Областные власти наградили его какой-то важной наградой. Он пришёл на этот юбилей, несмотря на состояние здоровья, но ушёл очень рано. В общем, разминулись. Кто-то сказал, что он болен безнадежно. Но мы выпили за его здоровье – верить в плохое не хотелось. А через три месяца его не стало.

Александр ПИРОГОВ,
журналист, редактор газеты
«Молодой коммунара» с 2005 по 2009 год

НАШ ПЯТЕРИМ

Предложение Владимира Колобова участвовать в сборнике памяти о моём земляке немало меня озадачило. Подумал, что могу оказаться единственным автором, который и не журналист, и не знал лично Пятерима Николаевича Варфоломеева. Пару телефонных разговоров и стандартную подпись на подаренной им книге несерьёзно предъявлять даже как само право на суждения о нём. С другой стороны, моё неучастие – явное неуважение к самой памяти о неординарном земляке. Но в Эртиле живут его школьные друзья и родная сестра, продолжает творить редакция районной газеты, где сохранились номера с его статьями, сохранились и следы учёбы будущего журналиста в Эртильской школе №1. Они помогут быть вполне объективным.

Свои изыскания начал с выяснения необычности имени с оттенком церковности. Почти наверняка на момент появления младенца в семье Варфоломеевых носителя столь редкого имени невозможно было сыскать среди четырёх десятков тысяч жителей района. Оказалось, что родитель – Николай Иванович – просто исполнил обещанное себе самому ещё на фронте. Необычным именем звали сына старшего офицера, которого кружил опасными дорогами войны Николай Варфоломеев. Своего командира рядовой Варфоломеев безмерно уважал за человечность и справедливое отношение ко всему существу в условиях жестокой фронтовой действительности. А мама, пережившая соловецкую ссылку безо всякой вины, войну, голод и холод и воплощавшая собой мудрость выживания в условиях рукотворного ада и способность превыше всего ценить семейный уклад, совсем не воспротивилась – ну, Пятерим, так Пятерим. А в доме и на улице мальчика звали просто и необычно Римкой – как какую-нибудь там девчонку.

Послевоенный Эртиль. Нищий, убогий и грязно-серый с полуголодными сопливыми пацанами, у многих из которых война забрала отцов и старших братьев. Учителя и нянечки в детских садах настойчиво искореняли завшивленность и детскую дистрофию, а педагоги в школе безуспешно боролись со всеобщим курением подростков, заставляли снимать шапки при входе в помещение, мыть руки и уши и стричь ногти. Шло суматошное восстановление возвращённого из эвакуации сахарного завода. Восстановленный завод делил дни, недели и месяцы рабочего посёлка своими строгими гудками. На «кагатке» и в цехах наравне со взрослыми «вкалывали» подростки. Правдами-неправдами стремились пронести с завода сахарок, паточку или пару свёколок. Ловили, конечно, и не журили, не воспитывали, а «давали срока» даже несовершеннолетним, вдовам-заводчанкам и вчерашним героям войны. Суды и наказания подливали серой краски в палитру нелёгкого бытия. Но детство как-то пробивалось, прорастало сквозь жёсткую реальность примитивного быта впроголодь с каждодневными очередями, керосинками, купанием в корыте, туалетом на улице и прочей пролетарской «романтикой». На уроках, однако, как-то приобщались любить лучшую из всех родин, сажали школьные сады и огороды, играли в футбол тряпичными мячами, исхитрялись проникать в кинотеатр имени Тельмана на киносеансы «про войну и про любовь». Жизнь проходила на улице. Движение ко всему лучшему выражалось в постоянных коллективных делах и бескомпромиссных спорах, где принципиальные юноши и девушки не щадили даже друзей и подруг, если подозревали их в отступлении от неписанных норм и данных обещаний.

Варфоломеевы жили в самом начале улицы имени Гастелло в доме №1. Римка любил встречать с работы своего отца, бежал ему навстречу, чтобы лишние метры проехать с ним в просторной кабине, хотел быть таким же, как он, мечтал побыстрее вырасти и обязательно стать шофёром большой и сильной машины. Жаль только видеться с от-

цом приходилось нечасто из-за его командировок, ремонтов и прочих важных дел.

В те годы улица воспитывала больше, чем родители, которым с их заботами было вечно некогда. В детской и потом подростковой среде ценились взаимная выручка, физическая ловкость и способность красочно пересказать содержание фильма, книги или чьей-то необычной жизненной истории. Присочинить, подкрасить и домыслить, в этом случае было вполне допустимо, оправданно и даже слегка желательно. К отличникам учёбы относились не то чтобы подозрительно, но с повышенными мерками и надёжно спрятанной завистью. Но Римка был своим, вне всякой зависти. Он в старших классах учился на «хорошо» и «удовлетворительно». Изю всех школьных наук понастоящему любил русскую литературу и историю, а вот по математике с геометрией и химией имел в основном тройки. Знал и общался Римка со всем микрорайоном «Стройка», а дружил с Володей Боевым, Володей Анисимовым и Валерой Фокиным.

Стоит отметить, что Эртильская средняя школа давала в шестидесятые годы добротные знания. Некоторые её выпускники даже с троечными оценками в аттестатах успешно сдавали экзамены в вузы. Примеров таких было довольно много. Пятерим тоже заказал себе высокую планку – поход на журфак ВГУ с высоченным конкурсом. Его неудача при поступлении выглядела крушением жизненных устоев, постыдным отступлением, неумением оправдать надежды родителей и педагогов. Многие из его друзей-приятелей стали студентами педагогического, сельскохозяйственного и технических вузов. А тут ещё и другое несчастье – слабое зрение, не позволявшее быть призванным в воинские ряды, где из тебя гарантированно сделают настоящего мужчину – сильного, развитого и независимого. При таком обидном раскладе – хоть в петлю, хоть на сахарный завод, где трудилось большинство старших приятелей. Отец помог устроиться токарем мехмастерской по второму низкооплачиваемому разряду. Впо-

следствии Пятерим напишет: «На этом заводе в токарном цехе я начинал свою трудовую биографию и страшно гордился тем, что именно на моём заводе работал главным конструктором замечательно талантливый человек, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии Марк Дмитриевич Обрывко, имевший образование в размере четырёх классов». Для Варфоломеева, кстати, характерно и органично было гордиться не собственными успехами, а только теми, кто рядом с ним и с кем получалось душевное созвучие.

За время своего взросления Пятерим сам посылно участвовал в развитии заводского посёлка. На его глазах выросли новые улицы с домами в несколько квартир и даже этажей, появились асфальтированные дороги, посадили парк с качелями, турниками и спортплощадками, обустроили настоящее футбольное поле, построили огромный дворец сахарников, в котором чудные вальсы и духоподъёмные марши играл местный, но настоящий оркестр, заводская самодеятельность магнитила в свои амуры каждого, у кого имелись хоть какой-то слух и голос. Бурное развитие Эртиля дало веский повод наделить его в феврале 1963 года статусом города.

После отставки Н.С. Хрущёва исправили многие из не оправдавших себя затей и очевидных глупостей. В частности, из состава укрупнённого Аннинского района вновь возвратили для области Эртильский район. Органом общественно-политического просвещения территории с 65-ю тысячами населения стала газета «Трудовая слава».

В то время активно поощрялось сотрудничество общественных корреспондентов, которые привносили сухенькие репортажики и «информушки» непосредственно из заводских цехов и колхозных полей. Увидеть свою фамилию даже под самой мизерной публикацией – такое могло быть верхом признания редких способностей и поводом для скрытого восторга. Попробовал себя в этом деле и Пятерим. Попробовал и... 10 ноября 1965 года напечатали его довольно зрелый по меркам «районки» очерк о сахзаводчанине Васи-

лии Животкове под названием «Человек большой души». Спустя неделю его позвали стать литсотрудником районной газеты. Доставляя тетрадные листочки в редакцию, Пятерим познакомился с удивительными людьми, равенство с которыми выглядело невероятным после его фиаско с поступлением на журфак. Но люди эти вели себя приветливо, остроумно, просто и совсем были лишены естественного, казалось бы, превосходства и бахвальства. Более того, редакция во главе с авторитетным Михаилом Дмитриевичем Шиловым явно благоволила к его наивным, но не лишённым творческих начал «изыскам».

Обычный день семнадцатого ноября 1965 года стал судьбоносным и триумфальным: восемнадцатилетнего Пятерима Варфоломеева (тогда его фамилия писалась через «о») без необходимого образования приняли литературным сотрудником районной газеты. С этого дня не могло быть и полумысли о том, чтобы работать день ото дня, лишь бы удержаться в газете. Всё душевное горение существовало только для одного – оправдать большое доверие и надежды упорным трудом и творческим ростом. Благо в газете на тот момент сложилась семья молодых одарённых журналистов. Ответсекретарём газеты трудился будущий писатель Виктор Чекиров, а статьи, очерки, репортажи и стихи выдавали «на гора» замредактора Сергей Петухов и литсотрудник Дмитрий Алтухов. К слову сказать, эртильская «районка» в разные годы послужила трамплином журналистской карьеры для Михаила Шилова, Анатолия Морозова, Ивана Щёлокова, Сергея Павлова, Вячеслава Иванова, Дмитрия Алтухова, Марии Коваленко, Александра Лисняка, Вячеслава Яцких, Антонины Федоренко (Смотровой).

Полгода службы в армии приостановили профессиональный рост молодого журналиста, но добавили знание новой весьма не лишней воинской ипостаси. Работа в газете заставляла быстро постигать «правила социалистического общежития», вникать в проблемы производства и быта обычных и особенных людей, формировать личное

отношение к происходящему в районе, области и стране. После годового периода работы Пятерима Варфоломеева определили вторым секретарём Эртильского райкома комсомола. В те годы такие повороты зачастую бывали неизбежными и, конечно, влияли на последующее служебное выдвижение и продвижение. Работа в комсомоле требовала знаний сотен имён, проблем и коллективных дел в масштабах района. Пятерим успевал участвовать не только в росте рядов молодёжной организации, заседаниях, пленумах и конференциях. Его интересовали факты из прошлого, неординарные личности, инициативные дела и нравственные поступки земляков. Пятериму нравилось фотографировать. Фотография позволяла продлить событие, делала возможным возврат в день вчерашний, взглянуть в уже знакомые и новые лица. Со временем он научился предугадывать, ловить мгновенья не только статусных и парадных проявлений жизни. Работе с молодёжью комсомольский секретарь отдавался полностью, старался чаще бывать в учреждениях и на производстве, ролью аппаратчика тяготился, а любимым применением его творческого потенциала оставалась газета. Он искал случая вернуться к печатному слову, к поиску примеров «делать жизнь с кого» и необычных судеб. Пока интуитивно Пятерим чувствовал не просто потребность, но и некую миссию искать в людях то, что отличает их от других, что ведёт по жизни и является личностной опорой. Его влекли провинциальные чудики, люди с житейской иронией, философы без дипломов, испытавшие лихо, но не утратившие веру в добро и справедливость. В 1970 году его приняли в Союз журналистов и тем спалили последний мост отступления в иную ипостась.

В июле 1972 года Пятерим Николаевич возвратился в районную газету ответственным секретарём и заявил о себе так убедительно, что уже в апреле 73-го выпорхнул из «Трудовой славы» в «Молодой коммунар» и довольно скоро стал известным во всей области. Его последняя статья в «районке» вышла 31 марта 1973 года. В её лиричности не

явная грусть предстоящего расставания с тем, что сделалось для него привычным и близким. Новелла та была о памятнике близ Соколовской школы: «В Эртиль пришла весна. Стало тепло людям, стало тепло каменному солдату на пьедестале, стало тепло каменному ребёнку, который своими нежными руками ухватился за грубую шинель воина-освободителя...». Кстати, уже тогда он прочувствовал силу жизненной философии и последовательных действий директора Соколовской школы Александра Ивановича Завьялова – рыцаря человеческой доброты, педагога разумного патриотизма и светского духовника для способных воспринимать добро.

Не имея журналистского образования и соответствующей практики, не могу ставить оценок даровитости журналиста Пятерима Варфоломеева. Но вот сборник, составленный из статей и очерков, написанных им в разные годы, – «Это мы, Господи», на мой взгляд, стоит непременно иметь современному поколению журналистов как образец личного отношения и подачи (иногда на уровне интуиции) существа темы. В очерке «Прости меня, Эртиль» – щемящая, тоскливая боль из-за очередного эксперимента над «маленькими» людьми в годы хмельной и безжалостной ломки целой формации. Как изначальная позиция Пятерима Николаевича звучит его «...чем больше встречаешься с теми, кого принято считать «обыкновенными», тем твёрже убеждаешься в том, что за кажущейся заурядностью скрывается что-то необычное – в судьбе ли, в характере...». В строках о его отношении к провинциальному Эртилю – всё, что должно бы подсказать нам изучающе взглянуться в великого сына общей для нас «малой родины». Стоит взглянуться, чтобы в который раз убедиться, что великое в человеке соберётся тогда, когда он пронзительно любит, страдает и понимает саму жизнь, место своего проживания и переживания, добрых, щедрых и духовно наполненных людей.

Только вот в суетной тщетности, в беге за недостижимыми благами нам всё некогда либо бывает поздно... Да и

лицом к лицу, по-прежнему, лица не увидеть... И на расстоянии тоже не очень-то и видится. У гроба на отпевании в местной церкви и следом на кладбище стояло неприлично мало для проводов в вечность эртильцев: родные, одноклассники, друзья детства и юности, а из коллег и соратников – никого. Ну а что, собственно, удивляться – так у нас не вчера повелось. Но, может, просто многие не знали и по-настоящему не могли.

Жизненный круг сошёлся краями, сомкнулся: своего необыкновенного сына приютила породившая его эртильская земля. Ей Пятерим Варфоломеев был честно предан и не изменил. Ни одной своей строкой, ни единожды и ни при каких обстоятельствах.

Валерий ПЛАТОНОВ
г. Эртиль

ДАЛЬНОБОЙЩИК

Не забыть мне одну из встреч с Пятеримом Николаевичем в переломные, рыночные годы.
– Знаешь, – со вздохом проговорил он – было б у меня здоровье покрепче да и годков поменьше, взялся бы я за баранку «КамАЗа» – и дальнобойщиком по трассе. Ноги ведь носят, а колёса кормят. Это так мой батя поговаривал, когда шоферил в нашем Эртиле. Делу этому он и меня пригосил ещё пацаном.

Вспомнил Пятерим, как его отец Николай Иванович рассказывал про свои фронтовые годы, про то, как возил на передовую снаряды, ящики с патронами, харчи, доставлял горючее для боевых моторов, приноровившись к тяжким фронтовым дорогам. И счёту нет, сколько раз приходилось ему ремонтировать, «переобувать» машину. Осколок ведь шальной, не разбирает, где ему дырку проделать: в кабинке, в кузове или в колесе. В общем, преподала война отцу Пятерима особые курсы. И эту науку – каждый должен быть профессионалом в своём деле несмотря ни на что – завещал и сыну.

Вспоминается моя первая основательная встреча с Пятеримом Варфоломеевым, когда после редактирования газеты «Молодой коммунар» стал он возглавлять сектор печати, радио и телевидения отдела пропаганды и агитации Воронежского обкома партии. Пригласил он меня к себе в качестве тогдашнего первого заместителя председателя правления областной организации Союза журналистов СССР, чтобы предметно озадачить решениями последнего партийного пленума по разделу средств массовой информации. Но это «озадачивание», к моему удивлению, далеко вышло за тот формат, который предоставлялся мне в рамках привычных требований к логистике мас-

совой коммуникации как испытанному механизму идеологического, организационного воздействия на людей.

Начал Пятерим Николаевич не с монолога, как было принято в руководящих кабинетах, а с диалога, задав мне простой вопрос про читательский интерес. Охотно ли развёртывает наш подписчик ту же районную газету, если в ней только про пахоту, намолоты, надои, привесы и прочий расклад хозяйственных дел. А где человек, где личность – то главнейшее, от которого всё исходит? Я ответил, что описать процесс глубины вспашки, наверное, куда проще, чем разыскать интересного человека, душу его раскрыть, характер. Тут доверительный подход нужен, который, к сожалению, далеко не везде поддерживается на местах за чередой сводок, хозяйственных отчётов. На это завсектором ответил, что тут нашей журналистике негоже давать задний ход. Журналист, на его взгляд, – это даже не профессия, а род публичной службы. Азам этой профессии учат на факультете журналистики в университете. А вот как совместить её с актуальностью проблем текущей жизни, как вызвать к ним общественный интерес с позиции их решения через великолепие ума и воли человека, тут начинающему летописцу зачастую приходится действовать наобум.

Закончилась наша беседа родившейся идеей – наладить на местах организацию творческих семинаров с последующим проведением конкурсов на лучший репортаж, журналистское расследование, очерк, документальный телефильм с непременно показом людей ярких, самобытных, делающих всё, чтобы непрерывно двигаться вперёд.

Потом мне не раз приходилось быть у Варфоломеева. Наши семинары, конкурсы стали всё заметнее сказываться прежде всего на качестве районной печати, что вызывало у заведующего сектором СМИ потребность не скупиться на похвалу редакционных удач, «фитилей», то есть наиболее ярких публикаций.

Помню его хвалу очерку в рамонской газете о Герое Социалистического Труда, председателе колхоза «Путь к

коммунизму» Михаиле Владимировиче Батухтине. Добился он того, что приостановил в своём пригородном хозяйстве усиленную миграцию молодёжи в областной центр, дал ей возможность проявить себя дома – в техническом перевооружении полеводства, животноводства, заполнять свой досуг живым интересом к культуре. Чего стоил, например, возведённый в их селе Ямное Дворец культуры с ажурными фасадными колоннами, библиотекой, читальней, с костюмерной для сельских артистов, с цивилизованно обустроенным зрительным залом, где вместо привычных грубых лавок красовались теперь удобные мягкие кресла.

Помню Варфоломеевскую похвалу очерку «Отцовский порог» о председателе колхоза имени Куйбышева Репьёвского района Василии Яковлевиче Крюкове, тоже сделавшем главную ставку в своих хозяйственных делах на молодёжь. Местная школа сделалась для Крюкова стартовой площадкой, позволяющей хозяйству готовить кадры нового поколения – первоклассных механизаторов, операторов на фермах, техников, ремонтников, служителей культуры. Ребятам, обзаводящимся семьёй, колхоз за весьма щадящую кредитную отсрочку предоставлял обустроенные коттеджи. Об артельном опыте укоренения молодёжи на отцовской земле В.Я. Крюков как депутат Верховного Совета СССР доложил в Москве на одной из сессий.

Помню, как Пятерим Николаевич наизусть процитировал один из куплетов песни о воронежской трактористке, Герое Социалистического Труда Зинаиде Мелентьевне Молозиной из нижедевицкого села Острянка:

*По земле проходят поколенья,
И земля их подвиги хранит.
Есть в краю воронежском селенье,
Где поставлен трактор на гранит.*

Очерк, помещённый в районной газете, так и назывался – «Памятник пахарю». Было в жизни трактористки такое,

что в Великую Отечественную войну при наступлении гитлеровский войск на Воронеж, захватывающих и Нижнедевицкий район, пришлось ей спасти свой «Универсал». Чуть ли не под носом немцев сняла с него мотор, завернула в промасленную мешковину, поглубже зарыла у лесочка. После изгнания немцев мотор этот снова был прилажен к «Универсалу», который в тяжелейшее послевоенное время оказал великое облегчение женщинам, на чьи плечи легла вся деревенская работа. И был после этот трактор поставлен на гранит в центре районного посёлка как маяк, напоминавший людям о том, что ближе всего к великому стоят сила духа, честь и совесть человека, что красят любое звание.

Газетные «фитили» Пятерим Николаевич умещал в отдельной подшивке, говорил при случае: разве каждая деревня, каждый город не имеет своего великого человека? Такие люди должны стать не только украшением средств массовой информации, но и служить ориентиром в построении солидарного, гармоничного общества, где выращивается не просто хлеб или подсолнух, а выращивается человек.

Обобщение информационного опыта, практика публичной службы СМИ, ориентированная на уважение человека, его самого себя, особо пригодилась Пятериму Варфоломееву в годы горбачёвской перестройки, когда он уже в качестве собственного корреспондента центральной газеты «Труд» был обязан планоно передавать в Москву разгромные материалы. На этот счёт в одной из наших встреч он так и выразился – «разгромные», придав этому значению осуждающий смысл.

Помнится, задал он мне вопрос, не нахожу ли я, что в наших средствах массовой информации всё шире развёртывается соревнование по бойкости пера – кто больше всех «по-стахановски нарубает» негативных фактов относительно нашего жития. Я ответил, что обратное изображение предмета, по логике вещей, порождает эффект обратной связи, ориентирующей на то, чтобы этот предмет

снова обрёл светлые краски. На это собкор «Труда» ответил: по философии – всё так, но нашу перестройку, её нравственный дух надо, очевидно, защищать убеждающей конкретикой, наработанным опытом, как лучше, по здравому смыслу организовать нашу жизнь, избегать ухабов и рытвин по дороге к намеченной цели. Перестройке нужны не краснобаи, не крикуны, а профессионалы, которые далеко видят дорогу, знают, как рулить и куда рулить.

Собкоровское перо Пятерима Варфоломеева в то суматошное время доказательно отвергало безурядность лазейки «ломать – не строить», ставя в пример не умение разрушать, а умение налаживать дело – путно, бесшумно. Даровитым строителем нового, помнится, предстал в одной из варфоломеевских публикаций директор Воронежского совхоза «Масловский», член-корреспондент Российской академии сельскохозяйственных наук Виктор Павлович Павленко с его взглядом на разрешение социально-экономических проблем при переходе к рынку. Для этого нужен прежде всего технологический прорыв, создание новых, современных производств. Современное производство – это то, какое требует сегодняшнее время, производство, которого ещё ни у кого нет.

Аккумуляция, концентрация средств и ресурсов на ключевых направлениях развития позволила совхозу «Масловский» на прорывных участках не только кооперативно обеспечить самодостаточность производства путём его модернизации, глубокой переработки своей сельхозпродукции, но и востребованно доставлять эту продукцию на городской прилавок: колбасы всех сортов, сыры, йогурты, караваи хлеба прямо из печи и даже баварское пиво собственного варева на выращенном сортовом ячмене. Возросший уровень доходов хозяйства результативно сказался на прибыли социальной. Обрела она воплощение в обновлённой структуре сельской местности – благоустроенном жилье, газификации, централизованном водоснабжении, медицинском центре с филиалами фельдшерских пунктов в отдалённых сёлах, двух детских садиках,

новом Доме культуры, возведённом посередь Масловки Божьем храме с золотыми маковками.

Собкоровское перо Пятерима Варфоломеева в той горбачёвской перестройке по-своему утверждало: социальная справедливость – это извечная нравственная норма, неотъемлемая часть сознания людей. Без её соблюдения не может быть здоровым нравственный климат в обществе, как невозможна здоровая экономика. А позже, в лихолетье 90-х годов, при разгроме колхозов и совхозов, когда реформаторами был взят ориентир на индивидуальное фермерство по западноевропейскому образцу, собкор «Труда» по Центральному Черноземью, помнится, высказал в одной из своих публикаций неопровергаемую мысль, что успех хозяйствования в принципе зависит не от нового собственника, а от хозяина, что далеко не всегда одно и то же. Владение собственностью, а уж тем более внезапное её обретение, ещё не делает человека хозяином. Умение вести хозяйство – это целая наука, требующая и особого дара, и призвания, и ответственности, и многих других условий. Экономика в новом качестве, бесспорно, должна включать конкурентно-ценовую основу, строясь на рыночных принципах, но само общество не может быть рыночным, строясь по тому самому конкурентно-ценовому образцу.

Повстречал однажды собкор «Труда» одного такого собственника из бывших колхозных трактористов. Признался начинающий деревенский бизнесмен собкору, что с лопатой и вилами ему хорошего капитала, видать, не нажить. Ржавеет без работы выкупленный у бывшего колхоза дизельный трактор. Нет заправки, нет смазки, нет запчастей. Цена килограмма простой солярки уже сравнялась с рыночной стоимостью одного литра молока. И ещё надо кормить поле. А чем? Стоимость минеральных удобрений аж в 3,5 раза стала выше цены на зерно. А подмоги ждать неоткуда. К банковскому кредиту с высоченными процентами – не подступить. И займы взять не у кого. Одно воспоминание осталось от их села Лебяжье на сто десять дво-

ров. Прячутся ныне в бурьяне с заколоченными окнами 89 хат. За бесценюк продали их хозяева и свои земляные паи, которые той же лопатой или вилами не обработаешь. Вот и разъехался народ кто куда.

Рассказав мне про этого независимого собственника, который, сделавшись независимым от общества, взялся управлять экономикой, Пятерим, помнится, научно прокомментировал понятие «экономика». В переводе с греческого это домостроительство, путь к достатку. Но какой тут может быть достаток, если за два десятка лет поспешных рыночных реформаций, по неполным данным, только с карты Центрального Черноземья исчезло свыше 600 сёл и деревень. Невозможно посчитать сколько крестьянских семей покинуло родное подворье, сколько при этом жизненных трагедий разыгралось. Рынок – это прежде всего язык денег. Любовь к человеку тут не подразумевается. И надо, наконец, понять, что рынок вторичен по отношению к государственному управлению, что он лишь – двигатель конкуренции, педаль газа. А государственное управление – это надёжный руль, механизм ответственности, обязательности и вместе с тем верный тормоз, который при надобности можно и нужно использовать, обеспечивая порядок на пути исследования.

Вся окружающая жизнь преломлялась Варфоломеевским убеждением: чем больше мы будем общаться, доверительно опираться на кооперативные начала, тем скорее вырулим на дорогу результативной экономики, улучшения нашей жизни. Особо выделял Пятерим своеобразие российской деревни, её историческую тягу к общине, которая традиционно предполагала самоконтроль, предотвращение конфликтов, взаимопомощь по житейской пословице «Два горя вместе, третье пополам». Если западное сознание рассматривает в экономических взаимоотношениях конкуренцию, конфликт как позитивную ценность, позволяющую сильнее проявлять свои способности, то для русского менталитета, доказывал на живых примерах Пятерим, ценностью является, скорее всего, бескон-

фликтность – жить в мире, согласии, стараться жить не только для себя, но и для всех, что, конечно же, не оставляло много места для индивидуального.

Варфоломеевский «Москвич»-ветеран трудолюбиво колесил по городам и весям Центрального Черноземья. Но Москва, как признался мне однажды Пятерим, всё реже принимала для печатания материалы о проблемах «невидимой руки рынка», которая, по прикидкам нетерпеливых реформаторов, должна была оптимизировать развитие экономики. «Труду» – бывшему органу Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) – тоже надо было выживать. Газете для финансовой поддержки требовалась оплачиваемая рекламная продукция, которая, понятно, весьма ограничивала площадь для проблематичных публикаций, поступающих с мест. В этом я воочию убедился, когда по приглашению Варфоломеева стал штатно сотрудничать в региональном представительстве «Труда» в Центральном Черноземье. Та же реклама не оставляла много места для прежних популярных жанров: репортажа, публицистики, очерка, журналистского расследования, что, конечно, не позволяло нам, пишущим, развернуться в творческой полноте, сказать про жизнь, про экономику то, что хотелось сказать. И тогда, помнится, Пятерим посоветовал мне:

– А ты, чтоб перо не заржавело, всё равно пиши, что на душу легло. Хоть в стол. Такая уж у нас профессия – летописать.

Праведность этих слов я оценил позже, когда Пятерим, уже на пенсии, преподнёс всем нам знатный сюрприз – выпущенную за невеличек личных сбережений свою книгу о познании истины, добра и веры «Это мы, Господи».

Это был итоговый варфоломеевский труд – собрание очерков, дневниковых откровений, раздумий про наших современников, про нас, какие мы – в труженье, в переломных обстоятельствах, и как можем эти обстоятельства преодолевать, как извечно преодолевала их Русь Православная, народ наш на крутых дорогах своей истории.

Вспоминая сегодня Пятерима Николаевича, я перелистываю страницы его книги. Стиль её – сам человек, который есть мера всему, к которому всё должно возвращаться по закону справедливости. Этот закон имеет космическое происхождение, оставаясь незыблемым во все времена. Ныне, как никогда ранее, эта нравственная норма становится не только социально востребованной, но и социальной значимой основой жизни.

Страницы книги «Это мы, Господи» убеждают: если у народа сформулирован настрой на желаемые перемены, то они происходят. И находятся верные способы одолеть трудную дорогу, что немыслимо без умозорности управления, осознания долга, который развивает сознание права. Законами физики не управляют. И химия не подвластна людям. Но социальные законы – только в руках людей, которые обязаны следовать правилам человеческого благоразумия мудрости.

На одной из наших последних встреч, когда Пятерим Николаевич вернулся к пониманию справедливости в теперешней экономической реальности, мне подумалось, что «дальнобойщиком» можно быть не только за баранкой «КамАЗа». Им можно быть и на публичной службе средств массовой информации, если сила слова, говоря правдой жизни, обретает осознание права долга. У Пятерима Варфоломеева оно породило право и значение человеческого капитала, той прорывной силы, которая способна одолеть самую трудную дорогу и прежде всего на том перегоне, где надлежит ускорить ход нашей экономики и на человека её развернуть по закону справедливости.

Владимир ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ,
член Союза журналистов,
член Союза российских писателей

«ТРОЕ СУТОК ШАГАТЬ...»

Эта книга вышла в свет при содействии комитета по культуре и историческому наследию Воронежской областной Думы и департамента культуры Воронежской области. Согласитесь, нужны достаточно веские основания, чтобы региональная законодательная и исполнительная власть поддержала инициативу журналистского сообщества и включила книгу в перечень социально значимой литературы, издаваемой за счёт средств областного бюджета. И такие основания есть.

Главным девизом жизни и деятельности воронежского и российского журналиста Пятерима Николаевича Варфоломеева были известные не только журналистам, но и большинству читателей строчки:

*Трое суток шагать,
Трое суток не спать
Ради нескольких строчек в газете.
Если снова начать,
Я бы выбрал опять
Бесконечные хлопоты эти...*

Наблюдая за самыми яркими воронежскими журналистами, всё глубже убеждаюсь, что современная журналистика является тем общественным институтом, который выступает носителем общественной морали. Пятерим Николаевич Варфоломеев был одним из таких наших носителей нравственности. Поэтому все его статьи, очерки, книги не оставляли никого равнодушным, брали за душу...

Этот талант в нём был от его народных корней. Он вырос в простой рабочей семье шофёра и домохозяйки на прекрасной эртильской земле и всю жизнь пронёс с собой тепло отчего дома и родной земли. Вся биография его очень содержательна, начиная с детства и юности. Семей-

ное тепло, рабочая закалка, работа в комсомоле, огонь молодёжной газеты, опыт партийной деятельности на самом верху – такой багаж не почерпнёшь ни в одной партшколе, ни в одной академии госслужбы. Только после такого жизненного старта можно было четверть века с большим успехом работать в одной из лучших газет страны, какой был «Труд».

Его избранные статьи и очерки, вошедшие в книгу «Этo мы, Господи» (2008) и в это издание, – свидетельствуют о продолжении лучших традиций отечественной журналистики, отличаются глубиной, мастерством и добротным, качественным русским языком, на котором писали А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, М.Ю. Лермонтов, И.А. Бунин и другие классики.

Размышляя над творческим наследием Пятерима Николаевича Варфоломеева, мне хотелось бы отметить три главных, на мой взгляд, свойства его неповторимой и яркой публицистики.

Первое свойство – это искренняя и неподдельная любовь к малой родине, Воронежскому краю и всей России. Очерки «В списках не значится», «Хлеб – имя прилагательное?», «Прости меня, Эртиль» и другие вызывают у читателя не только ностальгию по недавнему прошлому, но и чувство патриотизма, личной ответственности за судьбу своей страны.

Второе свойство – это совесть настоящего русского интеллигента, каким был и останется в нашей памяти журналист и писатель Пятерим Варфоломеев.

И, наконец, третье свойство – это чёткая гражданская позиция, которую отмечают многие из авторов воспоминаний о П.Н. Варфоломееве, опубликованных в этой книге.

Медаль «За доблестный труд» была заслуженной наградой воронежскому журналисту. А к своему семидесятилетию Пятерим Николаевич удостоился и почётного знака Воронежской области «За труды во благо земли Воронежской».

Очень трудным выдался для Пятерима последний отрезок жизни. Наблюдать, как предают поруганию все ценности, о которых ты писал как о Добре, – это трудно. Но если бы он знал, что уже через год после его ухода эртильские школьники будут писать исследования о его творчестве...

В одной из таких работ я нашёл пронзительные строчки П.Н. Варфоломеева, которые возвышают спецкора «Труда» до уровня Есенина:

*Но! Мы ещё от жизни не ушли.
Свет берёз не весь ещё распродан.
И вернутся снова журавли –
Остаюсь с обманутым народом!*

Уходит человек, и от него остаётся духовный след. Человека нет, а он греет нас, помогая жить. Чем ярче был человек, тем ярче его духовная звезда.

Уверен: эта книга не залежится на полках библиотек, она будет обязательно востребована серьёзными и вдумчивыми читателями, особенно молодёжью, которых интересуется прошлое, настоящее и будущее родного воронежского края и нашей страны – великой и сильной России.

Сергей РУДАКОВ,
заместитель председателя
Воронежской областной Думы

МОЙ НАСТАВНИК ОТ «ЗЕМЛИ ОТЦОВ...»

Начало августа 1974 года. Принимавший меня, 16-летнего вчерашнего школьника, на работу редактор аннинской районной газеты «Ленинец» Дмитрий Макарович Алтухов перечитывал вырезки с публикациями. Это были мои творения за последние три года. Проблематика – от школьных событий до экологических проблем Прибитюжья. Напечатано было всё в том же «Ленинце». Но Алтухов был в редакции только что назначенным. Меня видел впервые. Читал внимательно. Задавал уточняющие вопросы.

– Будешь литсотрудником, – вынес решение Дмитрий Макарович. – Тема села – твоя однозначно. Но надо работать и учиться... И ещё. Тебе следует познакомиться с Пятеримом Варфоломеевым. Обязательно. Рим – наш земляк, родом из соседнего Эртильского района, ведёт в «Молодом коммунаре» рубрику «Земля отцов – твоя земля». Читай и учись. А познакомиться – обязательно...

И только через несколько лет уже студентом-старшекурсником отделения журналистики я вошёл в кабинет Пятерима Николаевича Варфоломеева, ставшего к тому времени редактором «Молодого коммунара».

Говорили не о прописных истинах ремесла журналиста, а о поиске социально значимой темы, проблемах деревенской глубинки, чертах героев... Однозначно, Варфоломеев произвёл на меня впечатление. Это было общение с профессионалом, талантливым человеком, учителем... Он обладал сильной энергетикой – не просто верилось его словам, после его напутствий, произнесённых немного низким и хриловатым голосом, я готов был мчаться по сёлам и весям Черноземья, собирать материал и писать, писать и писать... Я был «рукоположен» и допущен Пятеримом Николаевичем на творческую площадку «Земли отцов...». Хотя писать больше пришлось о комсомольской жизни.

Кураторство Пятеримом Николаевичем студенческой практики переросло в руководство моей дипломной работой. С заведующим отделением журналистики Воронежского госуниверситета профессором Г.В. Колосовым согласовали тему творческой дипломной – о проблемах закрепления молодёжи на селе. Я ездил в командировки. Писал. Пятерим читал, критиковал, ругал, заставлял дорабатывать, искать новую фактуру. Получались острые и проблемные публикации. Вскрывались недостатки, которые местные власти замалчивали. Ему звонили секретари райкомов комсомола с гневными требованиями разобраться с корреспондентом. А на статью о том, как была загублена инициатива с созданием комсомольско-молодёжной фермы в одном из не критикуемых в те времена районов, сослались на областной конференции, и конфликт обещал мне «весёлые» разборки... Но Варфоломеев своих в бою не сдавал, и начальство с его аргументами, как правило, соглашалось... С лёгкой руки Пятерима Николаевича научную часть дипломной работы написал на одном дыхании и успешно прошёл защиту.

В том же 1980 году Варфоломеев вновь сыграл в моей судьбе решающую роль. Воронежский обком КПСС запросил из числа выпускников нашего курса молодого специалиста в одну из редакций областного радио. С одним условием – должен быть членом КПСС. Эта счастливая, казалось бы, карта выпала мне, только что принятому в ряды партии.

Профессор Г.В. Колосов вызвал меня, объяснил, что звонили из обкома, – меня ждёт руководитель областного комитета по телевидению и радиовещанию сегодня к 10.00. Оставалось полчаса, и я как на крыльях понёсся в сторону телецентра (одна из моих студенческих практик на областном радио уже была, и была успешной, с хорошими отзывами, поэтому коллектив воспринимался как родной). В приёмной председателя комитета подтвердили, что да-да, действительно, ждут. И я шагнул в проём двери руководящего кабинета... Лучше бы не входил... Меня «ровняли с землёй» и унижали так, как я и не мог себе представить: и не журналист, и в жизни – ноль, и опыт работы в районке – это ничто, и практика на радио не

считается, и вообще из обкома никто не звонил... И когда я от каскада унижений готов был плюнуть и выйти вон, мне было предложено взять у редактора промышленных радиопередач Владимира Гончарова «Репортёр» (профессиональный магнитофон), принести с улицы материал на любую тему, и если он пройдёт в эфир, то о моём будущем здесь ещё подумают...

После такого испытания, ошарашенный, я брёл по проспекту Революции. За «Репортёром» не пошёл. Бог послал мне навстречу заместителя редактора «Молодого коммунара» Виталия Ивановича Жихарева – моего первого и главного учителя в журналистике (ещё в седьмом классе первую заметку написал с его помощью), а ещё и коллегу по аннинской районной газете. Справедливости ради замечу, что очень благодарен Виталию Ивановичу за его поддержку в моей творческой жизни и умение оказаться рядом в самую трудную минуту.

– Александр, ты не похож на себя... Что случилось?

Рассказал ему в деталях о своём визите к председателю телерадиокомитета. Виталий Иванович отреагировал на это, используя, скажем так, лексику негодующих передовиков соцсоревнования в сфере животноводства.

– А Риму ты рассказал об этом? Нет? Пошли к нему...

Варфоломеев слушал мой рассказ молча. Не мигая, смотрел через стильные очки. Когда я закончил, он тоже процитировал животноводов.

– Забудь. Напишем ходатайство в обком... Пойдёшь к нам в отдел комсомольской жизни...

Через неделю рано утром Варфоломеев позвонил прямо домой.

– Быстро собирайся, возьми партбилет. Через полчаса жду в обкоме, у постового милиционера на первом подъезде. Придёшь – объясню.

В обкоме Пятерим Николаевич завёл меня в какой-то кабинет, из папки на столе достал ходатайство редакции с прикреплённой к нему бумажкой-бегунком с номерами и резолюциями.

– Вот видишь мою подпись на ходатайстве? При тебе ставлю ещё одну резолюцию, только теперь уже вверху.

Вчера назначили меня заведующим сектором печати... Это, брат, такая ситуация, когда отказываться нельзя... Хотя понимаю, что свободу, похоже, я теряю. А ты давай, вперёд!

Заявление о приёме на работу в редакцию я писал уже на имя Виталия Ивановича Жихарева, руководившего в то время «Молодым коммунар».

Кстати, у журналистов «Молодого коммунара» периода 70-х – начала 80-х годов действительно была определённая творческая свобода по сравнению с другими партийно-комсомольскими СМИ. Были смелые и талантливые публикации. Газета несла в жизнь новаторские идеи, формировала определённое настроение разумной демократии, поднимала авторитет человека труда, говорила о праве своих героев на поступок, защищала честь и достоинство простых граждан. Многие зависело от редактора. Пятерим Николаевич умел гибко и дипломатично строить отношения с партийными властями, обеспечивая эту творческую свободу для сотрудников редакции. А в «Молодом коммунаре» в тот период трудились и творили люди, у которых я учился и которых можно по праву назвать «золотым фондом» отечественной журналистики, – Виталий Жихарев, Станислав Никулин, Владимир Новохатский, Ольга Парфёнова, Леонид Коробков, Юрий Пульвер, Михаил Сенков, Валерий Журавлёв, Алексей Соловьёв, Алексей Павлов, Виктор Одинцов, Михаил Вязовой, Михаил Рогозин, Анатолий Костин, Ирина Слюсарева, Иван Щёлоков, Эдуард Ефремов, Пётр Новиков, Юрий Коденцев, Олег Чуркин, Тамара Якуц, Ирина Слюсарева и другие.

Обкомовскую обстановку Пятерим Николаевич терпел недолго. Ему удалось вырваться на простор журналистского творчества, и многие годы я с огромным удовлетворением читал материалы газеты «Труд», подготовленные собственным корреспондентом Пятеримом Николаевичем Варфоломеевым – талантливым журналистом и замечательным человеком.

Александр ТИМАШОВ,
член Союза журналистов России

НА ЕГО ПРИМЕРЕ ВОСПИТЫВАЕМ СТУДЕНТОВ

Имя Пятерима Николаевича Варфоломеева крепкими узами связано с историей отечественной и воронежской журналистики. Выпускник ВГУ, он работал в Эртильской районной газете «Трудовая слава», заведующим отделом сельской и рабочей молодёжи, заместителем редактора, главным редактором газеты «Молодой коммунар». Более 25 лет был собкором газеты «Труд» по областям Центрального Черноземья. Один из лучших публицистов России...

Мы познакомились в середине 1970-х годов, когда я, сотрудник башкирской молодёжной газеты «Ленинец», приехал в Воронеж для того, чтобы продолжить профессиональное образование в очной аспирантуре Воронежского государственного университета имени Ленинского комсомола.

...Август 1976-го. Воронеж встретил меня теплом и буйной зеленью каштанов улицы Плехановской. Пока ждал очереди в отдел аспирантуры, успел прочитать университетскую многотиражку, которая приятно удивила и содержанием, и формой: такой объём для «вузовки» – четыре полосы малого формата – был редкостью, обычно выпускались «двухполоски». «Молодой коммунар», купленный в киоске, лишь подтвердил мою догадку: в городе, где уже столько лет существует отделение журналистики, уровень прессы по определению должен быть высоким.

Да и как могло быть иначе, если эту газету в своё время редактировали такие известные литераторы, журналисты и издатели, как Б. Стукалин, М. Домогацких, Е. Дубровин и другие, здесь начинал творческий путь лауреат Ленинской премии В. Песков. Неслучайно в 1960-е годы «Молодому коммунару» вместе с шестью другими областными молодёжными газетами РСФСР было предоставлено почётное право выходить три раза в неделю форматом А-2. Наряду с

«Московским комсомольцем», ленинградской «Сменой», тульским «Молодым коммунарком», свердловской газетой «На смену!», уфимским «Ленинцем» воронежский «МК» входил в число лучших.

Конечно, меня тянуло в редакцию, но надо было найти повод для визита. У меня был небольшой архив карикатур, с которыми я был направлен к ответственному секретарю. Им оказался неторопливый интеллигентный великан (по крайней мере, таким он показался робкому внештатнику) и при этом, как я узнал позднее, – тонкий поэт-лирик Станислав Никулин. Через много лет, когда я принёс подборку своих стихов в редакцию журнала «Подъём», где он трудился уже несколько десятилетий, мы крепко подружились.

Мой товарищ Вадим Кулиничев, преподававший на кафедре журналистики и так же, как я, обучавшийся в аспирантуре у Горислава Валентиновича Колосова, плотно сотрудничал с «Молодым коммунарком». Именно он по причине своей занятости попросил меня сходить на гастрольный спектакль Московского областного театра «Госпожа министерша» и написать рецензию для «молодёжки». Вадик сократил (и правильно сделал) мою рецензию до трёх страниц, придав почти научному тексту публицистический лоск, и вскоре наша совместная публикация появилась в «чердаке» «молодёжки».

...Смотрю на фотографию «Молодого коммунара» тех лет. В центре – редактор Пятерим Николаевич Варфоломеев. Он обладал редкими по нынешним временам качествами – совестью русского интеллигента, умением принять, пропустить через себя людскую боль, сопереживать вместе с героем своего очерка или рассказа. Его публицистические произведения отличает искренняя и светлая любовь к малой родине, к России в целом.

За годы работы в региональной и центральной прессе он был награждён многими почётными грамотами и дипломами Союза журналистов СССР и России, знаком «Отличник печати», медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда», ему было присвоено почётное звание «Заслу-

женный работник культуры Российской Федерации». В 2017 году указом губернатора Воронежской области за многолетнюю плодотворную работу в средствах массовой информации, высокий профессионализм и в связи с 70-летием со дня рождения он был награждён медалью «За труды во благо земли Воронежской».

На примере жизни и творчества П.Н. Варфоломеева, на его книгах, статьях и очерках мы воспитываем и будем воспитывать новые поколения журналистов, настоящих патриотов и профессионалов своего дела.

Владимир ТУЛУПОВ,
доктор филологических наук, профессор,
декан факультета журналистики ВГУ,
президент Академии наук региональной печати России

ПРИВЕТ, ЗЕМЛЯК!

С Пятеримом Николаевичем Варфоломеевым я никогда не работал. Не был ему земляком. Но вплоть до своей кончины он упорно называл меня именно земляком. Всё дело в Эртиле – его малой родине. Он был уроженцем этого небольшого районного городка. В местной газете «Трудовая слава» начинал свой журналистский путь. В 1972 году его пригласили на работу в газету «Молодой коммунар». Возможно, способствовал переходу бывший ответственный секретарь эртильской районной газеты Виктор Мустафьевич Чекиров. В те годы он уже был редактором знаменитой областной молодёжки. Наверняка ему нужны были талантливые сподвижники. И давний коллега Варфоломеев был как никто кстати.

Почему же нас объединял Эртиль?

В 1978 году после окончания филологического факультета Воронежского государственного университета мне предложили распределиться не в школу, как большинству выпускников этого факультета, а в районную газету. Предложение исходило от сектора печати обкома партии. Ходили разговоры, будто бы в районах не хватало газетчиков и молодые пишущие филологи могли отчасти восполнить дефицит кадров. На университетской комиссии по распределению был назван конкретный адрес моей будущей работы – эртильская районная газета «Трудовая слава». После оглашения вердикта и перед грядущей отправкой на двухмесячные военные сборы мы с будущей женой Натальей поехали в Эртиль на разведку. Нас любезно встретил тамошний редактор Виталий Григорьевич Господарёв, подтвердил, что молодые кадры нужны и никаких проблем не будет: служите себе спокойно...

Однако мой первый заход в эртильский край завершился пшиком. По возвращении с военных сборов узнал, что Господарёв переведён в Рамонь. Новый редактор районки

Иван Ильич Звонников при встрече недвусмысленно намекнул, что ему выпускники вуза не требуются, что ситуация поменялась, с кадрами в редакции «полный комплект». «Обращайтесь в сектор печати обкома», – посоветовал он. И я оказался в терновской районной газете «Красное знамя». Жильё предоставили временное – однокомнатный закуток при средней школе.

Летом 1979 года я рискнул съездить на приём к заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии Георгию Федотовичу Струкову. Объяснил ситуацию с жильём и появлением ребёнка. Прищурив хитро глаз, тот неожиданно согласился помочь и назвал... Эртиль. «Ответственный секретарь переезжает в Борисоглебск, – пояснил он. – Освобождается однокомнатная квартира. – И спросил: – С должностью справишься?.. Вот и хорошо!» «Это судьба!» – подумалось мне тогда.

Так в сентябре 1979 года я как бы повторно распределился в Эртиль. После ремонта въехали семьёй в однокомнатную квартиру. Двухэтажный дом стоял сбоку райкома, на главной городской площади имени вождя мирового пролетариата. На противоположной стороне площади, перед районной библиотекой, был небольшой парк с мемориалом советским воинам. Мы любили гулять здесь с маленькой дочкой. Справа от площади, если глядеть из окон нашей квартиры, тянулись строения социально-бытового назначения: несколько жилых одноэтажных домов, хлебный магазин, кафе, возле которого постоянно толпился жаждущий люд.

Эта патриархальная атмосфера с одновременным присутствием на пяточке памятника Ленину, райкома КПСС, мемориала, парка, детских колясок, а также булочной и кафешки рождала какое-то странное умиротворённое настроение. Мы были рады, что у нас есть свой угол и работа, у годовалой дочки – место в яслях. О большем в те годы и не мечталось. Зброшенные по воле судьбы в тихий степной городок на границе с Тамбовщиной, мы ощущали себя здесь вполне счастливыми.

*Вузы... Распределение...
В звенья одной цепи
Свяжутся впечатления
От городка в степи.*

*В парке на край скамеечки
Сядем – два голубка,
Чтобы ползгать семечки
Жареные, из кулька.*

*Рядом, на тихой улочке,
Местные подшофе.
Хлебом несёт от булочной,
Вермутом – от кафе.*

*Мимо пройдут знакомые,
Скажут тихонько: «Здрасьть!..»
Молча улыбки скромные
С нами разделят страсть.*

*Мы до того влюблённые –
Нет других на земле!..
Будни наши районные
В городе Эртиле.*

Однажды в один из таких районных будней я впервые увидел в здании редакции П.Н. Варфоломеева. Именитый эртилец заведовал сектором печати, радио и телевидения областного комитета КПСС. Всякий его краткий рабочий визит на малую родину вызывал фурор у местной редакционной публики. Она чуть ли не боготворила бывшего коллегу, гордились им так, как могут гордиться жители провинциальной глубинки, – восторженно, искренне и тепло. Честолюбивые работники райкома партии втайне завидовали головокружительной карьере Пятерима Николаевича, заискивали перед земляком, выказывая прилюд-

но почёт и уважение. Я же до этого момента о Варфоломееве лишь слышал из разговоров коллег – районных журналистов. И вот состоялось мимолётно-сумбурное знакомство, о котором, я думаю, Пятерим Николаевич тут же и забыл. Но, видимо, не навсегда.

В феврале 1982 года я перебрался на жительство в Воронеж. Мысленно строил свою будущую научную карьеру в Воронежском госуниверситете. Преподавал русский язык и литературу иностранным студентам на подготовительном факультете. Однако в августе того же года судьба в очередной раз совершила крутой вираж, опустив меня в редакцию газеты «Молодой коммунар». Послужной список с анкетой не мог миновать сектор печати обкома партии. Именно в те «младокоммунаровские» годы мне впервые довелось услышать от П.Н. Варфоломеева его фирменное: «Привет, земляк!»

В том же году он стал собственным корреспондентом газеты «Труд» по Черноземью. Общались мы редко, зато его очерки я читал регулярно. Передо мной открывался совсем другой Варфоломеев: не партийный работник, не обожаемый эртильцами земляк, а яркая творческая личность со своим почерком, стилем, страстной публицистичностью. Он умел находить темы – актуальные, острые, крайне необходимые обществу, погрузившемуся в перестроечные страсти. Он прекрасно знал и любил сельскую глубинку, её быт и нравы, понимал душу человека из этого мира, и публикации из забытых богом и властью уголков глубинной России буквально пронзали правдивостью, авторской болью за то уродливо-нищенское духовное и моральное состояние, в которое поместили наших соотечественников помимо их воли.

В 1987 году я стал редактором газеты «Молодой коммунар». Это обстоятельство послужило ещё одним поводом во время наших с П.Н. Варфоломеевым нечастых встреч обращаться к Эртилю.

– Привет, земляк! – дружелюбно протягивал он руку и, если рядом находился ещё кто-то, обращался к собеседни-

ку: – А ты знаешь, что среди редакторов «Молодого коммунара» трое – выходцы из эртильской районки?

И показывал на меня:

– И он тоже! А значит, Иван мой земляк!

Так и ходил я в почётных земляках одного из самых талантливых воронежских журналистов, не возражая и не протестуя. Мне даже нравилось быть земляком Варфоломеева, а не коллегой, коих у него в нашей профессиональной среде десятки.

Эртиль действительно оставил в памяти много ярких страниц из моей журналистской карьеры. Я хорошо знал его двоюродного брата Михаила Варфоломеева, директора музыкальной школы, писал о нём в газете. Первое время нашим соседом по подъезду была семья Наталья Ивановны Субботиной, вскоре избранной первым секретарём Эртильского райкома партии. Мы вместе следили за чистотой на этаже, по графику убирали подъезд, мыли полы, протирали стёкла, наводили порядок во дворе. Даже спустя годы и годы Наталья Ивановна, находясь на заслуженном отдыхе, не раз звонила мне и приглашала в Эртиль встретиться с детишками в школе, попутно с увлечением рассказывала о делах районного совета ветеранов. И непременно заводила речь о Варфоломееве: Пятерим Николаевич для неё по-прежнему оставался гордостью эртильской земли.

Как-то в летний выходной, в конце июля (а вот в каком это году было, сейчас уже точно не вспомню), заехал я на дачу к Виталию Ивановичу Жихареву. Ходим с ним по участку, рассматриваем, где да что. Вдруг голос за забором:

– Привет, земляк!

Стоит на грядке Пятерим Николаевич, в руке держит большой пук чеснока – каждая чесночина с мужской здровенный кулак.

– Видел когда-нибудь такой... – будто и не спрашивает, а хвастается и поднимает руку на уровень груди, чтоб нагляднее было.

Матёрого дачника трудно было чем удивить, но тут я искренне удивился: такого огромного чеснока никогда не видел.

Разговорились, я поинтересовался, как это ему удаётся. Вместо перечисления агротехнических тонкостей ответил коротко и с юмором:

– Душа человекья, и никаких секретов!

Правда, чуть позже Виталий Жихарев внёс ясность: Пятерим раздобыл где-то особый сорт семян.

Зато другим дачным секретом эртильский земляк со мной поделился. Как-то посетовал я на проблемы с выгребной ямой: сложил её из кирпича, но она неглубокая, всего метр тридцать – грунтовые воды не дают рыть глубже.

– Я по-другому сделал, – рассказал он. – Один мудрый знакомый научил. Притащил б/ушных покрышек от грузовика, из них смастерил выгребную яму. В чём выгода? Дошёл до воды, уложил шину, из-под неё выгреб песок – опустился на пару десятков сантиметров, затем сверху ещё одну уложил – выгреб – снова уложил... Уже не метр тридцать, а почти два. Летом яма пересыхает, а техническая вода уходит между шин, фильтруется...

Не знаю, насколько практичным был совет журналиста в отношении выгребной ямы, я им не воспользовался. Зато понял, П.Н. Варфоломеев – не белоручка, по-крестьянски сметливый мужик. Его хозяйская хитреца соседствовала с природной открытостью и доверчивостью. Он верил людям, с которыми его сводила жизнь, и болезненно реагировал на обыкновенную житейскую подставу.

Однажды позвонил мне и напросился в гости. Это было в 2008 году. Я тогда возглавлял управление по делам печати и СМК администрации Воронежской области. Через какое-то время дверь в кабинет распаивается и на пороге объявляется Пятерим Николаевич.

– А-а, земляк! Проходи, – машу ему рукой.

– Привет, земляк! – глухо говорит с улыбкой. Но по выражению лица вижу: чем-то сильно озадачен.

– Дело у меня тут такое... – достаёт из сумки толстый книжный том. – Затеялся вот издать избранные очерки, – протягивает его мне, поясняя попутно: – Это сигнальный экземпляр... Ну, а с подмогой вышел прокол.

Читаю на обложке фолианта странное, как поначалу показалось, название: «Это мы, Господи...». Перелистываю титул и вижу фото знакомого губернского начальника с напутствием.

– А он для чего здесь? – киваю с улыбкой. – Специалист по русской публицистике?

– Понимаешь, как всё получилось. Знаем друг друга с комсомольской юности. Позвонил ему: так, мол, и так, книгу хочу издать, не найдёт ли твоя контора тысяч тридцать... «Заходи на следующей неделе», – говорит. Ну, я и пошёл. Рассказал, показал, объяснил, что за книга и о чём. Он железно пообещал помочь. Договорились, что я ставлю его фотку с текстом-напутствием, несу книжку в типографию, чтобы время не тратить, а за это время он обещал решить вопрос по деньгам. Из типографии уже звонили – через пару недель тираж готов будет. А у моего знакомого что-то не получилось. Небольшую сумму из личных сбережений я отдал. Но не хватает тридцати тысяч.

– Ладно, – говорю ему. – Дай мне время уточнить ситуацию. Кстати, для сведения: мы должны согласовать издание твоего гроссбуха с членами областного совета по книгоизданию. Но тут, думаю, проблем не будет: большинство тебя хорошо знает. Да, вот ещё что. Тираж передаём в областные, районные и городские библиотеки для пополнения фондов. У нас же это социально-культурная программа. Автору – десять процентов от тиража. По-другому не получится. Согласен?

– Да о чём разговор! Конечно, согласен. – И вдруг показывает на фото чиновника: – А с этим что? Убирать?

– Оставь... Перепечатывать дороже обойдётся.

После мы вновь долго не виделись. Ходили разговоры, что Варфоломеев болеет. Я уже работал в журнале «Подъём». Затеяли выпуск тематических номеров, посвящённых

истории, культуре и литературе малых городов провинциальной России. Летом 2013 года мне позвонил заместитель главы Эртильского района Валерий Евгеньевич Платонов, историк и краевед, человек, исключительно творческий и трепетно влюблённый в свой край, и предложил подготовить эртильский номер «Подъёма». Понятно, без варфоломеевской документальной прозы было не обойтись. Я много-много раз названивал Пятериму Николаевичу. Ни домашний, ни сотовый телефон не отвечали. Интересовался у В.Е. Платонова, тот тоже недоумённо пожимал плечами, резюмируя: «Знаю, что болеет». Но всё-таки по осени дозвонился! Голос земляка был усталым и глухим. Моё предложение его несколько взбодрило. Вместо очерков он вызвался дать рукопись о четвероногих друзьях. Эртильский номер вышел в марте 2014 года. По согласованию с автором подборку назвали «Дай лапу на счастье. Непридуманнные рассказы о собаках».

Летом того же года мы с П.Н. Варфоломеевым случайно встретились в Новой Усмани. Я ехал на дачу, он – по направлению к центру села. Пятерим Николаевич выглядел бодрым и весёлым. Видимо, ему было лучше. Даже борода, которую он носил последние годы, не скрадывала молодецкую удаль хозяина. Как два заправских грузина на узких улочках Тбилиси, притормозили прямо посреди дороги. В открытые ветровые стёкла успели поприветствовать друг друга и перекинуться несколькими фразами. Под истеричный вой сигналов в сочетании с крепким словцом нас быстренько согнали с проезжей части раздражённые водители.

В начале 2018 года звонил Сергей Иванович Рудаков, интересовался моей реакцией: он беседовал с губернатором А.В. Гордеевым о вручении П.Н. Варфоломееву почётного знака «За труды во благо Воронежской области». Оба согласились, что делать это непременно нужно.

В воскресенье, 9 сентября 2018 года, рано утром позвонил В.Е. Платонов:

– Саныч, вчера Пятерима похоронили... – грустно сказал он.

– От тебя впервые слышу, честное слово. Мы только вчера после обеда возвратились с женой с юга.

– Всё проходило стремительно, – уточнил Валерий Евгеньевич. – В пятницу Рим скончался в реанимации, а на другой день его привезли хоронить в Эртиль...

Прощай, земляк!

Иван ЩЁЛОКОВ,

редактор газеты «Молодой коммунар»

с 1987 по 1992 год,

председатель правления Воронежского отделения

Союза писателей России,

гл. редактор журнала «Подъём»

ИСКРА БОЖИЯ НЕ ЗНАЕТ ФАЛЬШИ

Мы познакомились в Москве на встрече собственных корреспондентов «Труда». Во времена горбачёвской перестройки редакция газеты такие сборы проводила по два-три раза в год. В строгом костюме, подтянутый, подчёркнуто строгий и немногословный, Пятерим Николаевич даже на посиделках в шумной журналистской компании выглядел эдаким педантом.

Но внешность иногда обманчива, и это был как раз тот самый случай.

Позже по газетным делам нам часто приходилось общаться, поскольку я в ту пору отвечал за сельскую тему. Эта сфера жизни была одной из важнейших как для Центрального Черноземья в целом, так и для творчества журналиста Варфоломеева в частности.

Хотя нет, не так – для воронежского собкора она оказалась не «одной из», а самой что ни на есть главной, профильной. Он не просто досконально знал предмет, о котором писал, что в советское время считалось обязательным условием для уважающего себя журналиста.

Внешне флегматичный воронежский собкор оказался настоящим бойцом, готовым принципиально отстаивать свою позицию перед начальством и защищать героев своих публикаций от наседающих бюрократов и чиновников. Он отдавал журналистике себя, вкладывал в работу душу. В Варфоломееве совершенно точно была искра божия, а чего не было ни на йоту, так это подбострастия и фальши.

В очерках и репортажах из воронежской или липецкой глубинки – глубоких, живых и острых – неизменно присутствовало искреннее сопереживание автора своим героям. Совершенно справедливо такие публикации становились

событием для газеты, вызывали общественный резонанс и отклики читателей.

А их счёт шёл на десятки миллионов. В конце 80-х «Труд» попал в Книгу рекордов Гиннеса как самое тиражное ежедневное периодическое издание. Читатели газете доверяли, потому что она – в полном соответствии с названием – считала главной задачей социальную защиту наёмных работников. «Труд» имел полсотни своих представителей в столицах союзных республик и ключевых регионах России. Работавшие в провинции собкоры позволяли редакции держать руку на пульсе, находить и поднимать острые и злободневные темы.

В этой славной когорте собкоров Варфоломеев четверть века оставался среди лидеров и получил признание как принципиальный и самобытный публицист.

Он, конечно же, знал себе цену. Поэтому не разменивался по мелочам и не колебался вместе с «генеральной линией» компартии или демократов гайдаровского призыва. Дурман перестройки многим вскружил головы, а некоторые вполне искренне верили, что ради светлого будущего надо всё разрушить до основания.

Пятерим Николаевич в этом отношении оказался мудрее и зорче. Потому что общался с теми, кто стоял у токарного станка и за штурвалом комбайна, в сборочном цеху авиазавода или за кульманом в секретном КБ. Для этих людей развал страны и раздрай «лихих девяностых» стали тяжёлым испытанием, и Варфоломеев именно так воспринимал события последних десятилетий.

Наши телефонные разговоры – к сожалению, не слишком частые – он всякий раз заканчивал нелицеприятными оценками происходящего и недоумёнными вопросами в адрес власти. Они были риторическими, и, скорее всего, все мы отправимся в мир иной, так и не узнав ответов.

Но у Пятерима Николаевича было особенное, выстраданное знание, которое его поддерживало на долгом и тернистом земном пути. Он ведь не случайно хотел назвать последнюю книгу «Дорогие мои земляки». Мало

кому выпадает удача встретить столько замечательных людей – и не просто завести знакомство и дружить домами, а ещё и протянуть руку, реально помочь, поучаствовать в судьбе.

Поэтому рискну предположить, что замечательный человек и талантливый журналист Пятерим Варфоломеев прожил счастливую жизнь.

Василий ЩУРОВ,
заместитель гл. редактора газеты «Труд»

г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ

ЗИМНЕЙ ЧЕРЁМУХИ ЦВЕТ. Статьи и очерки

Зимней черёмухи цвет	5
В списках не значится.....	12
Один день Ивана Степановича	21
Ищу невесту в деревне.....	27
Уголёк бабы Мани.....	34
Жена Карамазова	37
«Дальнойбойщики»	43
Хлеб – имя прилагательное?.....	49
Как я вместе с Семёновной телка продавал.....	56
Изба с заколоченными окнами.....	62
Три десятых поросёнка.....	68
Колхоз... на продажу	75
Прости меня, Эртиль	81
Чудаки	89
Американский папа.....	93
Есть бабушки в русских селеньях	97
Невероятные приключения африканца в России.....	100
Живи и помни	104
Земляки	110
И это тоже «Мы»?	113
«В одной знакомой улице я помню старый дом»	117
Мелодии с запахом полыни.....	121
Обрубленное дерево	125
Любовь к истории начиналась с вальса.....	131
Женственна, как Натали, и вспыльчива, как Пушкин.....	134
Живая вода	141
Собачья верность	146
Горит звезда Вифлеема	151

И ЭТО ВСЁ О НЁМ... Слово друзей и коллег

В. Барабашов. В редакции его звали по-свойски – Рим....	159
Е. Березнева. Прохвосты в этот круг не входили	165
В. Жихарев. Тогда мы были молодыми.....	168

В. Будаков. Мне он запомнился таким.....	188
М. Вязовой. Мой первый редактор	191
В. Колобов. Так он попрощался с нами.....	195
О. Нестерова. Прыгать с парашютом.....	199
В. Новохатский. Чтоб взрывались слова, как патроны в костре.....	202
А. Пирогов. Мастер-класс длиной в жизнь	213
В. Платонов. Наш Пятерим.....	216
В. Петропавловский. Дальнобойщик.....	224
С. Рудаков. «Трое суток шагать...».....	233
А. Тимашов. Мой наставник от «Земли отцов...»	236
В. Тулупов. На его примере воспитываем студентов	240
И. Щёлоков. Привет, земляк!.....	243
В. Щуров. Искра Божия не знает фальши.....	252

Пятерим Варфоломеев

ДОРОГИЕ МОИ ЗЕМЛЯКИ

Редактор-составитель: В.В. Колобов

Подписано в печать 22.09.2020

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная

Гарнитура Cambria

Усл. печ. л. 13,44 + вклейка 0,84. Тираж 300 экз. Заказ №708

Отпечатано с готового оригинал-макета
в обществе с ограниченной ответственностью

«Тамбовский полиграфический союз»

392000, г. Тамбов, Моршанское шоссе, 14А

Тел. 8(4752) 53-26-27

E-mail: info@tps68.ru

www.tps68.ru